

**НОВОСТИ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

ЛБ 14 520
ПЬЕР БЕНУА

ДОРОГА ГИГАНТОВ

**ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО**

ЛБ14520

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

П Ъ Е Р Б Е Н У А

PIERRE BENOIT

ДОРОГА ГИГАНТОВ

П Е Р Е В О Д
Н. М. Э Ф Р О С
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЕВГ. ЗАМЯТИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ — МСМХХНІ — МОСКВА

„Действительно, совершенно без-
нравственно вынуждать Австрию
отказываться от ее законных вла-
дений, когда мы удерживаем под
своею властью стонущую, готовую
в любой момент нарушить присягу
на верность нам Ирландию“...

Виктория I.

ДОРОГА ГИГАНТОВ

РОМАН

Петрооблит № 2841. Печ. 7000 экз. Гиз. № 4327. Зак. № 332.

Гос. Трест „Петропечать“ — тип. им. Евг. Соколовой. Петроград, Измайловский 29.

ПРОЛОГ

Как-то днем, в сентябре 1894 г., я был с бабушкой в стеклянной галлерее Большого Клуба в Э-ле-Бене, на представлении театра марионеток.

Дети, бывшие там в ту пору, могут вспомнить, что тогда играли двадцать дней подряд обозрение под названием: «Чорт в Э-ле-Бене».

День, о котором я говорю, был великолепный, теплый. Когда марионетка, изображавшая купальщицу, начала декламировать стихи — никогда я их не забуду —

Пойдем, пока еще не поздно,
Сорвем душистый цикламен,—

в галлерею вошла маленькая девочка.

Я положил на стул возле себя свою шапку. Хотя было еще много пустых стульев, девочка подошла как раз к этому стулу.

— Это ваша шапка?

— Да, мадмуазель, — пробормотал я, весь покраснев, и убрал шапку.

Бабушка наклонилась и с суровым изумлением разглядывала пришедшую. Та не обратила на это никакого внимания. На сцену только что вошли Петрушка и Дьявол, купальщица в страхе убежала. Детвора радостно завизжала. Девочка смеялась так звонко, что все взрослые

в зале обернулись к ней. И мне было как-то неловко, что я — рядом с молодой особой, обращающей на себя общее внимание.

Минут через пять она перестала смеяться. Я отважился украдкой взглянуть на нее и увидел, что она зевает.

Скоро я почувствовал, что меня дергают за рукав.

— Скука здесь. Пойдемте играть в парк.

— Я с бабушкой, — прошептал я.

— Ну, так попросите у нее позволения.

Я молчал. Она наклонилась к бабушке.

— Позвольте ему пойти со мной в парк поиграть.

Я чувствовал, что это не нравится бабушке, что она не позволит. К большому моему удивлению, она разрешила.

— С условием, что вы не пойдете к воде.

— Само собой разумеется, — сказал маленький демон. — Впрочем, здесь не очень глубоко. Но даю вам слово. Ну, так идем, — сказала она, обращаясь ко мне.

Я пошел за нею. Как раз во-время. Наш громкий разговор начинал уже вызывать протесты зрителей.

Через четверть часа моя маленькая партнерша бросила на-земь воланы и ракеты.

— Я устала, — сказала она. — Садитесь здесь, рядом со мной, на этой скамейке. Да глядите мне прямо в лицо.

Я повиновался. Впрочем, еще и до этого приказания я несколько раз прозевывал волан, потому что заглядывался на ее лицо.

— Нравлюсь я вам?

— Вы очень хорошенькая, — пробормотал я и опустил голову.

— Правда?

— Чистая правда.

— Тогда почему же вы не смотрите на меня?

Вот так.

Она большим пальцем приподняла мой подбородок.

Это была высокая девочка, лет четырнадцати, немножко нескладная, смуглая, с черными глазами, с отливавшими медью волосами, какие в Англии зовут «auburn».

Одета она была в очень простенькое холщевое платье с большим матросским воротником, юбка была такая короткая, что были видны голые колени.

Она все приподнимала мой подбородок. Наши глаза встретились. Тогда она отняла палец, голова моя опять опустилась.

— Как вас зовут?

— Франсуа Жерар.

— А дальше?

— Больше ничего.

— Это ваши имена. А фамилия?

— Жерар. Франсуа — имя, Жерар — фамилия.

— А! — проговорила она задумчиво.

— А вас как зовут? — спросил я робко.

Она стала вытаскивать из больших карманов своей блузки разные вещи, кошелек, свисток, наконец достала бумажник, производивший странное впечатление в руках этой девочки.

Она открыла бумажник, вынула визитную карточку и важно протянула ее мне. Смутно шевельнулось во мне подозрение, что она спросила, как меня зовут, если и не исключительно за тем, чтобы проделать эту церемонию, то, во всяком случае, возможность ее проделать не была ей неприятна.

— Возьмите, — сказала она.

На карточке, украшенной крошечной короной, значилось:

Антиопа д'Антрим.

— Нравится вам мое имя? — спросила она.

Я был немножко удивлен. Я скрыл свое удивление под вопросом:

— Вы не французенка?
— Нет, — ответила она сухо.
Мы помолчали. Я протянул ей ее визитную карточку.
— Оставьте себе. Для того и дают. Положите себе в бумажник.

— Но у меня...
— У вас нет бумажника? У мужчины должен быть бумажник. Я отдала бы вам свой, но на нем — мои инициалы. Ну, так положите карточку себе в карман, вон туда, за платок.

Она спросила еще:

— Сколько вам лет?
— Минус тринадцать.
— И мне. Значит, вы родились в 1881-м?
— Да, 16-го июля.
— Значит, я старше вас. Я родилась 24-го апреля.
И она как-то особенно многозначительно повторила:
— 24-го апреля 1881 г.

Мы опять помолчали. Вдруг она вскочила и крикнула:
— Вот и папа!

Навстречу двигалась колясочка, которую катил лакей. В ней сидел мужчина, укутанный по грудь шерстяным одеялом. Только в лице была жизнь. Все тело казалось почти совершенно неподвижным от ревматизма.

Я видел, как моя собеседница подставила лоб губам отца; он с улыбкой поцеловал. Она что-то говорила отцу, показывая на меня. Но я был слишком далеко, чтобы слышать их слова. Колясочка двинулась дальше. Когда она поровнялась со мной, больной улыбнулся мне.

— До завтра, Франсуа, — сказала мне девочка. — Я так счастлива. Папа позволил мне быть с тобой на ты.

— Бедовая она, твоя маленькая подруга, — сказала бабушка, подходя ко мне. — Кто ее родители?

— У ее отца ревматизм.

— Ты видел его?

— Да, и он поздоровался со мной.

— А ее мать?

— Я не видел.

— Ну, конечно. Бедняжка. Должно быть, тоже родители в разводе. Здесь все такие.

— А может быть, ее мама умерла... — предположил я.

— Может быть. Во всяком случае, пойдем. Становится слишком холодно для тебя.

Мы вышли из парка, когда туда стали уже собираться кавалеры и дамы на бал для взрослых. Окна магазинов начинали одно за другим освещаться. На улице Казино я остановился у одного окна.

— Бабушка!

— В чем дело?

— Мне хотелось бы иметь бумажник.

— Бумажник!

— У мужчины должен быть бумажник.

— Бумажник, в твои годы?

Она мельком взглянула на цены, выставленные в витрине.

— Во всяком случае, ни один из этих. Вот что, у меня есть молитвенник в сафьяновом переплете, он вынимается. Я отдам тебе. Внутри даже есть маленький карман для денег.

На следующий день я точно явился на наше свиданье. Антиопа немного опоздала.

— Ну, а бумажник? — спросила она почти тотчас же.

— Вот, — ответил я торжествующе, вынимая бумажник.

Я почувствовал, что моя маленькая подруга польщена тем, что я так поспешил угодить ей, но не хочет, чтобы это было заметно.

— Не очень-то красивый! — сказала она с гримаской.

Она заметила, что я огорчился и захотела загладить свою ошибку.

— Зато с кошельком. В моем нет. Кошелек — это очень практично.

Она прибавила:

— Можно поглядеть, что в нем? Ты позволишь?

В кошельке были две франковые монеты.

— Дай мне одну, хорошо? — сказала девочка с таинственным видом.

— Да хоть обе, — ответил я, и сказать правду, не без удивления.

— Какой ты милый! — сказала она, обнимая меня.

И опять стала серьезной.

— Я должна тебе объяснить . . . Ты, конечно, понимаешь, что это не для меня.

Она вынула из своего бумажника, представшего теперь предо мною во всем своем великолепии, широкий листок бумаги и бережно развернула его. Я увидел ряды имен и цифр.

— Это для одного дела, которым я занимаюсь.

Она взяла карандаш.

— Вот видишь, в последнем ряду я пишу: Франсуа Жерар . . . Один франк. Пока карандашом. Но вечером, у себя в комнате, я обведу чернилами.

Десять дней спустя моя семья уезжала из Э-ле-Бена. Я простился с Антиопой. Хотя мы обещали писать друг другу, но на сердце у нас было тяжело.

— Я хотел бы что-нибудь от тебя на память, — прошептал я.

Она стала рыться у себя в кармане. Большой бумажник был налицо. Она вынула из него какую-то благочестивую картинку и протянула мне.

— Это — одна из картинок от моего первого причастия.

И она поцеловала меня.

Вечером, в вагоне, при колеблющемся свете ночника, я стал разглядывать картинку, данную мне моею маленькой подругой.

Обыкновенная картинка. Но на обороте была довольно длинная фраза, по-английски.

У нас никто не знал этого языка. Пришлось ждать, пока я пойду в школу. Увы! Этого не пришлось ждать долго.

В первый же вечер я разыскал в классе мальчика, про которого мне сказали, что он сильнее всех в английском языке. Он покровительственно взял мою картинку и попробовал перевести.

Что-то не выходило. Он сдвинул брови.

— Дай мне, — сказал он. — Я сейчас тебе верну.

Он сдержал слово. Час спустя он вернул мне драгоценное для меня изображение и перевод на клочке разграфленной бумаги.

— Вот, — сказал он. — Но предупреждаю тебя, это какая-то тарабарщина.

Долго берег я это изображение и перевод. Потом лет через десять, приводя как-то в порядок бумаги и уничтожая ненужное, я разорвал и картинку, и перевод.

Антиопа оставался в моей памяти лишь далеким призраком.

Она не ответила мне на два письма. Третьего я не стал писать. Но не раз вставало воспоминание о ней, и была в этих воспоминаниях какая-то неожиданная острота. Так бывает, когда не можешь допустить, чтобы человек исчез для тебя навсегда. В эти минуты я повторял наизусть ту странную фразу, которая была написана на обороте картинки моей маленькой подруги. И какое-то смутное, но сильное волнение охватывало меня. С таким же волнением ставлю я сегодня вечером, как светильник, у порога нижеследующих страниц, эту фразу, так долго бывшую для меня таинственной:

«В понедельник Святой Пасхи, в лето 1152, Деворгилла, дочь д'Антрима, жена Тэрнана О'Рурка, совершила свое преступление; как раз в этот день исполнилось ей семь

пятилетий. Когда в пасхальный понедельник исполнится седьмое пятилетие другой дочери Д'Антрима, — тогда, в день сей, вина Деворгиллы будет искуплена, наполнятся небеса трубным гласом освобождения, и узрит Дорога Гигантов победу Фина Мак-Кула и бегство порабитителя».

Глава I

ДО ЧЕГО ДОВОДИТ МИНГЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК

28-го августа 1914 г. я, благодаря событиям, которые всем хорошо памятни, находился близ небольшой деревушки в Эн, хотя четыре недели назад мечтал провести этот август в Бретани.

Чтобы облегчить воспоминания, напомню, что операции, развернувшиеся в этот и следующий день, получили затем название боя под Гибом.

Говоря конкретно, вот как приблизительно развертывались события — для меня лично и ближайших моих соседей.

Было десять часов утра. Наш ввод залег вдоль откоса. Я был занят тем, что походной лопаткой рубил свекловицу для раненой в шею несчастной лошади. Вдруг команда: «стрелки, рассысья». По началу было так странно слышать на войне команду, которую без конца повторяли при обучении. Нужно заявить откровенно: никто во Франции серьезно не представлял себе, что придет день, когда все это понадобится. Позднее это называли нашей подготовкой.

В поле, где мы развернулись (на обыкновенных маневрах мы развертывались бы раза тричетыре), были васильки, маки, широкие полосы потоптанной травы. Вылетел перепел. Три дня назад это было бы началом охоты. Перед нами, вдали, метрах в пятистах, была обсаженная тополями

дорога, и по ней бешено неся французский мотоциклист. Припоминаю, я подумал: «Тут какая-то ошибка, наверное ошибка. Чего ради гнать нас к дороге, на которой — французский мотоциклист?..»

Потом три последовательных урагана шрапнели доказали мне, что бывшие где-то там, у нас в тылу, наши невидимые командиры имели все-таки основание двинуть нас в эту сторону.

Несомненно, война — после монастыря самая большая школа смирения. Прибавлю, что эта мысль пришла мне лишь много позднее, на госпитальной койке. А в тот момент я лежал без чувств, уткнувшись носом в сырую, черную землю.

* * *

Очнувшись, я приподнял немного голову, но очень скоро опять приник к земле. Кругом гремела хрипая команда. По полю двигались немцы. Несколько раз меня задевали. Резкие звуки выстрелов раздавались над самым ухом. Я рискнул открыть глаза и увидел подле себя двух «feldgrau». В первый раз видел я их так близко. Большой и маленький. Светлая кожа на их висках была измазана потом и пылью. Они тяжело дышали. Каждый сделал по выстрелу, почти не целясь, прижав приклад к груди. Потом новый рикошет повлек их дальше. Больше я их не видел. Затем что-то сильно ударило меня в затылок. Должно быть, кто-нибудь пихнул сапогом. Я опять лишился чувств.

Пришел я в себя лишь много позднее, уже ночью, во французской санитарной повозке. Тут же я узнал, что мой полк произвел контр-атаку, и тогда меня подобрали, что, должно быть, пуля засела в шее, и что меня везут на ближайший эвакуационный пункт. Так свершилось.

* * *

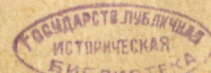
Рана мучила меня сравнительно мало, и потому я с удивлением узнал в Лионском госпитале, куда я попал по прихоти санитарного поезда, что рана серьезная. Шрапнельная пуля засела глубоко, около шейных позвонков, и извлечь ее нельзя. Это вызвало частичный паралич шеи, и я еще и сейчас должен весь повернуться, если хочу посмотреть, что у меня за спиной. В январе 1915 г. я был перечислен в тыловую службу и, в качестве военного чиновника, обречен на таинственную работу в штабной канцелярии четырнадцатого округа.

В Лионе не найдется никакого общества для тылового солдата, если он не хочет довольствоваться обществом своей казармы. После нескольких робких попыток, я решил отдать довольно большой досуг, какой оставляла мне служба, работе.

Хорошо сказать: работе. Но над чем работать? К счастью, на этот счет были у меня некоторые мысли, смею сказать — довольно здравые.

Один современный писатель, оказавший особенно сильное влияние на умственный склад моего поколения, где-то великолепно сказал: «Ничего вы не сделаете, молодые люди, поскольку каждый из вас не выберет себе какую-нибудь специальность».

Итак, чтобы защитить себя от скуки, навеваемой мыслями о моей инвалидности и о недружелюбии чужого города, чтобы использовать в интересах будущего эти переходящие черные минуты, мне нужно создать себе специальность. Но какую? Подумал я было о сигиллографии, так как купил у букиниста хороший учебник Лекуа де ла-Марша; но немножко пыльный характер этой науки отпугнул меня. Я плохо понимал, что может она дать, в смысле практическом или романтическом. Наконец, в субботу, 13-го марта, сердце радостно забилось. Я нашел.

Этот день я провел в библиотеке Словесного Факультета, неуверенно перелистывая каталог. Часов около четырех, когда дождь превратился в ливень, выбор мой был решен. В пять я ушел с тремя томами под шинелью: «Вступлением в науку о языке» Поцца, «Лингвистикой» Овелака и «Филологией шести главных кавказских диалектов» моего знаменитого однофамильца Фердинанда Жерара, профессора Collège de France.

Решение мое было теперь принято: я специализируюсь на изучении мингрельского языка.

Совсем стемнело. Холодный ветер гнал по Роне серый туман. Через площадь Кордельеров я дошел до улицы Республики, чтобы раньше, чем забраться в свою унылую комнату, доставить себе маленькое развлечение. Я сел на террасе одного кафе. Кроме меня, никого не было. Лакей сердито подал мне рюмку с каким-то ликером. В мокром тротуаре отражался желтый свет фонарей. Улица была полна; по ней двигалась взад и вперед толпа под лесом зонтиков, точно сталкивавшихся между собою безобразных, черных грибов. Какой это был зловещий вечер, и какое полнейшее одиночество! По куда меньшим причинам... люди кончают самоубийством. Ах, благодаря трем книгам, темные переплеты которых я нащупывал под шинелью, — я был счастлив.

* * *

Общеизвестно (утром в субботу, 13-го марта, 1915 г. я этого еще не знал), что человеческие языки можно разделить на три группы: языки односложные или изолирующие; языки флективные, подразделяющиеся на языки арийские или индо-европейские, и языки семитические; наконец, языки агглютинативные.

На этих последних, агглютинативных языках говорят в Африке, в Америке, в Океании и в некоторых наименее

цивилизованных местностях Европы, ближайших к Азии. Я а priori решил, что займусь изучением языка агглютинативного. Были у меня — все в тот же день 13-го марта — некоторые колебания: юкагирский язык, на котором говорят в Сибири, привлекал меня своею звучностью, равно как и язык «икнуит», на котором говорят эскимосы. Но, конечно, все это было слишком эксцентрично. Специализация вовсе не должна сочетаться с невозможностью извлечь из нее пользу. Напротив, она предполагает возможность максимальной пользы, когда к вам обратятся, как к специалисту. И, конечно, в той политической обстановке, в которой мы жили в начале весны 1915 г., я не мог ждать решительно ничего от инкуитского или от юкагирского языка. Напротив, с диалектами кавказскими, образующими, как все это знают, одну из важнейших групп языков — агглютинативных, были связаны надежды. Кавказ соприкасается с Россией, с Турцией и Персией. Россия была нашей союзницей, Турция — нашим врагом, Персия оставалась нейтральной... Вот хорошая, практичная специальность.

Кавказские диалекты, числом шесть, географически делятся на две группы; на севере — лезгинский и черкесский, на юге — грузинский, сванский, лазский и мингрельский. У этих шести диалектов общее — двадцатеричный счет, фонетика, столь же богатая согласными, как бедная гласными, и, если я выбрал из этих шести диалектов именно мингрельский, то из-за благозвучности самого этого наименования, а также в результате справки в атласе античной географии, показавшей мне, что современная Мингрелия это — древняя Колхида. Все выгоды такого моего выбора очевидны. Романтизм и классицизм. Аргонавты и янычары; а главным образом, — почему не сказать откровенно? — этот несравненный диалог:

Фарнас: В Колхиде вы могли бы об'ясняться так!

К с и ф а р е с! Могу в Колхиде я, могу и здесь.

Но все это было бы лишь литература, если бы в библиотеке Словесного Факультета я не разыскал труда, посвященного мингрельскому языку. Сначала я потратил на поиски целый час. Я слышал про прекрасные работы по кельтскому языку, сделавшие Фердинанда Жерара славным соперником Арбуа де Жюбенвилля, Жозефа Лосса Доттэна; но я не знал, что он изучал и азиатские языки. Эту подробность мне любезно сообщил библиотекарь факультета и дал мне названное мною выше сочинение, а равно и труды Поцца и Овелака, которые, своими полезными обобщениями могли облегчить мне подход к пугающей техническими трудностями работе.

Позднее я на собственный счет приобрел сочинения на английском и немецком языках (пожалуй, не лишне отметить, что я свободно говорю на этих двух языках), и они позволили мне углубиться в изучение мингрельского. Словом, благодаря упорной работе, меньше чем через год я основательно освоился с этим диалектом. Не хватало мне лишь, — и до сих пор не хватает, — случая проверить свои знания. Если бы сейчас какой-нибудь злой шутник вздумал мне доказывать, что мингрельский язык — только выдумка филологов и лингвистов, — я был бы бессиден противопоставить этой шутке какой-нибудь фактический довод. Во всяком случае, лично я цели своей достиг. Последующий рассказ покажет, что даже в некотором смысле я шагнул дальше этой цели.

* * *

Как-то в феврале 1916 г., когда я по обыкновению собирался засесть за свою работу в факультетской библиотеке, вошел туда мой друг-библиотекарь. Он беседовал с каким-то черноусым господином. Он представил меня ему.

Это был г. Жермэн Мартэн, профессор юридического факультета в Монпелье. Очень милый человек.

— Мингрельский! Здорово! — сказал он, узнав, над чем я работаю. — И вы думаете как-нибудь использовать его, этот ваш мингрельский язык? — прибавил он, выдавая тот практический дух, который все более становится характерным для французских университетских ученых.

— Когда я приступил к работе, с год назад, я совсем об этом не думал, — ответил я. — Но теперь, при том обороте, какой принимают события, я уже не скажу этого. Русские только что взяли Эрзерум. Скоро и Трапезунд будет в их руках. Предстоит пересмотреть всю политику на Черном море. И мой мингрельский язык больше уже не кажется мне смешным.

— Конечно, — сказал г. Жермэн Мартэн, — конечно.

Он задумчиво поглаживал себе подбородок.

— Вы мобилизованы в Лионе? — спросил он.

— При четырнадцатой секции секретариата главного штаба, — скромно ответил я.

— Предпочитаете вы остаться здесь? Я хочу сказать: удерживает вас что-нибудь в Лионе?

— О! абсолютно ничего, — вырвалось у меня, но я сейчас же об этом пожалел: в добрых близоруких глазах моего друга-библиотекаря я мог разглядеть оттенки укора.

— В таком случае, — продолжал г. Жермэн Мартэн, — вам, может быть, было бы приятно получить перевод в Париж?

— В Париж!

— Г. Жерар трижды просил о переводе в Париж, — сказал мой друг-библиотекарь, — но каждый раз безуспешно. Ах, г. Жермэн Мартэн, если бы вы могли.

— Могу, — сказал профессор. — Может быть, вы слышали, господа, о Доме Печати?

— Как же, — сказал библиотекарь.

— Дом Печати недавно образован министерством иностранных дел, чтобы сосредоточить в Париже все дело информации и пропаганды, имеющее целью убедить не участвующие в войне нации, что мы боремся за права и свободу народов.

— А они все еще не убедились в этом? — сказал я.

— Нет еще.

— В конце концов, тем лучше, если этой недостаточности убеждения я буду обязан возможностью переехать в Париж. Вы в самом деле полагаете, г. профессор, что у меня есть какие-нибудь шансы?

— Вы перестанете сомневаться, когда я объясню вам в общих чертах организацию этого Дома, — сказал профессор. — Лично я принадлежу к службе «Дипломатических информационных»; эта часть носит такое название потому, что ей поручено собирать документы, могущие просветить тех, на которых лежит тяжкая обязанность направлять нашу внешнюю политику. Кроме агентов этой службы, которые изучают указанные документы, в роде, например, меня, занимающегося тут вопросами экономическими, имеются еще и такие, на обязанности которых лежит их перевод. Улавливаете?

— Начинаю.

— Дом организован всего две недели назад. Сами понимаете, у нас нет недостатка в переводчиках с наиболее распространенных языков, с английского, немецкого и т. д. Для русского языка у нас имеется г. Легра, профессор Дижонского Словесного Факультета. Но вот, что касается кавказских диалектов, в частности мингрельского, — право, я был бы весьма удивлен, если бы...

— И я также, — не мог я удержаться, чтобы не вставить.

— Очень рекомендую вам г. Жерара, — сказал мой друг-библиотекарь, — ему так нужно переехать в Париж.

— Я буду там завтра вечером, — сказал г. Жермэн Мартэн. — Послезавтра я увижусь с господами из министерства иностранных дел. Они возбудят нужное ходатайство перед военными властями. И через неделю, если все пойдет благополучно, на что я очень надеюсь, вас перечислят, дорогой мой, из секции 14-ой в секцию 22-ую, и я буду иметь великое удовольствие считать вас своим коллегой.

На этом мы расстались.

— Ну, что! — сказал библиотекарь, как только дверь за ушедшим закрылась, — можно сказать, повезло... Видите, трудом достигается все.

— Все, — ответил я мечтательно.

Я посмотрел в бедные, измученные ночною работою глаза моего скромного друга.

— Да, все, — повторил я про себя. — При условии, что сумеешь этим воспользоваться.

* * *

Юный Вэнсан Лабульбэн, избалованный сын владельца одной из наших самых крупных автомобильных фирм, исполнял при Доме Печати обязанности курьера. Я знал его с 1911 г., когда он вместе со мною отбывал четырехнедельный поверочный сбор в Сиссонском лагере. Потом мне случалось встречаться с ним в Париже. Каждый раз он брал меня в свой пытящий автомобиль и любезно избавлял от метрополитэна или автобуса, которыми я обычно пользовался.

Когда я явился на службу, он, узнав меня, радостно закричал:

— Господин Франсуа Жерар!

Я мог тотчас же вполне убедиться в его тактичности. В качестве исполняющего функции якобы дипломатиче-

ского характера, я имел право ночевать дома и носить штатское платье. Напротив, юный Лабульбэн, как простой курьер, носил бесславную форму 22-й секции. Нет нужды прибавлять, что его светло-голубая блуза была куда лучшего покроя, чем мой пиджак.

Вэнсан Лабульбэн был прелестный юноша, но отличался совершенно сказочным неведением во всем том, что принято называть общей культурой. Мне он сразу оказал громадную помощь. Когда хорошо знаешь, как распределены по этажам различные части какого-нибудь управления, то уже почти знаешь и самое это управление. Форма здесь очень тесно связана с содержанием. Дом Печати, на улице Франциска I, представлял громадное, роскошное здание в шесть этажей. Отделение дипломатических информаций, к которому я был прикомандирован, помещалось в третьем. Не имея, так сказать, никаких связей, я всегда приходил первым, раньше моих коллег, все — людей известных в литературе, в науке или в высшей журналистике. И тогда юный Лабульбэн приходил побеседовать со мной.

— Как вы постарели с Сиссонна, — как-то сказал он мне с искренностью человека, которому его богатство с детства позволяло не стесняться в выражении своих мыслей.

Впрочем, это было верно. В ту пору я в самом деле порядком постарел, как от скуки и забот, так и от раны. Волосы у меня на висках побелели. Мне можно было дать лет сорок пять... даже больше.

И все-таки его замечание подействовало на меня неприятно.

— Я был ранен, — ответил я не без досады.

Лабульбэн посмотрел на меня такими кроткими глазами, которые могли бы обезоружить даже члена военной проверочной комиссии. Чтобы загладить свою резкость,

я стал говорить с ним о хорошеньких машинистках Дома, — эта тема была ему особенно близка, и здесь он был неистощим в красочных подробностях.

— А все-таки, — прибавил он, после того как долго открывал мне свои глубокие познания по этой части, — а все-таки это шик — знать одному во всем учреждении, и в ваши годы, мингрельский язык, и, кроме того, вы написали столько великолепных вещей.

Меня это очень поразило. Конечно, тут говорило желание курьера азгладить свою маленькую неловкость. Но все-таки факт оставался фактом. Каким образом такой круглый неуч, как Вэнсан Лабульбэн, мог знать о моих литературных работах? Прибавлю, что в 1914 г. эти работы исчерпывались двумя книжечками стихов, выпущенными без расчета на сбыт, да самым случайным сотрудничеством в одном молодом журнале кубистского направления, «Неправильные шестиугольники», — и вы вполне поймете мое удивление. Мне показалось, что в эту комнату проникла какая-то великая тайна. Я чувствовал, как она молчаливо витает тут, вьется вокруг мебели темного дуба, шелестит папками, касается пишущих машинок, еще дремлющих под железными футлярами.

Но уже подходил кое-кто из работников дипломатической информации. Лабульбэн скромно удалился.

Несколько дней он не заговаривал со мной. Вид у него был смущенный, точно ему хотелось о чем-то меня спросить, и он не осмеливался.

Наконец он не выдержал. Когда я собирался войти в лифт, он подошел и с робкой почтительностью дотронулся до моего локтя.

— Мне нужно вам сказать, господин Жерар...

— Так поднимемся вместе. В канцелярии еще никого нет.

— Да, но... нижние чины не имеют права пользоваться под'емной машиной.

— Хорошо, пойдемте по лестнице.

В канцелярии я небрежно перебирал какие-то бумаги. Он стоял передо мной.

— Да решится ли, наконец, это животное! — подумал я нетерпеливо.

Наконец он заговорил.

— Я должен вам передать приглашение, г. Жерар.

— Приглашение?

— Да, приглашение позавтракать.

«Такие приготовления — и из-за такого пустяка. Ладно, — подумал я. — Но нет надобности ради такой простой вещи прибегать к таким приемам».

Я переживал еще ту пору, когда подобного рода приглашение было всегда и неизменно кстати, потому что давало маленькую экономию в весьма тощем бюджете.

«Приглашает меня к себе», подумал я.

Завтрак у г. Алэра Лабульбэн, на Фридландском авеню, не заключал в себе ничего неприятного для меня.

— Да с большим удовольствием, — сказал я. — Поблагодарите вашего отца...

— Это не к отцу, — к одному другу или, так сказать, клиенту.

— А! — пробормотал я с некоторым недоумением.

Юный Лабульбэн сжег свои корабли. Ему почудился в моем удивленном возгласе оттенок холодности.

— Да, к другу. С тех пор, как он узнал, что вы здесь и что я с вами знаком, он уже не раз поручал мне пригласить вас. Он так ценит то, что вы пишете.

— Вон как! Ценит то, что я пишу?

Теперь я, наконец, понял, но это не уменьшало моего недоумения.

«А впрочем, в конце концов, что же тут удивительного? — подумал я. — Было продано семь экземпляров первой моей книжки, десять — второй. И потом, к 1-му июня 1914 г. у «Неправильных Шестиугольников» было уже около двухсот подписчиков... Конечно, что тут удивительного!»

И все-таки я был очень удивлен. Я попробовал было расспросить курьера. Но видно было, что лично он не имел никакого представления о моих эстетических достижениях.

— Не знаю, следует ли мне... — сказал я, твердо решив разгадать эту загадку.

— О, господин Жерар! — сказал молодой человек: — если вы откажетесь, я подумаю, что это потому, что вы не желаете завтракать с курьером.

— Что за вздор! А на когда он приглашает?

— На следующую среду. Я отпрошусь у офицера после полудня.

* * *

Среда наступила, а я никак не мог получить от Вэнсана Лабульбэна никаких точных сведений о нашем амфитрионе. Я знал только, что он говорит обо мне с почтением, что в прошлом месяце он купил у фирмы Лабульбэн великолепный автомобиль в 20 HP и весьма скоро выучился им управлять, хотя он стар, и левая рука у него почти совсем парализована.

Первые уроки давал ему сам Вэнсан Лабульбэн. За чаем в одном вновь открывшемся кафе в Булонском лесу они говорили обо мне. И старик сейчас же пришел в восторг от возможности познакомиться с таким человеком, как я.

— Право, этот господин слишком добр, — сказал я, — и все-таки был счастлив констатировать тот факт, что даже наперекор всем неблагоприятным условиям, в которых

мы теперь живем, подлинный талант, в конце концов, все-таки пробивается вперед.

Всю ночь шел снег. То были черные, полные муки дни немецкого наступления на Верден. На церкви Монруж было полдень, когда мимо нее промчался автомобиль, управляемый юным Лабульбэном. Из улицы Франциска I мы выехали без десяти двенадцать.

— В самом деле, он слишком добр; — сказал я. — Вы должны же, наконец, назвать его имя.

Странно, — каждый раз, как я за последние дни задавал этот столь естественный вопрос, мой собеседник старался от него уклониться. Теперь он понял, что молчать больше нельзя.

— Г. Теранс. Его зовут г. Теранс.

— Г. Теранс?

— Да, — сказал Винсент и как раз в это мгновение сделал очень удачный поворот, чтобы не наскочить на громадный военный фургон.

Когда мы обогнали фургон, он таинственно прибавил:

— Должен вам сказать, мне кажется, он — иностранец.

Бульваром Журдан автомобиль выехал в парк Монстра. С черных ветвей, сердито качаемых ветром, падала снежная пыль. Бедные нахохлившиеся воробьи чернели пятнышками на бледном небе.

Вэнсан свернул направо на улицу Нансути и остановил машину у переулка того же имени.

— Приехали.

Он спросил у девушки, сметающей снег у порога:

— Здесь живет г. Теранс?

Значит, молодой Лабульбэн сам еще ни разу не был у своего близкого друга. Но не так меня изумило это, как то, что человек, покупающий у Лабульбэнов автомобиль в 20 HP (55.000 франков!), живет в таком скромном квартале.

Не ответив моему спутнику, девушка ушла в дом. Минуты через две вышла старуха.

— Это вы спрашиваете г. Теранса?

— Да, я.

— Он велел перед господами извиниться и сказать им, когда они приедут, что они застанут его в ресторане «Золотого Льва», № 66, на улице Виллье.

Автомобиль поехал назад, той же дорогой. Когда мы подъезжали к улице Латур-Мобур, Вэнсан, вероятно, думавший, что я сержусь на него, — он думал это не совсем уже неосновательно, — собрался с духом и сказал:

— Он приглашает нас в ресторан. Наверное он решил, что живет слишком некомфортably, чтобы принять вас у себя дома.

— Это совершенно безразлично.

— Конечно, — уверенно подхватил Лабульбэн. — Об одном только я жалею. Он говорил мне, что у него есть отличная марка Бургонского, и он угостит нас. Этого удовольствия мы лишились, потому что не думаю, чтобы он захватил вино с собой в ресторан. Я знаю «Золотого Льва»: туда не ходят со своим вином.

Когда мы вошли в ресторан на улице Виллье, мой спутник, я заметил, слегка нервничал.

— Его еще нет, — сказал я с иронической усмешкой.

— Да, и я совершенно не понимаю... Метрдотель, заказан вам столик для г. Теранса?

— Г. Теранса! Нет, сударь, насколько мне известно, нет.

Вэнсан обратился к кассирше.

— Вам не заказан столик на имя г. Теранса?

Она отрицательно качнула головой.

Вэнсан был готов заплакать.

— Ну, что же, зайдем все-таки стол, — сказал я. — А если он не приедет, позавтракаем и без него... Мне уже хочется есть.

— Это непостижимо, непостижимо, — повторял бедняга, вертя в руках свою фуражку.

Призывая в свидетели весь персонал ресторана, он еще раз страдальчески повторил:

— Вы уверены, вполне уверены, что нет столика, заказанного для г. Теранса?

В ответ донесся чей-то голос:

— Г. Теранса! Кто это спрашивает г. Теранса?

В то же время дверь из буфетной отворилась, и на пороге показался маленький грум в зеленом.

Он повторил:

— Кто спрашивает г. Теранса?

— Я, я, — сказал мой спутник.

— Как вас зовут? — недоверчиво спросил грум.

— Вэнсан Лабульбэн, г. Вэнсан Лабульбэн.

— Значит, это вам, — сказал зеленый мальчуган и вытащил из кармана письмо.

Он с достоинством вручил его юному Лабульбэну.

— Ну, ты, мальчишка, — говорил между тем заведующий рестораном, — вместо того, чтобы торчать в кухне, ты бы должен быть здесь, к услугам гостей. Вот уже пять минут этот господин спрашивает.

— Оставьте, оставьте, — сказал Вэнсан, прочитав письмо. — Вот тебе, — и он протянул груму монету.

Вэнсан слегка покраснел и как-то растерянно смотрел на меня.

— В чем дело? — спросил я. — Он не может явиться? Просит нас подождать?

— Не то, совсем не то. Он просит нас его извинить... извинить и быть столь любезными, чтобы сейчас же ехать туда, где он находится.

— Куда?

— Улица Гамбетта, 41.

И Лабульбэн скороговоркой прибавил, точно хотел сбросить с себя тяжелое бремя:

— Улица Гамбетта, в Нуази-ле-Сэк.

— В Нуази-ле-Сэк, — выкрикнул я. — В Нуази-ле-Сэк! В такую погоду... А теперь уже час.

— Еще без двадцати, — сказал Вэнсан.

— Если господа мне верят, — начал заведующий, — такое расстояние...

— Мы проедем в четверть часа, даже меньше, в моем автомобиле, — закричал Вэнсан. — Только взгляните — и скажите, часто останавливаются у вашего под'езда такие машины?

— Я согласен вас сопровождать, — сказал я Лабульбэну, чтобы положить этому конец, — но не в Китай же. Если мы не застанем этого господина в Нуази-ле-Сэк, предупреждаю вас, я там вас брошу и вернусь в город на трамвае.

* * *

Нуази-ле-Сэк! Много ли среди принадлежащих к испительным поколениям, пришедшим в жизнь между 1870 и 1900 г.г., много ли среди них таких, в чьем сердце имя зловещей узловой станции не отдалось бы таким страшным эхом? Нуази-ле-Сэк! Сколько французов, шедших на смерть, направлялись к такой незаслуженной судьбе через этот черный шлюз! Когда они были мальчишками, сидели на школьной скамье, — им обещали эру счастья и мира. И все это — для того, чтобы кончить тобою, Нуази-ле-Сэк! Нет, не поля смертоубийства — там ужас слишком велик, чтобы оставалась возможность рассуждать, там воля, необходимая для установления ответственностей, растворяется в слезах, — но именно ты, Нуази-ле-Сэк, должна стать тем местом паломничества, куда нужно привести всех мечтателей, больших и маленьких, грезящих о братстве, подлин-

ных виновников избиения... «Будьте любезны, господа, последуйте за мною по этим мосткам над вокзалом, прислонитесь к перилам. Метров двадцать в длину, может быть — даже меньше. Ну, так вот, под ними, в продолжение четырех лет, прошли десять миллионов человек. Из этих десяти миллионов два миллиона изувечены, миллион восемьсот тысяч убиты. — Долой войну! — говорите вы. О, конечно!.. Но скажите честно, уверены вы, что одним этим криком «долой войну!» вы избавите миллионы розовых мальчуганов, подрастающих сейчас в нашей милой Франции, от ужаса через десять, может быть — через пять лет, пройти под мостками Нуази-ле-Сэк, без надежды вернуться? Скажите честно, что уверены в этом, — и тогда я сам, клянусь вам, прокричу вместе с вами это «долой войну!», прокричу еще громче, слышите вы? еще громче чем вы!.. Но, дорогие мои друзья, мне кажется, что вы молчите».

Автомобиль, управляемый все более нервничавшим Лабульбэном, ехал вдоль вокзала. Через баллюстраду виднелись черные пути с вереницами вагонов. На платформе вырисовывались чудовищные силуэты пушек. На темных чехах лежал снег и быстро таял. Сверкала мокрая медь. Платформы были набиты войсками.

Лабульбэн не произнес ни слова. Я чувствовал, что его маленькая душа тылового солдата, подстерегаемого проверочными комиссиями, цепенеет в ужасе перед этим зрелищем.

— А где же улица Гамбетты? — спросил я, чтобы нарушить молчание.

Наконец-то ее разыскали. Это была одна из улиц грязного предместья, где грязные постройки чередовались с пустырями. В каком-то кафе фонограф пел:

И скоро наш черед настанет,
Когда все старшие уйдут...

— А ты говоришь! — сказал какой-то капрал, выходя с солдатом из этого кафе.

Они злобно поглядели на наш автомобиль.

— Наконец-то! — сказал Лабульбэн, останавливая машину у дома с номером 41.

И, утирая пот, прибавил:

— Не рано.

— Войдите, — сказал я ему, — и спросите, здесь ли он. Я не тронусь с места, пока вы не узнаете наверное.

Он повиновался и вскоре затем вернулся, сияя:

— Здесь! Он ждет нас.

* * *

№ 41 на улице Гамбетты — громадный небоскреб, высящийся над железной дорогой. На темной лестнице уже зажгли газ.

— На пятом этаже, — шепнул мне Лабульбэн.

— Так я и думал, — ответил я сердито.

Из комнаты, куда нас ввели, открывался далекий вид на снежный пейзаж, белый с черным. Прямо под нами был вокзал со всем его хаосом людей и материалов. Виднелись громадные темные купола сараев для локомотивов, — никогда его не забудут прошедшие через Нуази-ле-Сэк.

— Как все это безобразно! — сказал Вэнсан Лабульбэн.

— Да, Фридландское авеню лучше.

Мы сразу замолкли. Маленькая дверь приотворилась. Вошел г. Теранс.

— Тысяча извинений, господа!

Он повторил:

— Тысяча извинений!

— Право, мы думали, что уж никогда вас не разыщем, — сказал Вэнсан.

Голос у него стал снова веселый и счастливый. Злой призрак исчез.

Он представил нас друг другу.

— Г. Жерар. Г. Теранс.

Г. Теранс долго пожимал мне руку.

В обычное время комната была, вероятно, светлая. Но в этот темный зимний день уже почти ничего не было видно. К тому же, г. Теранс стоял спиной к окну. Я только видел, что он высокого роста, что у него седые волосы и темные очки.

— Еще раз простите, господин Жерар. Только мое желание познакомиться с вами может оправдать, что я завел вас в эту западню.

Он говорил по-французски вполне правильно, но с заметным иностранным акцентом.

— Вы, наверное, умираете с голоду, господа. Будьте добры, пожалуйста сюда.

Он отворил дверь, в которую вошел. Юный Лабульбэн не мог сдержать радостного возгласа: мы были в столовой, и вид стола обещал большое пиршество.

— Не скрою от вас, — сказал Вэнсан, расстегивая портупею, — я уже начинал беспокоиться. Но теперь все великолепно.

Старик улыбнулся.

— Садитесь, господин Жерар, пожалуйста.

И он стал наливать нам портвейн.

Я быстрым взглядом окинул столовую.

Разнокалиберная мебель, впрочем — новая. На столе самая обыкновенная сервировка. Все это являло резкий контраст с видом нашего хозяина. Я старался найти какую-нибудь связь между квартирою и ее владельцем и не находил. За исключением одной гравюры на стене, которую я со своего места не мог разглядеть сколько-нибудь под-

робно, — на всем лежала печать самой угнетающей пошлости.

— Еще немножко портвейна? — сказал старик.

— Не откажусь, — воскликнул Вэнсан. — Мы совсем замерзли в дороге, г. Теранс. Знаете, мы ехали в открытом автомобиле. Кстати, довольны вы своей машиной?

— Восхищен, в восторге, — ответил старик.

Было видно, что он обращает мало внимания на привезшего меня к нему. Его глаза следили за моими.

— Не правда ли, любопытная гравюра, господин Жерар?

Он встал, снял раму со стены и поставил передо мною на стуле.

— Узнаете, вероятно? — спросил он с улыбкой.

Это была старая, престарая гравюра, изображающая разгром города Дрогеды наемниками Кромвеля. На первом плане — лорд-протектор, в тяжелом панцире и в куртке из буйволовой кожи. Одним сапогом он наступил на грудь убитой женщины. Под картиной была в качестве надписи фраза из письма, отправленного по этому поводу Кромвелем английскому парламенту и извещающего о победе над врагами религии.

«Мы хотели совершить великое дело не силою и насильем, но духом Божиим».

Не переставая улыбаться, г. Теранс повесил картину на место.

— А теперь за стол, — сказал он.

Около трех часов мы кончали завтрак. Говорили по-немногу обо всем, но, к большому моему удивлению, ни разу разговор не коснулся тех причин, которые побудили г. Теранса пригласить меня к себе. Ни одного намека на мои стихи, словно они и не вышли никогда из тех сфер, где прозябают неосуществленные творения.

За кофе Вэнсан, выпивший немного лишнего, встал и сказал с торжественностью.

— А теперь, господин Жерар, вы увидите нечто.

— Что он увидит? — спросил г. Теранс.

— Увидит — это не совсем точно. Нужно сказать: отведаст. Г. Жерар отведаст вашей замечательной марки.

Никак не передать того смущения, какое при этих словах выразилось на лице г. Теранса.

— Ах, господи! — вскрикнул он.

— Что такое? — спросил Лабульбэн.

— Я забыл дома.

— Забыли вино!

— Да, с этим проклятым переездом — спешным переездом. Бутылки остались в Нансути.

— Улица Нансути, рядом с парком. Монстрю? Вот так история!

Юный Лабульбэн безнадежно всплеснул руками.

— Да это, право, неважно, — сказал я.

— Ах, такая досада, такая досада, — повторял г. Теранс.

Вэнсан Лабульбэн встал.

— Дайте мне мою портупею.

Г. Теранс протянул ее ему.

— Что вы хотите сделать Вэнсан?

Он не ответил.

— Если я поеду на эту улицу Нансути и попрошу от вашего имени у дамы, которую видел сегодня утром, — даст она мне одну бутылку?

— Безо всякого сомнения, — сказал г. Теранс. — Но вы непременно хотите...

— Это безумие, — прибавил я. — Ведь двадцать километров, и в такую погоду...

Юный Лабульбэн, слегка пьяный, гордо перебил меня.

— Для автомобиля фирмы Лабульбэн не существует ни времени, ни расстояния. Пусть вам пока подадут кофе, а я через три четверти часа буду здесь с бутылкой!

Мы слышали, как он сбежал по лестнице. Две минуты спустя зашумел отъезжающий автомобиль.

Тогда г. Теранс встал, подошел к буфету, открыл его, достал бутылку и два стака и налил вина.

Это было бургонское такой марки, какой я никогда еще не пил.

— Мне представляется невозможным, чтобы то вино, которое привезет Вэнсан, было такое же хорошее, как это.

— Это — то самое, — сказал г. Теранс.

Я удивленно поглядел на него, и он прибавил следующие слова, от которых мое изумление только еще увеличилось:

— Мне было необходимо поговорить с вами, господин профессор, и, право, не было иного средства избавиться на час от присутствия этого глупого юнца.

Глава II

ГОСПОДИН ТЕРАНС

«Господин профессор!» Называя меня так, за кого же г. Теранс меня принимает? Сейчас же мелькнула у меня мысль, что тут какая-то темная путаница. Я подумал, что тут виновата глупость, пожалуй, беспримерная, юного Лабульбэна; но не задал своему собеседнику никакого вопроса. Этот печальный зимний вечер наполнил меня какой-то мрачной апатией, и в ней, чувствовал я, понемногу гложло мое первоначальное любопытство.

Еще не было и трех, а уж совсем стемнело. Предметы один за другим пропадали во мгле комнаты. Я видел, как г. Теранс встал. Я думал, что он хочет зажечь лампу. Нет, он подошел к окну, распахнул его.

В столовую проник холод. Я также подошел к окну, облокотился о подоконник рядом с г. Терансом.

Какую зловещую картину представлял этот зимний вечер! Опять пошел снег. Его частые хлопья казались черными, а то становились желтыми, когда попадали в полость зажигавшихся газовых рожков. Вместо домов были под этим серым небом только какие-то тяжелые, бурые кубы.

С вокзала доносился к нам смутный гул.

Я заметил, что г. Теранс смотрит на платформы, кишащие, как призраками, солдатами. Тогда и мое вни-

мание всецело приковалось к этому зрелищу, до того, что я почти забыл о своем собеседнике.

Воинский поезд готовился к отходу. По красным и желтоватым кругам можно было угадать уже прицепленный паровоз. А за ним — цепь вагонов, — фургоны с лошадьми, воинские повозки, платформы с нагруженными полковыми вещами, наконец, пассажирские вагоны с раскрытыми дверцами.

Вокзальные фонари горели. Но они были выкрашены в верхней части в темную краску или прикрыты рефлекторами из черной жести, — оттого между ними и нашим окном колебалась широкая полоса тьмы, — сквозь нее мы различали землю, тротуары вокзала, облитые бледным светом; и все было точно приплюснuto.

Этот сосредоточенный свет, точно театральная рампа, все-таки позволял нам улавливать все подробности развертывавшейся у наших ног сцены.

Солдаты серо-синими гроздьями лепились у открытых дверей. Короткий звук рожка, — и мы увидели, как они стали передавать из рук в руки свои мешки, ружья и исчезали затем в вагонах... О, эти упражнения в посадке, которые в дождливые дни нас заставляли проделывать в казармах, при чем деревянные скамьи играли роль вагонов, — упражнения, всегда сопровождавшиеся потешными приключениями, вызывавшими громкий ребяческий хохот... Какой ужас видеть, что эти формальности, вызывавшие когда-то столько шуток, проделываются совсем в серьез...

Скоро на платформе оставались лишь офицеры, стоявшие у дверей отведенных им отделений, несколько курьеров и начальник распределительной станции в черном долмане и в фуражке с белым околышем.

Глухой гул, до этого наполнявший вокзал, теперь перестал доноситься до нас, и мы слышали лишь все более учащенные вздохи локомотива.

Я украдкой взглянул на своего хозяина. Глаза его были неподвижны, черты лица напрялись. Казалось, с каким-то безумным вниманием следит он за этой картиной, и такой заурядной, и такой грандиозной.

Опять рожок, два свистка, — начальника станции и локомотива. Поезд медленно тронулся с резким лязгом цепей. Мы скорее слышали его, чем видели его движение... о, августовские поезда 1914 г. с их песнями и цветами!..

Когда последний вагон прошел под нашим окном, я снова взглянул на г. Теранса. Увидел, как он перекрестился.

Мой собеседник протянул руку во тьму, в ту сторону, куда ушел поезд, превратившийся теперь в смутный, замирающий гул.

— Они умрут, — сказал он, точно говоря сам с собой.

Он перевел глаза на вокзал, на этот страшный бассейн, куда уже снова вливался поток серо-голубых человечков в ожидании нового поезда.

— И эти тоже умрут, — сказал г. Теранс. — И эти тоже. Все умрут.

Помолчав минуту, он повторил:

— Все, все умрут... И за что? За что?

Я едва расслышал этот странный вопрос. В эти мгновения я жил в мире противоречивых чувств. Одно из них проступило сильнее, оформилось. «В Париже, всюду, придумывают целую тучу смешных мер, чтобы сохранить в тайне передвижения войск. А вот иностранец, может быть — враг, имеет полную возможность из своего окна вести днем и ночью счет полкам, отправляемым к Вердену... Я был бы очень удивлен, если бы, например, на Майнцском вокзале...».

Первые же слова г. Теранса дали подтверждение таким моим мыслям.

— Уже несколько дней, — сказал он, — я не отхожу от этого окна, даже ночью. Я видел, как прошли через этот вокзал все те, которых направляют туда, в бездну... Удивитесь ли вы, господин профессор, если я скажу вам, что в этом множестве синих шинелей я не мог заметить присутствия хотя бы одной куртки хаки.

Он повторил:

— Хотя бы одной куртки хаки.

В висках у меня тревожно стучало. Что хотел он этим сказать? И каждый раз это странное обращение: «Господин профессор».

— Что вы хотите сказать? — прошептал я.

Он с любопытством поглядел на меня.

— Что хочу сказать? Ничего, господин профессор, ничего такого, чего бы вы уже не знали. Уже совсем темно. Тяжело будет сегодня вечером этим несчастным по грязи Морторма и возвышенности 304.

* * *

Молча вернулись мы к столу. Г. Теранс повернул выключатель. Зажглось электричество.

Хозяин задернул тяжелые занавески перед окном, оставив его открытым. Было видно, что у него нет никакой охоты иметь дело с полицией.

— А Лабульбэна все еще нет, — заметил я, чтобы сказать что-нибудь.

Г. Теранс иронически улыбнулся.

— Надо думать, не так-то легко удалось ему получить вино, пришлось повозиться с милейшей привратницей в улице Нансути. Наверное. Потому что иначе он был бы уже здесь: машины фирмы Лабульбэн — сейчас одни из самых лучших.

Он пошел в темный угол комнаты, стал рыться в груде бумаг.

Он вернулся с номером «Revue des deux Mondes», положил его на стол передо мною и показал пальцем на оглавление.

И одновременно с этим я услышал его изменившийся голос, взволнованный и серьезный. Он проронил лишь одно слово:

— Благодарю.

Тотчас же еще острее почувствовал я все, что было тревожного и причудливого в моем положении. И все-таки я теперь понял. Это обращение: «Господин профессор...» В оглавлении журнала, протянутого мне г. Терансом, я прочитал:

«Ф. Жерар, профессор Collège de France: Героизм ирландских полков во Франции, в Дарданеллах и в Сербии».

— Благодарю, — еще раз произнес г. Теранс.

Старик стоял передо мною. Он взял мою руку и пожимал ее.

— Благодарю, господин профессор.

Я не отнимал руки. Как, почему, когда было еще время, не рассеял я одним словом этого смешного недоразумения? Никогда не мог я вполне это понять. Даже вот сейчас задал я себе вопрос: хватило бы у кого-нибудь другого, не у меня, смелости разочаровать моего собеседника, такого трогательного в его искренней простоте?

Смелость, сила... Их остатки я потратил на то, чтобы в душе, *in petto*, проклинать непостижимую глупость юного Лабульбэна.

Воцарившееся в комнате молчание нарушил я, но лишь за тем, чтобы спросить неуверенным голосом:

— Вы — ирландец?

Улыбка г. Теранса не была лишена иронии.

— Я думаю, что вы сразу догадались, — сказал он, указывая на гравюру на стене, изображающую разгром Дрогеды.

Он взял журнал, стал его перелистывать.

— В первый раз, господин профессор, статья иностранного автора отдает должное усилиям Ирландии, сделанным в эту войну. Хорошо, что это было сказано, если принять во внимание то, что произойдет позже и за что нас непременно будут обвинять в предательстве. Примите же нашу благодарность, господин профессор.

— Не можете ли вы дать мне напиток? — попросил я.

Г. Теранс встал, налил мне стакан воды. Затем немолимо продолжал свой благодарственный гимн.

— Я лишь недавно узнал, что сделал профессор Жерар во Франции, в Европе, в интересах свободной Ирландии, в той области, где я — невежда. Лишь недавно я узнал, что с самого возникновения гаэльской Лиги вы своим высоким авторитетом поддерживали усилия Дугласа Гайда, Давида Комина, великого Йойна Мак-Нейля. Благодаря вам мир мог узнать, что у Ирландии, свободной страны, есть свой собственный язык, и потому, когда она требует себе собственной армии, собственной дипломатии, — она требует лишь своего права. Повторяю, я не ученый, другие лучше могут выразить вам признательность нашей страны за это. Но ваша деятельность тем не ограничилась. Вы только что посвятили эту свою статью памяти ирландских солдат, павших за время начиная с августа 1914 г. И за эту статью скромный лейтенант ирландских стрелков хочет принести вам благодарность.

— Вы были лейтенантом ирландских стрелков? — сказал я с удивлением, оправдывавшимся преклонным возрастом моего хозяина.

— Я записался в день объявления войны, — небрежно сказал г. Теранс, — я верил тогда, что Англия сдержит свое слово, и что каждый выстрел, сделанный нами против Германии, будет выстрелом за свободу нашей страны.

— И больше... в это не верите?

— За кого вы нас принимаете? — сказал с улыбкой г. Теранс.

Он продолжал просматривать страницы «моей» статьи.

— Все равно, — опять пробормотал он, — хорошо, что все это было сказано.

Глаза его горели. Я видел, как по его бледному лбу легла складка и все увеличивалась.

— Себд-уль-Бар! 25 апреля 1915 г. Много видел я на своем веку страшного. Но никогда ничего ужаснее Дарданелл! Это был день высадки, и, конечно, ирландцы были впереди всех. По мере того, как появлялись они на сходящих, огонь турок косил их. Из первых двух сотен — все добровольцы! вы хорошо это сказали, — сто сорок девять было убито, тридцать ранено. Шедшие следом за ними бросились в воду, чтобы добраться вплавь. Но в воде была скрыта колючая проволока. Я вижу еще агонию этих пловцов, ноги их застревают в подводных клещах. Они протягивали руки... Протягивали руки... Они умерли, умерли... И за что! За что!

Старик также выпил стакан воды.

— Но вот чего вы не знаете, господин профессор, или знаете, но не могли сказать из-за вашей цензуры: такая великая храбрость осталась безымянной. В Англии никогда не разрешалось произносить имена ирландских героев. В вечер высадки телеграммы адмирала де-Робэка умолчали о названиях наших полков... Полтора года сражались мы, полтора года, вы знаете — как за английского короля, — за нашего «прусского короля». Теперь — конечно, совсем конечно. Вольно же маленьким синим солдатикам, которые спешат там внизу, на этом вокзале, продолжать адскую сарабанду! С нас — довольно. У нас — иной долг.

— Какой?

— Он — в окопах Ирландии, господин профессор. Не в окопах Франции.

Ледяной ветер надул занавески и донес до нас новый зловещий звук рожка.

— Уходит еще один полк, — сказал старик. — Какой ужас! Несчастные! Даже если они победят, воспоминание о понесенных ими жертвах — как будет оно тяготеть над ними, когда они будут сидеть за зеленым столом Мирной Конференции.

И опять повторил:

— Какой ужас! Какой ужас!

— Что же, по вашему, должны мы делать? — спросил я, охваченный мучительным чувством.

* * *

Гул вокзала под нами замер, а вместе с ним немного затихло и возбуждение г. Теранса. Он заговорил теперь почти совсем спокойным голосом.

— Нужно сказать правду. Сегодняшняя правда об Ирландии уже не совпадает с заключением вашей статьи. «Этот героизм, — говорите вы, — доказывает, что Ирландия окончательно поняла, что помимо восстания, есть иные методы добиться признания ее прав. В этом смысле ирландские солдаты в Дарданеллах и в Сербии определенно подали свой голос против убийц 1882 года...». Нет, господин профессор, это не так. И я сейчас докажу вам... Сражавшиеся в Дарданеллах и убийцы в Феникс-парке совсем не противоположны одни другим. Напротив, это — все те же люди, тем же одушевленные, все те же...

Он встал.

— Господин профессор, это я 6-го мая 1882 г., в 10 часов утра, в Феникс-парке ударом кинжала убил лорда Фредерика Кэвендиша, помощника государственного секретаря Ирландии, а мои товарищи разделились с государственным секретарем Бэрком. И все это — на глазах вице-короля, лорда Спенсера, который из окна дворца видел эту маленькую

схватку, не понимая, в чем дело. Это еще не позабыто. Вы знаете, каким позором весь мир заклеил казенных. И вот теперь, через тридцать лет, меня восхваляют за то, что я убил в Дарданеллах нескольких турок. Не значит ли это, что с ирландской точки зрения, — а лишь одна она важна мне, — что с этой точки зрения прав убийца, а не солдат. Не моя вина, господин профессор, если англичане так уже созданы, — но вы должны же знать, что убийством одного из министров Англии скорее достигаешь плодотворного с нею соглашения, чем глупую службу в ее армии на подобие какого-нибудь наёмника сикха или гурка.

Он стукнул левым кулаком по столу. Послышался металлический звук. Тут я вспомнил, что во все время обеда эта рука была в перчатке.

— Во всяком случае, вы-то приобрели право говорить так, — сказал я.

Он усмехнулся.

— Нет, нет, это совсем не то, что вы думаете!... Не потому, что я был ранен на войне. Пули пощадили меня в окопах, дали мне там возможность углубиться в свою совесть, испытать ее. Я думал о наших английских парламентских лидерах, торговавших нашею кровью, отдававших ее за обещания, из которых ни одно не было выполнено. Нашим солдатам отказывают в праве носить на фуражках их национальные значки, а в это самое время всех наших врагов осыпают похвалами, и злейший из них, ульстерец Кэрзон, призван заседать в военном совете. Знаете вы, господин профессор, что он, Кэрзон, — это человек, который весной 1914 г. просил кайзера прислать ему ружья, чтобы расстреливать нас, и уверял его в своей полнейшей преданности?.. Что бы вы сделали на моем месте? Надо полагать, то же, что сделал я. Я вышел в отставку и вернулся в Ирландию. Там я застал борьбу, подлинную, единственную, которой мы никогда не должны бы оставлять. Эту руку мне раздробило

в схватке с коронными войсками. Меня лишний раз приговорили к смерти. Требуют моей выдачи. Легко может статься, что через неделю старый фений будет болтаться на веревке в Пентонвильской тюрьме. Полиция, английская и французская, следит за мною, ходит по пятам. Вы могли понять, что отнюдь не с легким сердцем заставил я целое утро метаться по Парижу и его предместьям профессора Collège de France, к которому питаю самое глубокое уважение. Я не буду ночевать здесь, господин Жерар. Как только я скажу вам то, что должен сказать, я снова уеду...

Опять донесся звук рожка. Загромыхал еще один поезд.

— Что же еще можете вы сказать мне, кроме того, что вы нам изменяете!

Г. Теранс не смутился.

— Господин профессор, — сказал он совершенно спокойно, — когда Франция боролась против Англии, мы всегда были на ее стороне. Мы помогли усилиям Шато-Рено и Лозэна, Гоша и Эмбэра. Победою при Фонтенуа обязаны вы Ирландской Лиге. Никогда, на протяжении шести столетий французы, думаю я, не имели повода применить к нам слово «изменники». Вижу, сейчас положение дел может измениться. Но, скажите, мы ли тому в самом деле, виною? Наш общий враг сделался вашим союзником. Вы мне скажете, что вы были вынуждены заключить этот союз. Пусть так. Не стану вас за это упрекать, господин профессор; мы из тех, которые полагают, что для народа всякий союзник хорош, когда дело идет о том, чтобы осуществить или защитить свою национальную независимость. Завтра мы могли бы стать союзниками Германии...

— Германии! — воскликнул я.

— И за это можно бы нас порицать не больше, чем Францию за союз с Англией. Самое это слово «порицание» лишено смысла. Я думаю, вы согласитесь, господин профессор, что в такой области, как политика, где повелевают

только факты, терминология морали приложима не больше, чем в физике или геометрии. Безнравственность союза это — такой же полнейший абсурд, как аморальность закона тяготения.

Лишь одно, одно слово поразило меня.

— С Германией! — повторил я.

— Это только гипотеза, — сказал г. Теранс. — У нее одна лишь цель — помочь мне сказать вам: мы не упрекаем вас за то, что вы, повинаясь велению фактов, стали союзниками Англии. Но мы, во всяком случае, полагаем, что вы не сумели извлечь из этого союза, в отношении Ирландии, всего, что, пожалуй, было возможно извлечь.

— Что хотите вы этим сказать?

— Вот что, господин профессор: в этой стране упорно продолжают рассматривать ирландский вопрос, как вопрос внутренней политики Англии, и потому считают, что невозможно в него вмешаться. Ну, так вот, ничего не может быть более ложного. И ничто не принесет большего вреда Франции, чем такая точка зрения. Я вас спрашиваю: те, которые ведают вашей внешней политикой, — разве не могли они потребовать, чтобы были выполнены обещания, данные нам английским правительством? Разве ваши дипломаты не предстательствовали перед царем в вопросе о независимости Польши? Наверное, мы были бы вам очень признательны. Но нет, вы продолжали игнорировать Ирландию. А теперь, когда она готова выйти из борьбы, в которой она ничего не может выиграть, — вы вспоминаете о ней лишь для того, чтобы произнести слово «измена». А ведь вам было бы так легко заставить услышать ваш голос. Мы привыкли разговаривать с Англией. Мы знаем, что всякое замечание, сделанное известным тоном, всегда ею выслушивается. Вы имели все средства заставить выслушать свои указания. О, если бы вы это тогда сделали, — может быть, не одни только ваши войска садились бы в поезда на этом ужасном

вокзале. Двести тысяч ирландцев были бы готовы прийти к вам на подкрепление, а не оставались бы у себя дома, собираясь парализовать там такое же количество английских солдат. А вы в это время прославляете Фрэнча, как гения, и Китченера, как спасителя. Вы не знаете, что все, что только было во власти этого последнего, чтобы подорвать набор в Ирландии, — все это он пустил в ход. Слушайте: когда разразилась война, Джон Рэдмонд предложил английскому парламенту, не ставя никаких условий, услуги двухсот тысяч ирландских добровольцев. Китченер отказался даже обсуждать включение в войска этих двухсот тысяч. А в это самое время ваши ждали у себя в окопах прибытия английской армии, чтобы она быстро закончила войну. Не без удивления услышали они, что британские офицеры устраиваются со своими семьями в Булони, Гавре, Калэ и снимают виллы на три года, на шесть лет. «Чем был вызван этот отказ лорда Китченера?» — спросите вы меня. Я вам сейчас скажу: есть для Англии нечто более страшное, чем немецкая победа на континенте: это — перспектива, что сто тысяч ирландцев вернутся к себе на родину, с знанием военного дела и с сознанием своей силы... И потом, чтобы не прийти французам на помощь до смешного преждевременно, французам и немцам предоставляется взаимно истощать друг друга к вящей выгоде Британской империи... Вот почему, господин профессор, нет сегодня вечером ни одной куртки хаки среди синих шинелей, которых гонят через этот вокзал к Вердену. О, у войны за право — довольно странная изнанка. Пусть солдаты Франции продолжают, — если такова воля управляющих вами, — разыгрывать роль воинов цивилизации! Наши, к сожалению, должен это повторить вам, господин профессор, — наши больше не пойдут. Впредь у них иная цель: быть воинами Ирландии.

* * *

— Могу я вас спросить, — сказал я, желая прекратить разговор, в котором я чувствовал себя таким беспомощным, — могу я вас спросить, как могла вам прийти мысль обратиться к юному Лабульбэну за тем, чтобы...

— Чтобы привести вас сюда? — сказал с улыбкою г. Теранс. — Да очень просто. Мне было приказано войти с вами в сношения. Несколько раз делал я попытки встретиться с вами в Collège de France, но ваши лекции в зимнем семестре уже кончились. Я считал неудобным идти к вам на дом, еще того меньше — писать вам, но я видел себя вынужденным прибегнуть к одному из этих двух способов. Как раз в это время покупка автомобиля дала мне случай познакомиться с Лабульбэном. Нужно отдать ему справедливость, он не отличается ни большою скромностью, ни большим самомнением. Он говорил мне о вас, как об одном из своих отличных друзей. Признаюсь, сначала я не верил, что случай так пришел мне на помощь. Я сомневался, вы ли это, действительно. Но в то же время я узнал, что на вас возложен в Доме Печати перевод документов на мингрельский язык. И я не мог более бороться против очевидности. Нет во Франции двух лиц, которые носили бы то же имя Жерар и знали бы мингрельский язык, не правда ли?

Я опустил голову, побежденный столь неопровержимым доводом.

— Вы мне сказали, что на вас было возложено...

— Войти в сношения с вами, вы сами понимаете, — не только для того, чтобы угостить вас моим замечательным бургонским. Это был бы слишком странный способ показать вам, как мы рассчитываем перейти из области слов в область действий.

Он посмотрел на часы.

— А чорт! Наш юный друг сейчас вернется. У меня остается ровно столько времени, чтобы познакомить вас с содержанием возложенного на меня поручения.

Тем же спокойным голосом, каким он хвалил достоинство автомобиля Лабульбэна, г. Теранс сказал:

— Сегодня — 8-ое марта, господин профессор, — я имею честь сообщить вам, что через месяц, около 20-го апреля Ирландия поднимется против Англии, точнее говоря — объявит ей войну.

— Такого рода признание уже меньше удивляет меня после того разговора, который у нас только что был, — сказал я, делая над собою все усилия, чтобы казаться спокойным.

— Несомненно. Но оставалось точно установить дату. Я это сейчас и сделал.

— Что бы вы сказали, — спросил я, — если бы я, расставшись с вами, отправился в министерство военное или иностранных дел и представил там самый точный отчет о нашей беседе?

Г. Теранс и глазом не моргнул.

— Очевидно, вы так поняли бы свой долг. Я понимаю ваши опасения. Но может быть, я сумею несколько их успокоить, если в свой черед изложу вам, что с неизбежностью воспоследовало бы.

— Вас бы немедленно арестовали.

— Это было бы не в первый раз, и, должен прибавить — это не имело бы никакого значения. Важно лишь одно — успех наших планов. Ну, а в этом отношении ваш поступок ничего не изменил бы ни на йоту.

— Как это?

— Очень просто. Ваше сообщение будет безотлагательно доведено до сведения английского правительства. Это последнее запросит объяснений у вице-короля Ирландии, лорда Уимборна. Лорд Уимборн побеседует об этом с госу-

дарственным секретарем Биреллем и товарищем секретаря Нэтаном. Они отнесутся ко всему этому, как к пустым рассказам и чепухе. Я не зря говорю. Именно такие выражения употребляют эти три джентльмена всякий раз, как полиция доносит им о предстоящем летом восстании. Такова проницательность Дублинского дворца. *Stultos fecit...* И ничего вы тут не поделаете, господин профессор, ни вы, ни я. В ваших же интересах я прошу вас не пробовать приобрести в глазах вашего начальства славу опасного собирателя сплетен.

— Итак?

— Итак, возвращаясь к тому, с чего начал. Повторяю вам: Ирландия начнет войну с Англией через месяц. Война ведется двоякого рода оружием: материальным и моральным. Первым нам не приходится здесь заниматься. Наша эпоха была свидетельницей самого страшного разгула физической силы, какого еще никогда не было. Но по лицемерию, которое останется так для нее характерным, она требует, чтобы все ее безобразия и ужасы были облечены благоприятными покровами, юридическими и сентиментальными: право, уважение к договорам, свобода народов и все такое. Уверенная в себе, Германия по началу не считалась с этим вторым условием борьбы. Этот жалкий дурак Бетманн Гольвег объединил весь мир против своей страны, с грубою наивностью показывая свое удивление, что Англия вступает в войну ради охраны принципа международной морали — в тот самый момент, когда она собиралась не сдерживать обещания, данного ею нам... Но я уклоняюсь в сторону, а юный Лабульбэн сейчас вернется. Будем кратки. В той борьбе, в которую мы скоро вступим, мы должны иметь свидетелями этой борьбы несколько таких людей, чье слово не могло бы быть никем заподозрено, таких людей, в которых, по выражению вашего Виктора Гюго, приютилась совесть человечества. Мы стремимся к тому, чтобы заста-

вить признать нашу независимость, и потому нам необходимо, чтобы было констатировано, что мы сражались как солдаты, а не как мятежники, под зеленым знаменем Эрина, а не под черным или красным знаменем анархистов или революционеров.

— Вот что! — сказал я, — и вы думали...

— И мы думали, что в этой своего рода комиссии предварительного контроля, в которой главные нации, союзные и нейтральные, будут иметь своих представителей, избранных нами из наиболее уважаемых деятелей мысли, — мы думали, что в этой комиссии никто более профессора Жерара не достоин представлять Францию, в интересах обеих наших стран.

Это предположение меня ошеломило, я почти совершенно забыл о том, что меня оно, собственно, не касается. Вопрос г. Теранса вернул меня к действительности.

— Вы принимаете приглашение, господин профессор?

— Я...

— Принимаете?

— Мне необходим срок в три дня, чтобы...

— Совершенно справедливо, — ответил г. Теранс.

Говоря так, прося о сроке, вот какое принял я решение, чтобы избавиться от последствий этой глупой истории, начинавшей принимать слишком тревожные размеры: в тот же вечер разыскать моего знаменитого однофамильца, все ему рассказать, умолить его меня простить и, в конце концов, предоставить решение его совести.

— Да, три дня срока — это более чем правильно, — повторил г. Теранс. — Через три дня жду вашего ответа. Будьте так любезны и принесите его лично. Конечно, не сюда. В Париже удобнее; по адресу: Г. Люсьену Бертрону, 78, бульвар Мальзерб. Вам нужно только спросить г. Плот¹⁾.

¹⁾ Т. е. Плавт — игра слов вместе с именем Теранс - Теренций: Теренций - Плавт.

— Господина Плот?

— Ах, да, и вот еще что. В случае, если вы согласитесь, г. профессор, конечно, все расходы по переезду принимает на себя Ирландская республика. А что касается вашего пребывания в Ирландии, — уже одно имя того, кто примет у себя...

Резкие звуки рожка, донесшиеся с улицы, оборвали слова г. Теранса.

— А, вот, кажется, и наш дикарь, — сказал старик.

Это был, действительно, Вэнсан Лабульбэн, как о том теперь свидетельствовал шум шагов на лестнице и ругательства, с каждым шагом становившиеся все слышнее.

— Как расходился! — сказал с улыбкой г. Теранс, — надо полагать, в дороге он хлебнул из своей бутылки. Да, что касается до вашего пребывания в Ирландии, говорю я, то самое имя того, кто вам окажет там гостеприимство... Сейчас! Этот бесноватый оборвет звонок.

Г. Теранс встал и пошел открыть дверь.

— Самое имя того, кто окажет гостеприимство? — повторил я машинально.

— Да, одно это имя служит вам полным ручательством безупречности приема, какой вас там ждет, господин профессор.

И г. Теранс прибавил:

— Вам окажет гостеприимство граф д'Антрим.

Глава III

ПО ПУТИ В КЕРРИ.

Эрин, Эрин, священная земля гигантов и святых, Эрин, остров золотой арфы, с серыми скалами над бледными песками, с темно-голубым небом, зелеными лугами, коричневыми потоками, черными болотами. От твоих берегов, Эрин, возлюбленная Ирландия, отплывали полные великой отваги имрамы в поисках новых земель. К твоим берегам пристали монахи в своих каменных лодках, более тяжелых и более легких, чем лодка Иисуса на Тивериадском озере, Патрик и Коломбан наложили на тебя печать католицизма. Ты остался ему верен, Эрин, и кто измерит когда-нибудь, сколько пролил ты за это крови! И все-таки никогда, прославленная земля, не переставала ты сочетать со строгою красотой латинских гимнов мрачную красоту мифов Севера. Мириам из Магдалы, рыжеволосая еврейка, протягивает здесь руку принцессе Лейнстерской Еве и царице Маб, фее лесов и вод. Все трое пляшут они по вечерам, Эрин, на твоих лужайках. Одна из рук твоих, о, примирительница, протягивается к Испании, другая — к Гренландии... Чтобы понять тебя, Эрин, и полюбить, нужно было созерцать лиловую Луару и зеленый Рейн, а не ограничиваться путешествиями приказчика из Сити, который по воскресеньям, для отдыха, между двумя главами Библии, удит

в Мэйденхэде или Вульвиче грязненьких рыбок в скверных водах Темзы.

Пароход отходил из Гавра в Саусэмптон лишь в полночь. Было восемь часов. Что делать в этом черном городе? Благодаря предупредительности г. Теранса, от самых утомительных формальностей я был избавлен. Бумаги мои были в порядке. Деньги у меня были английские.

В портовом кабачке, куда я зашел, чтобы убить время, кроме меня был лишь огромного роста сержант британских войск. Он сидел ко мне спиной. Он пил небольшими глотками красное вино из огромного стакана. Мне были видны его морщинистая шея, цвета пережаренного бифштекса, шерстяные рукава с белыми полосами наверху. В удивительных странах, должно быть, сражался этот человек. Он спросил еще стакан вина, вытащил из кармана горсть золотых монет, — результат каких-нибудь побед, — и стал их пересчитывать с неповоротливостью охмелевшего человека.

— Пора.

Я взшел на пароход, перейдя через палубу другого корабля, служившего сходнями. В гавани дул ветер, шел дождь.

— Могу я остаться на рубке? — спросил я человека, взявшего у меня билет.

— И не думайте, — сказал он. — Я велю вас проводить в вашу каюту.

— Я буду один в каюте? — спросил я мальчика, которому приказано было меня проводить.

— С вами будет еще один пассажир.

Я пошел за проводником. Меня охватил тошнотворный запах каучука и машинного масла.

Каюта была маленькая. Две койки, одна над другой. Я положил свое пальто на верхнюю.

— Эта койка занята, — сказал мальчик и переложил пальто на нижнюю.

— Ну, конечно, — заметил я с досадою, — это лучше.

— Пожалуй. Но за то ваша — у иллюминатора. Конечно, открывать нельзя, ни в коем случае: зайдет. Но в него вам сейчас будет видно то, на что стоит поглядеть. Он внимательно осмотрел, хорошо ли сдвинуты занавески.

— Само собой, вы откроете их лишь тогда, когда свет в каюте будет погашен, иначе у нас будут неприятности от сторожевых судов.

— Все? — спросил я.

— Все. Ах, да, еще: спасательные пояса.

Он указал мне на пробковые полосы, пристегнутые к потолку белыми и голубыми ремнями.

— Выберите себе.

— Когда мы приедем?

— Завтра утром, в шесть. По росписанию.

И повторил:

— Выберите себе пояс.

Ушел.

Я стал задвигать свой чемодан под койку. Чемодан другого пассажира был уже там. Я воспользовался этим, чтобы узнать, как его зовут. В том приключении, на которое я отважился, щепетильность надо отложить в сторону. Я вытащил обьемистый сак коричневого холста. К холсту была пришита этикетка, вся в таможенных печатях, и я прочел на ней слова, писанные от руки, крупным, круглым почерком:

Доктор Станислав Грютли.
Лозанна.

Мне показалось, что это имя мне как-будто знакомо. Но где я его читал или слышал? Я не мог вспомнить.

Я поднялся опять в верхнюю рубку. Стало светлее. Ветер как-будто стих.

— «Постараюсь, чтоб меня не заметили и оставили здесь», — подумал я.

Ровно в полночь пароход снялся с якоря. В пять минут первого он прошел мимо двух башенок, отмечавших вход в гавань.

В тот же миг передо мной выросла какая-то тень.

— Никого на палубе! Таков приказ.

Я ворча спустился к себе в каюту.

Горело электричество. Занавески у верхней койки были сдвинуты, — это давало понять, что доктор Грютли уже расположился там. Когда я снимал пиджак, он захрапел.

— Великолепно! — пробормотал я.

Я вытянулся на койке. Стакан на туалетном столике задребезжал, ударяясь о металлическое кольцо. Корабль выходил в открытое море.

У меня над головой заскрипело. Должно быть, доктор Грютли повернулся на другой бок. По тому, как стонала койка, я заключил, что мой спутник — должно быть, человек солидного веса. Занавеска закачалась, и я увидел над собою его ногу, свешивавшуюся через край койки, в тяжелой ботинке коричневой кожи с медными крючками. Сползавший шерстяной носок открывал жирную, волосатую ногу.

Я посмотрел на часы. Пять часов отделяли меня от прибытия на место. Спать я не хотел, да и храпенье спутника давало мало надежды, что я засну. Лучше всего использовать эту бессонную ночь для того, чтобы привести немного в порядок свои мысли.

* * *

Я сел в поезд, идущий в Гавр, на вокзале Сэн-Лазар накануне, 15-го марта в три четверти девятого утра. Если припомните, завтрак в Нуази-ле-Сэк и мой разговор с г. Терансом происходили 8-го марта, неделю назад.

Может быть, помните вы также, что когда мне было сделано признание, не мне предназначавшееся, первую мою мыслью было разыскать подлинного профессора Жерара и обо всем его осведомить. И вот я вооружен бумагами, по большей части составленными на имя этого ученого, и еду, вместо него, в Ирландию. Даже не очень-то любящие разбираться в психологических запутанностях все-таки захотят, я в этом уверен, понять причину столь странной моей выходки и, наверное, увидят эту причину в следующем факте, который стал мне известным из беседы с г. Терансом: члены международной контрольной комиссии, поставленной под покровительство ирландских республиканцев, на время своего пребывания в Ирландии будут поселены у графа д'Антрима.

Я наклеветал бы на себя, если бы стал утверждать, что эта проделка не мучила моей совести. Часть дня 9-го марта, припоминаю, провел я в сквере Лагард, перед домом, где жил мой знаменитый однофамилец. «Если он выйдет, — говорил я себе, — я во всем ему признаюсь. Ну, а если не выйдет, — да исполнится назначенное судьбой: я поеду вместо него».

Он не вышел. Но если бы и вышел, не знаю, сдержал ли бы я свое слово. Думаю, все равно уехал бы...

Утро следующего дня застало меня перед тем же домом в сквере Лагард. Но на этот раз мое решение было бесповоротно. Через четверть часа показался г. Жерар, на меня он не обратил никакого внимания. Я пошел за ним. По улицам Воклен, Клода Бернара и Гэй-Люссака он дошел до улицы Ульма, дальше я уже не последовал за ним. Я мог вполне убедиться, что оба мы были одинакового роста, и что если я не очень на него похож, то, во всяком случае, у него нет никаких особых примет — бородавок, оспин, пятен на лице, — которые бы делали слишком рискованным мой план — выдавать себя за него.

И три дня спустя я почти совершенно спокойно увидался снова с г. Терансом и заявил ему о своем согласии. Конечно, оно было обусловлено получением двухмесячного отпуска, который оба мы признали необходимым. В этом отношении дело устроилось быстрее и легче, чем я мог предполагать. Чиновники министерства иностранных дел, в ведении которых находился Дом Печати, отличались самым милым дилетантизмом. Им показалось как нельзя более своевременным то дело, на которое я указывал, и они разрешили мне отправиться изучать на месте влияние французских демократических мыслителей XIX века на ирландских политических деятелей соответствующей эпохи. Со смущением должен признаться, что мне даже была ассигнована на это дело довольно круглая сумма, и мне пришлось ее принять, чтобы не возбудить самых естественных подозрений.

Так как отъезд мой был назначен на 15-ое марта, то у меня еще оставалась целая неделя, я провел ее в различных библиотеках, которые были мне доступны. Была у меня в эти немногие дни двойная задача: получить как можно более полные документальные сведения по истории и географии Ирландии, а кроме того, — и это прежде всего, — познакомиться с произведениями профессора Жерара. Тут было не до шуток! ведь, эти произведения становились моими творениями. Их ценили во всех ученых кругах Европы, и было девять шансов из десяти, что мне придется встретиться среди членов знаменитой контрольной комиссии с почитателями этого ученого. Они захотят сделать мне приятное и будут говорить о моих работах, делать мне комплименты. Нет нужды прибавлять, что я твердо решил таких похвал не искать, избегать их и дать этим иностранцам высокое понятие о скромности французских ученых. Но все-таки было необходимо все предусмотреть, даже тот страшный случай, если бы в составе комиссии оказался спе-

циалист по кельтской филологии. В этих видах я вез с собою чрезвычайно специальную работу, посвященную фонетике старо-бретонского наречья. С помощью этой работы я мог рассчитывать, что мне удастся сверкнуть блеском хотя и мимолетным, но ярким, если бы за столом у графа д'Антрима завязался, к несчастью, соответствующий разговор.

— Ваши документы, милостивые государи.

Что за странная идея — приходить ночью в каюты? Но таковы нравы войны. Я вытащил бумажник, маленький бумажник, полученный мною двадцать лет назад, при обстоятельствах, вам уже знакомых. Он весь истрепался, весь сморщился. Какого труда стоило мне разыскать его, накануне вечером, среди разных следов былого! Но я все-таки разыскал... Для этого странного путешествия был нужен непременно этот бумажник...

Бумаги мои, я уже говорил, были в полном порядке. Очевидно, и бумаги моего невидимого спутника — также, по крайней мере их просмотр длился еще меньше, чем моих документов. Инспектор, уходя, извинился, что побеспокоил, и пожелал нам спокойной ночи. Немедленно возобновился храп д-ра Грютли.

Было, должно быть, часа три ночи, когда я погасил свет и попробовал заснуть. Вдруг от сильного толчка занавески над иллюминатором заколебались. Мне вспомнились слова мальчика. «В этот иллюминатор вы увидите великолепное зрелище...» Почему говорил он о великолепном зрелище?

Я встал на койке на колени, раздвинул занавески. Беле-ый свет проник в каюту.

Я так и вздрогнул. Великолепное зрелище! Да, он не преувеличил: передо мною вставала картина английского могущества.

Был густой туман, когда мы отходили из Гавра, — теперь туман рассеялся. Под светом луны, казавшимся ярче дневного света, стлался бесконечный простор моря, и, насколько хватало зрения, весь этот простор был изборозжен судами.

Одни, громадные, черные, с правильными между ними промежутками, стояли совершенно неподвижно. Наше маленькое судно точно производило им блестящий смотр. Крейсера, эти покачивающиеся форты... Но, несомненно, тут несли сторожевую службу только старые, вышедшие из моды чудища, допотопные корабли, заставившие русских склонить голову в Гулле и французов — в Фашоде. Какое же впечатление должны производить другие, великаны первого класса, могучие хищники, которые в это самое время, на всех морях мира, преследовали дичь Империи!

Те, которых видел я перед собою в этот час, наполняли уважением и страхом. Иногда один из них пропадал для ослепленных глаз. Скользнув по глади моря, громадный электрический снап ложился на его борт. В ослепительно освещенном треугольнике вздымались, сталкивались валы, с такой отчетливостью, точно это было на экране кинематографа. Вдруг — коротким ударом — прожектор поднимался к небу. И обливал своим светом барашки маленьких ночных облачков.

А между этими недвижимыми, точно окаменевшими колоссами, кишели страшные морские насекомые, от истребителей до торпедных лодок.

Менее чем за час я насчитал до пятидесяти этих юных чудовищ. Более светлые, чем вода, обладающие такою быстротою, которая делала их похожими на сороконожек, они шныряли во всех направлениях. Носом вонзались они в беловатую пену, и казалось, что вот волна проглотила их. И вдруг они опять всплывали на поверхность, где-то далеко, далеко, чтобы снова исчезнуть и снова вынырнуть.

То, что я видел налево от нашего судна, повторялось и направо от него. И так было всюду, так должно было быть. Всюду эта непрерывная изгородь из страшных часовых, которые вот уже в течение полутора лет, — а может быть это будет и еще несколько лет, — днем и ночью обращают Ламани и Северное море в громадный водяной форт.

О, если в данный момент в жалких окопах Франции и не было видно доказательств военных усилий Англии, то, во всяком случае, здесь-то, на тех водных путях, по которым могла надвинуться непосредственная угроза, с первого же дня было видно, какие громадные напряжения делала Англия. За огромной линией огня, заливающего вас, трепещите, маленькие человечки Понт-а-Муссона, Шима, Дюнкирхена! В это время, благодаря великому флоту, спокойствие царит в Пиккадилли, и никогда настроения английской биржи не были более благоприятны.

Прижавшись лицом к стеклу иллюминатора, смотрел я, думал я, вычислял сколько миллионов и миллионов тонн стали, выкованной красными и синими ночами, сколько человеческого труда и пота, напряженнейших выкладок, гигантского эгоизма — олицетворяет эта безмолвная армия черных гигантов. В эти минуты все чрезвычайное безумие борьбы, поднимаемой друзьями г. Теранса, выступало передо мною во всей своей очевидности. «Идея, — говорил он, — идея!...» Что может сделать идея против такой адской силы? Что может она, светловолосая девственница, прикованная к скале, вокруг которой непрестанно носятся огненные драконы и закованные в железо акулы?..

И по мере того, как наше судно подвигалось вперед к западу и расширяло поле моего зрения, — все новые, все новые военные корабли...

Я не знаю, который был час, когда я, изнемогая от усталости, наконец, заснул. Когда я проснулся, тихий шум воды, скользящей вдоль борта, сменился грохотом лебедей,

цепей, перекатываемых по палубе бочек. Мы были в Саусэмптоне.

Я прежде всего взглянул на койку д-ра Грютли. Она была пуста. Мой спутник ушел из каюты, пока я спал. И вдруг меня будто что-то ударило. Самым неожиданным образом я вспомнил то, чего никак не мог припомнить с той самой минуты, когда узнал имя доктора, написанное на его саке. Да, я не ошибался, чорт возьми, — это имя мне знакомо. Я прочитал его, всего какую-нибудь неделю назад, в Национальной библиотеке, когда знакомился с сочинением проф. Жерара. С ужасом вспомнил я теперь это имя: «Д-р Станислав Грютли, профессор кельтского языка и литературы в Лозанском университете».

В целом свете нет, может быть, и десятка профессоров кельтского языка, считая в том числе и проф. Жерара, и вот я на первых же шагах сталкиваюсь с одним из них! Соглаштесь, обстоятельство необычайно тревожное. У меня не могло быть сомнений, что д-р Грютли представляет Швейцарию в той комиссии, где я незаконно воспользовался странным правом представлять Францию. Мне предстояло два месяца жить бок-о-бок с этим опасным для меня специалистом. Как только он узнает, что в числе его коллег есть профессор кельтского языка, — он непременно...

Совершенно растерянный, беспомощно разводя руками, стоял я в каюте. Никогда еще француз, высаживающийся в Англии, не интересовался так мало английскими порядками, которые имели за два последних века такое влияние на наших либералов. Вероятно, пришло время пересмотреть вопрос об этом влиянии.

* * *

Данное мне г. Терансом росписание было совершенно точно, и мне надлежало лишь всецело им руководствоваться. Переходы, отели, пересадки в поездах, — все это он пре-

дусмотрел и точно установил. По мере того, как мое путешествие продолжалось, страхи мои успокаивались. Быть может, я тревожусь понапрасну. Ни в поезде, везшем меня из Саусэмптона в Фишгуард, ни на пароходе, привезшем меня в Корк, я не заметил, — хотя и внимательно приглядывался, — ничего, что напомнило бы мне о саке д-ра Грютли и об его красных ботинках. С какой стати думать, что весь мир занят только ирландскими делами? Д-р Грютли в это время, наверное, уже в Оксфорде или в Кембридже, еще вероятнее — в Глазго, где, после 1910 г., завещание Александра Флеминга позволило учредить кафедру гаэльской литературы, и кафедра эта по праву пользуется высокой репутацией.

И все-таки, должен сознаться: все те чувства, которые я думал испытать, вступив на ирландскую почву, — тонули в боязни встретиться с страшным профессором. Скоро я имел возможность убедиться, что страхи мои были не напрасны. В Маллоу, где оставляют линию Корк — Дублин, чтобы ехать в Трале, мне пришлось переменить вагон. Я стоял уже на ступеньке того отделения, которое выбрал себе, — и вдруг отпрянул назад: я заметил чемодан доктора, этот ужасный чемодан из коричневой парусины. Было совершенно несомненно, что доктор едет в Маллоу, и он отправляется к графу д'Антриму — это ясно. Приходилось быть готовым к тому, что вот сейчас он вырастет перед моими глазами.

Я взял свой багаж, пересел в другое отделение и заперся в нем. Стал оттуда следить за платформой. На ней было человек пятнадцать. В ожидании отхода поезда эти люди ходили взад и вперед, чтобы согреться, потому что погода была, хотя и очень ясная, но холодная.

Я разглядел двух священников, несколько крестьян, несколько женщин, солдата королевской ирландской полиции, наконец еще трех или четырех господ. Я силился угадать,

кто из этих последних — мой Лозаннский соперник, но крики возвестили, что поезд отходит, и все пошли к вагонам.

Д-р Грютли был маленький, толстенький человечек, конечно — в очках; повидимому, он боялся простуды: на нем было надето несколько жилеток, одна сверх другой. Зеленая фетровая шляпа была надвинута на выпуклый лоб. Он не был красив, не был изыщен. Но круглое его лицо было не лишено приятности.

«В конце концов, — думал я, — ничто не позволяет мне с уверенностью предполагать, что он только тем и будет заниматься, что экзаменовывать меня по части кельтских слов и корней. Да если бы он и вздумал, я имею же полную возможность не отвечать ему. Французская наука не будет посрамлена этим гельветским карапузом».

Мне был нужен воздух. Я опустил стекло в отделении, облокотился, переходил к другому окну, опять возвращался к первому, чтобы получить возможно полное впечатление от пейзажа. Пейзаж этот, под серым перламутровым небом, был, как я и ждал, дик и скромн.

Поезд в'ехал в ланды Керри, пересеченные торфяными болотами и прудами, над которыми носились, как-то особенно четко в них отражаясь, водяные птицы. Ветер продувал насквозь вагон, открытый, как труба, и оставлял в нем запах вереска. Меня охватило и затем уже не оставляло воспоминание о маленькой девочке, к которой мчал меня поезд. Перед лицом строгой красоты мест, по которым несся мой поезд, я стал понимать, что лишь теперь узнаю я, что такое Антиопа... Антиопа! Я вслух повторял это имя, чтобы лучше связать ее образ с образом ее родины.

Выкрикнули название маленькой станции:

— Килларнэй.

И я почувствовал, что это славное имя волнует меня потому лишь, что оно связано с нею. Чем скорее поезд

минует тебя, Килларнэй, тем скорее буду я подле нее... Увидать ее? Меня начинало брать сомнение. Уверен ли я, что по крайней мере увижу ее? Странность моего поведения за эти две недели была, по истине, изумительна.

— Вы сказали, что я найду приют у графа д'Антрима? — небрежно спросил я у г. Теранса. — Не тот ли это граф д'Антрим, которому я когда-то имел честь быть представленным, около 1894 г., в Э-ле-Бэне? — Старик посчитал на пальцах и ответил: «Да, это он». — У него была тогда дочь, лет так тринадцати, она так шумно резвилась в садах Виллы Цветов. — «Она и теперь существует, — сказал г. Теранс со своей обычной серьезностью, — и возраст ее вы помните очень хорошо: графине Кендалль теперь должно быть тридцать пять». — Графиня Кендалль, сказали вы? — «Да, мисс Антиопа вышла замуж, шесть лет назад, за лорда Бакстера, графа Кендалля». — А... граф д'Антрим живет вместе со своими детьми? — «Они жили с ним в его замке Дэнмор, на северном берегу Ульстера. Но после смерти лорда Бакстера...» — Лэди Бакстер овдовела? — «В июне 1914 г. Она имела несчастье потерять в этот день своего супруга, он погиб при автомобильной катастрофе, сама она спаслась только каким-то чудом... С тех пор она покинула замок Дэнмор, слишком напоминавший о пережитой трагедии, и переехала вместе с отцом в Мюнстер, в трех верстах от Трале, в замок Кендалля, полученный ею в наследство от супруга. В этом замке вы и будете поселены; я очень рад, что вы дали мне возможность познакомить вас с этими подробностями, потому что, выражаясь вполне точно, вы будете гостями графини Кендалль, а не графа д'Антрима. Впрочем, это совершенно безразлично, в виду той дружбы, которая связывает отца и дочь, и в виду той безграничной преданности, с которой графиня относится к делу свободной Ирландии».

Таковы подробности, сообщенные мне по его собственному почину, г. Терансом. Понятно, я не рискнул расспрашивать дальше, чтобы не возбудить недоверия. И потом, разве не было пока совершенно достаточно и тех сведений, которые он сообщил?

* * *

В Трале, в скромной гостинице, я съел яичницу с ветчиной. Поезд отходил через два часа, и он должен был везти нас еще несколько миль — до станции, где прекращалось мое путешествие. Я вернулся на вокзал за десять минут до отхода поезда и остановился у книжного киоска на вокзале, чтобы купить несколько газет. Когда я расплачивался, подошел д-р Грютли. Я не хотел подать виду, что избегаю его. Филолог повертел в руках несколько книжек в очень пестрых обложках. Наконец, остановил свой выбор на «Она» Райдера Хаггарда, английском романе, которого нельзя не знать. Потом оба мы вошли в свои отделения.

На станции, о которой я только что упоминал, и где мы слезли, мы оказались на платформе только вдвоем. Становилось слишком трудным игнорировать моего спутника.

— Господа едут к графу Кендаллю?

С таким вопросом обратился к нам стоявший рядом с начальником станции высокого роста человек, что-то вроде ефрейтора.

Мы утвердительно кивнули головой. Он взял наши вещи. Д-р Грютли попросил поосторожнее обращаться с его саком.

Посреди обсаженной невысокими дубками площади ждала коляска с откинутым верхом.

Ефрейтор открыл дверцу.

Я дал дорогу доктору, так как он был старше.

Он поклонился.

— Профессор Станислав Грютли, Лозанского университета, — сказал он.

Я поклонился.

— Профессор Жерар из Парижа, — ответил я, считая, что не нужно точнее обозначать связи, соединяющие меня с Collège de France.

В голубом небе неслись с резкими криками птицы, направляясь на запад. Легкия мои расширялись как-то радостно и вместе печально, оттого, что я чувствовал уже близость моря, но еще не видел его.

И вдруг оно выглянуло, сквозь гранитную расселину, громадное и черное, с белыми гребешками волн. Один из тех необъятных видов, которые научились мы в лицее любить, читая «Размышления».

Профессор вынул из футляра очки, старательно их протер и стал смотреть на океан.

— Это побольше Женевского озера, — сказал он, наконец, с любезной улыбкой.

— Иногда я любовался озером с Эвиана, — ответил я, исполняя долг вежливости, — там были настоящие, громадные волны, и не было видно противоположного берега.

— Значит, был очень, очень сильный ветер и большой туман.

И оба мы снова отдались своим мыслям.

Соррег, соррег ¹⁾. Кажется таким возгласом, насколько я мог узнать по справкам в Национальной библиотеке, маленькие ирландские оборвыши встречают иностранцев и часами гонятся за их экипажами. Но за всю дорогу не встретился нам ни один из этих попрошайек. Под крышами хижин, попадавших на поворотах дороги, вился, тая в вечерней полумгле, желтоватый дымок, и только он говорил о том, что в домах живут.

¹⁾ Соррег — буквально „медь“ — вообще мелкие деньги.

Дорога, по которой катилась наша коляска, шла то выемками, то насыпями, то краем откоса и перерезывала широкие поля темной земли, над которыми густеющие сумерки подымали испарения. И в зависимости от того, крепчал ли ветер или ослабевал, доносились до нас то запах моря, то запах вереска.

Быстро надвигалась ночь. Д-р Грютли не мог больше читать, закрыл книгу, снял очки; я видел, что наступила минута взглянуть опасности в лицо.

Он любезно заговорил:

— Я, несомненно, имею удовольствие ехать с представителем Франции в комиссии, официально организованной нашими ирландскими друзьями?

Я поклонился.

— Другие наши коллеги уже прибыли? — спросил я.

— Не имею понятия.

— Не знаете, какие там представлены нации?

Профессор кашлянул.

— Если граф д'Антрим хочет придерживаться очень древнего обычая Соединенного Королевства, устанавливающего число гостей, которых может принимать лорд, — нас будет шестеро. Но сказать, какие именно страны командировали своих представителей, я не могу. Знаю только — да и то совсем случайно, — что Швеция представлена нашим выдающимся коллегой Генриксеном, профессором римского права в Стокгольмском университете. Вот и все. А вы?

— Мне ничего не известно.

Коляска поехала медленнее. Она поднималась по крутому косоугору между двух оврагов. Было слышно, как из под лошадиных копыт скатываются во все стороны камешки.

Вдруг сзади загудел автомобильный гудок, и вскоре после того донесся грохот самой машины. В свете двух сильных фонарей обозначилась желтоватой лентой дорога.

Автомобиль приближался с большой быстротой. Поравнявшись с нами, он несколько замедлил ход, так что я мог разглядеть управлявшего машиной молодого человека лет тридцати с женственно-красивым лицом, которое было наполовину прикрыто меховым воротником.

Машина бешено понеслась дальше. Дорога стала опять черной.

— Сколько еще до замка? — спросил я, тронув спину кучера.

— Четыре мили.

— В великоленном автомобиле, который только что нас обогнал, — сказал профессор, — это всего минут десять. Ну, а в этой достопочтенной коляске приедем не раньше, чем через три четверти часа. Правда, что автомобили изгнаны в замке Кендалля?

— Изгнаны?

— Да это и вполне понятно, дорогой коллега: с ними связано слишком печальное воспоминание.

Я понял его намек: он намекал на катастрофу, случившуюся два года назад, стоившую графу Кендаллю жизни. И мне было как-то больно, что это продолжает так сильно влиять на Антиопу...

— А, вот мы и остановились, — сказал д-р Грютли.

Действительно. Две-три тени кружились около остановившейся коляски. В двадцати шагах, в темном низком доме, виднелась освещенная дверь, и перед нею двигалось еще несколько теней.

Наш кучер слез с козел и отбросил дверцу.

— Ехать еще с пол-часа, а туман все сильнее, я хочу поднять верх.

И он прибавил:

— Это — трактир. Может быть, господам угодно воспользоваться остановкой и выпить чего-нибудь, чтоб согреться...

— Отчего же! — сказал д-р Грютли и спрыгнул на землю.

— Пойдемте, — сказал он мне, — слова этого малого звучат, как просьба. Надо вслушиваться в то, что хотят сказать вам, помимо слов.

* * *

В трактире мы оба уселись у печки, за простым деревянным столом.

По указанию нашего кучера нам налили в громадные чашки горячего молока, сильно разбавленного виски. Сам кучер обошелся без молока, — одним виски.

Он говорил с трактирщиком, с его женой, детьми и многочисленными посетителями по-гаэльски. Д-р Грютли с большим интересом прислушивался к их разговору. Этот кельтовед был в своей сфере. А я никогда еще так не жалел, что я — не профессор Фердинанд Жерар.

Чтобы не подать виду, я встал и стал разглядывать грубые олеографии на стенах, изображавшие великих людей Ирландии, от Сарсфилда до Парнелля, с Вольфом Тоном посредине. И вдруг я сильно вздрогнул.

— А! Чорт возьми!... Чорт возьми.

Это закричал д-р Грютли. Он шел за мной и, надев очки, также собирался посмотреть с улыбкой удовлетворенного любопытства, на тот предмет, который так глубоко меня взволновал.

В скромной рамке под запыленным стеклом была ребячески расцвеченная гравюра, изображавшая гирлянду из трилистников. Венок делился на две части полосой с арфою Эрина наверху. Справа и слева — один и тот же текст, на одной стороне по-гаэльски, на другой, к моему счастью, по-английски.

— Чорт возьми! Чорт возьми! — повторил доктор. И он вполголоса прочитал, с явным удовлетворением:

«В понедельник Святой Пасхи, в лето 1152, Девогилла, дочь д'Антрима, жена Тэрнана О'Рурка, совершила свое преступление; как раз в этот день исполнилось ей семь пятилетий. Когда в пасхальный же понедельник исполнится седьмое пятилетие другой дочери д'Антрима, тогда, в день сей, вина Девогиллы будет искуплена, наполнятся небеса трубным гласом освобождения и узрит Дорога Гигантов победу Фина Мак-Кул и бегство утеснителя».

Покачивая головою, улыбаясь все очаровательнее, он повторил:

— ... бегство утеснителя:

Я растерянно глядел на него.

— Пророчество Донегаля, — пробормотал он.

Я молчал. Он ошибочно истолковал мое волнение.

— Да, странно, дорогой коллега, сказал он, — но это так. Пророчество Донегаля висит во всех ирландских домах. И так вот подготавливается, открыто, под носом у Англии, восстание, и нам скоро предстоит удостоверить его лойальность и рыцарский характер. Любопытная страна, любопытная.

Я больше не слушал его. Вдруг встало в моей памяти одно воспоминание, — воспоминание, которому было уже двадцать лет. Вспоминал я, с какой серьезностью Антиопа сказала мне в саду Виллы Цветов, что день ее рождения — 24-го апреля 1881 г.

«Через месяц, около 20-го апреля, сказал мне, с другой стороны, г. Теранс, Ирландия начнет борьбу против Англии». В этот день, в Пасхальный понедельник, дочери д'Антрима исполнится седьмое пятилетие! Значит, это — она, мой маленький далекий друг из Э-ле-Бэна, худенькая, смуглая девочка, в коротенькой юбочке! Значит, на нее падает страшная слава — загладить вековой позор Девогиллы! Как я был теперь горд ею! Как я был счастлив, что послушался таинственного голоса воспоминаний!

Г. Грютли снова присел у камина.

— Во всяком случае, очень любопытно, — повторил он. Я взглянул на него.

— Вы со мной не согласны? Это пророчество знают все ирландцы. Это как бы их хартия вольностей, как бы возвешение их Мессии. Ребятишки заучивают его в школе. Профессора во всем мире комментируют его со своих кафедр. И по его велению через месяц вспыхнет восстание, это так же достоверно, как то, что мы сидим сейчас здесь и пьем молоко с виски. А что, тем временем, делают в Англии! Спят. Доунинг-Стрит и Скотланд-Ярд, эта бочка с пироксилином, видят здесь только покрытые плесенью строчки, годные самое большее на то, чтобы забавлять филологов в роде нас с вами. Вице-король Ирландии, главный секретарь в Дублине, спокойно восседая в своих креслах, делают петушков из докладов, которые представляет им их злополучная полиция, сообщая о готовящемся со всех сторон восстании. Любопытно, любопытно.

Я опять овладел собою.

— Может быть, и любопытно, но не столь парадоксально, как это вам кажется, — ответил я. — Один тот факт, что то, что приготовления к восстанию делаются так открыто, успокаивает этих господ. Вероятно, вы хорошо знаете Эдгара По. Вспомните Дюпэна и украденное письмо. Где оно лежало, это письмо? На виду, так, что никому и в голову не приходило искать его там.

— Конечно, вы правы, — сказал г. Грютли. — Раз это так, должно быть этому объяснение. Но все-таки, взгляните с другой стороны. Думали вы о величии судьбы этой дочери д'Антрима: к ней сходятся, на ней сосредоточиваются чаяния, надежды всего народа? Я не знаю графини д'Антрим. Достояна ли она этого исключительного жребия? Вечером, когда она засыпает в своей строгой вдовьей спальне, чувствует ли она, что вокруг ее головы

трепещет мысль всей Ирландии? Мы, простые смертные, — мы свободны располагать нашей жизнью. Понимает ли она, что она над своей не властна? .. Да, в самом деле, какое необычайное положение!

По тому волнению, какое чувствовалось в этих объяснениях ученого специалиста, можно судить, каково было мое душевное состояние. Я переживал тот вечер моего детства, тот влажный вечер в Савойе, когда Антиопа расставаясь со мною, подарила мне картинку с пророчеством Донегалия на обороте. Теперь я с восторгом отдавался событиям, я беспредельно доверял этим неведомым таинственным силам, которым я был обязан тем, что в этот час нахожусь на темных дорогах Керри.

Вдруг разговоры в трактире прекратились и почти тотчас же возобновились уже на английском языке.

В залу вошел человек с багровым лицом, в клетчатом картузе. Резиновый плащ был забрызган грязью. Он отдувался и ругался.

— Этот проклятый автомобиль лорда Арбэкли! Летит, как сумасшедший. Чуть не раздавил. Так и обдал всего грязью.

Присутствующие улыбнулись.

— Вам смешно, — с негодованием сказал вошедший.

— Лорд Арбэкли не раз давил наших кур, — сказал трактирщик, — и вы, Джон, находили это вполне естественным и даже забавным. А сегодня он слегка вас испачкал, и вы уже кричите. Столкнитесь с ним, Джон. Лорд Арбэкли — англичанин, вы, я так полагаю, — тоже; эти истории нас, Джон, не интересуют.

Опять пробежал легкий смехок.

— Англичане, англичане, — сказал Джон с гадкой усмешкой, — ну, конечно. А все-таки, знаю я одного человека, который был бы очень счастлив выйти замуж за лорда Арбэкли и ...

Последовало ругательство.

В зале зашептались.

— В самом деле, Джон? И кто же это? — сказал трактирщик.

— Да ваша графиня Антиопа, чорт меня побери.

Перешептывание усилилось. Джон вызывающе сжал кулак, подпер им бок и рявкнул:

— Да, ваша графиня Антиопа.

— Лжешь, — раздался чей-то голос.

Это был голос нашего кучера. Аудитория радостно заволновалась.

— Я лгу?

— Да, Джон, заявляю, что ты лжешь, и ты сам это знаешь.

— А ты поосторожней, Джозеф.

— Нечего мне быть осторожней, Джон. Говорю, — лжешь. Никогда ее сиятельство не выйдет замуж за англичанина, хотя бы и звали его лордом Арбэклем, или лордом Китченером, или мистером Ллойд-Джорджем...

— А вот посмотрим...

— Если бы даже пришлось ей бегать по воскресеньям, после богослужения, в лохмотьях по улицам Килларнэя.

То, что в таком виде изображена была перед присутствующими Антиопа — настроило их совсем враждебно против англо-сакса. Но он стоял на своем. В нем заговорил задор. Послышались ругательства.

— Вот что, — раздался вдруг пронзительный голос д-ра Грютли и покрыл собою шум, — я думаю, верх у нашей коляски уже подняли. Когда мы едем?

Все в зале замолкли. Кучер Джозеф опустил голову.

— К вашим услугам, ваше превосходительство.

Две минуты спустя мы уже ехали. Верх был поднят и скрывал от наших глаз редкие звезды. Я тронул локоть Джозефа:

— Лорд Арбэкль, это — тот, который правил обогнавшим нас автомобилем?

— Да, — ответил тот. — Но Джон солгал, клянусь вам. Никогда ее сиятельство не выйдет за лорда Арбэкля.

— Ну, знаете, — шутливо сказал доктор, — случались и не такие вещи. А лорд Арбэкль, должно быть, очень богат, судя по его машине.

— Никогда не выйдет, — настаивал Джозеф.

Он сердито стегнул лошадь и все повторял:

— Никогда, никогда!

Д-р Грютли коснулся моей руки.

— Что вы на это скажете? — прошептал он. — Те жалкие доводы, какие можем мы со своих кафедр привести в доказательство антагонизма этих двух рас, — что они значат по сравнению с действительностью!

Я ничего не ответил. Мне было не по себе. Вспомнилась своеобразная красота недавно виденного юноши.

Слева от нас раздавался сильный мерный шум. Повидимому, там, совсем близко было море, но ночная мгла мешала нам видеть его.

Немного погода стала вырисовываться на фоне неба какая-то темная масса на горе.

— Сейчас приедем, — сказал кучер.

Лошади сами пошли быстрее.

Очень длинная ограда, темная изгородь из боярышника. Высокая решетка; ее золоченые острия поблескивали в желтоватом свете луны. Едва экипаж остановился, ворота решетки открылись. Теперь коляска бесшумно катилась по песку аллеи, между двумя рядами больших черных деревьев.

Мы обогнули высокую стену, на которой кое-где проступали освещенные окна. Наконец экипаж остановился перед широким подъездом, под навесом.

На последней ступени этого крыльца, ярко освещенного электрическими лампами, стоял мужчина в смокинге.

Это был почти колосс с густыми черными волосами, спадавшими на лоб. От сильного света его энергичное бритое лицо казалось синим и резким.

Кучер спрыгнул.

— Господин Ральф, — сказал он, и в голосе его были почтительность и страх, — могу вам доложить, что господа прибыли благополучно.

Не говоря ни слова, мужчина в смокинге поклонился и знаком пригласил нас следовать за ним.

Глава IV.

КЕНДАЛЛЬ

Катастрофа, стоившая графу Кендаллю жизни, произошла 6-го июня 1914 г. Граф женился на Антиопе д'Антрим за три месяца до того. Венчание происходило в фамильном замке Дэнмор, близ Портраша, на северном берегу Ульстера. В этом замке Антиопа родилась, выросла. Не было решено, поселятся новобрачные в Кендалле, или будут продолжать жить вместе с графом д'Антримом в Дэнморе. Несмотря на то, что детство Антиопы текло счастливо, ей не хотелось оставаться в Дэнморе, в этом, ненавистном ей, протестантском Ульстере. У ее отца была такая же ненависть, но думал он иначе. Он предпочел бы остаться здесь. «Ульстер, — говорил он, — стал таким потому, что ирландцы не исполнили своего долга. Они побросали свои родовые земли и отдали их иммигрировавшим сюда саксам. Нужно положить конец эмиграции».

3-го июня 1914 г. граф Кендалль отправился в Бельфаст, чтобы принять только что им купленный великолепный автомобиль. Вернулся оттуда и привез жене в подарок маленький кодак. Решили завтра испробовать машину и фотографический аппарат.

Утро было ясное, сухое. Молодые люди уехали. Взяли с собою молочную сестру Антиопы, Эдит Стюарт, исполнявшую при графине роль и секретарши, и камеристки, и взяли

также брата Эдит, маленького Роберта, двенадцатилетнего мальчика.

Драма разыгралась в двух километрах от замка. Автомобиль, которым правил сам граф Кендалль, ехал по очень узкой дороге, краем горы над песчаным берегом. В особенно живописных местах одна из молодых женщин вылезала, чтобы сфотографировать автомобиль и пассажиров. В пункте, носящем имя Кэррична-Курра, снимала Антиопа. Она прислонилась к скале. Позднее вспоминались ей лишь следующие мелкие подробности: стараясь уловить в маленьком четырехугольнике матового стекла, с бежавшими в нем облаками, прыгающее отражение автомобиля, она заметила, что ей мешает выглянувшее солнце. «Если можно, немного правее», — сказала она. Автомобиль опять не попал в фокус, Антиопе не было его видно. И вдруг три страшных крика, слившихся в один, заставили ее приподнять голову. На мгновение увидела она у края дороги наклонившийся кузов, две серых, совершенно новых, шины. И больше ничего.

Согласно воле Антиопы, останки Эдит Стюарт и маленького Роберта были погребены на кладбище графов д'Антрим. Перед этим кладбищем, в тридцать квадратных футов, высеченном в скале против замка Дэнмор, катятся не необозримом пространстве унылые волны Северного моря. Чайки садятся на кладбищенские кресты. Когда мальчик и девушка были перенесены туда, Антиопа под длинным траурным вуалем проводила скалистым берегом до Порт-рашского вокзала погребальный кортеж графа Кендалля и села в поезд, увозивший к юго-западным графствам тело ее мужа. Там снова те же печальные церемонии. Крестьяне, стоя у своих изгородей, смотрели, сняв шапки, как шла в трауре эта женщина, делавшаяся теперь хозяйкой Кендалльского пэрства. Потом она поселилась в замке. Два месяца спустя, когда началась мировая война, местные жители уви-

дали совсем седого старика, которого возили в колясочке на резиновых шинах по лужайкам парка. Граф д'Антрим переехал к дочери. С тех пор, оба они не покидали Кендалля.

* * *

Глупый человек... Я думал, что увижу Антиопу в первый же день по приезде в Кендалль. Меня ждало разочарование. Я не увидел даже ее отца.

Следом за человеком в смокинге, которого наш кучер назвал г. Ральфом, мы поднялись, д-р Грютли и я, по ярко освещенной парадной лестнице с глубокими темными ходами направо и налево. В тусклом освещенном коридоре со скрипевшим у нас под ногами полом г. Ральф остановился у высокой двери.

— Господин профессор Жерар, — сказал он с внушительною вежливостью.

Дверь отперли. Я вошел в комнату.

Комната была очень большая. Я сразу понял, что мне в ней будет удобно. Вместе со мной вошел лакей. Положил мой чемоданчик около умывальника.

— У господина был еще сундук. Его доставят сюда завтра утром.

Это было неприятно. Смокинг был в сундуке. В эту минуту я не хотел встретиться с Антиопой до завтрашнего вечера.

Я стал нервно вынимать мои убогие туалетные принадлежности. Их было мало, были они такие скромные, и мне было неловко перед лакеем. Чего он не уходит! Надо бы сказать ему. Но раз остается, очевидно, так ему приказано.

Постучали в дверь. Появился молчаливый г. Ральф.

— Г. граф поручили мне справиться, хорошо ли путешествовал господин профессор. Его сиятельство будет

счастлив принять господина профессора завтра утром, в одиннадцать.

Он поклонился.

— Уильям, — и он указал на лакея, — в полном распоряжении господина профессора. Когда господин профессор пожелает, чтобы его проводили в столовую, он будет так любезен позвонить.

Оба они вышли.

Оставшись один, я прежде всего открыл огромное окно. Ворвался очень свежий воздух, с бодрящим запахом елей. Деревья черными группами высились перед окном, совсем близко от него, и нужно было высоко поднять глаза, чтобы увидеть красноватое небо, по которому ветер гнал луну сквозь желтые облака.

Я отошел от окна, дошел до середины комнаты. Свидетельницей каких тайных драм моего сердца будет она, эта комната? Какими таинственными пожарами мозга и чувств озарятся эти огромные черные стены? На стене против меня посверкивала золоченая рама венецианской работы. В раме было пророчество Донегалья, разукрашенное готическими трилистниками. Я перечитал его, как перечитывают стихотворение, какое давно уже знаешь наизусть.

Потом мне пришло в голову, что, наверное, руки у меня очень грязные, от копоти юго-западных поездов.

Окончив свой скромный туалет, я позвонил Уильяму. Должно быть, он дежурил за дверью, потому, что она тотчас отворилась.

Он проводил меня в круглую, небольших размеров столовую, отделанную дубом и украшенную гранеными зеркалами.

Два серебряных подсвечника обливали скатерть мягким светом. Мужчина в смокинге, сидя за столом, читал «Daily Chronicle». Когда я вошел, он встал, не спеша сложил газету и представился.

— Полковник Гарвей, из Балтиморы.

— Профессор Жерар, из Парижа, — сказал я.

Мы обменялись крепким рукопожатием.

Почти тотчас же появился д-р Грютли. К моему конфузу, он также был в смокинге. Но я утешился, заметив у него, сзади, металлическую застёжку готового галстука.

Мы сели за стол. Я рассеянно слушал, как полковник Гарвей что-то объяснял доктору.

— Я в совершенном восторге, доктор, в совершенном. Конституция Швейцарии ближе всего к конституции Соединенных Штатов.

— Вы знакомы, господин полковник, с графом д'Антримом?

— Очень хорошо знаком, доктор, очень хорошо. Но при всем моем сочувствии к нему и к тому делу, которое он представляет, я буду беспристрастен, строго беспристрастен. Мы присутствуем здесь для того, чтобы, когда наступит время, явить полное беспристрастие...

— Наступит время... Это назначено на пасхальный понедельник?

— Да, кажется, на пасхальный понедельник.

— Станный, право, это заговор, — сказал д-р Грютли, — все подготавливается совершенно открыто. Очень странный. Верите вы в успех, господин полковник?

Полковник Гарвей сдвинул толстые брови, поднес к глазам граненый хрустальный стакан, в который только что перед тем налил красного вина, посмотрел на свет и сразу выпил.

— Разные есть виды успеха, доктор, — сказал он.

Г. Грютли ничего не ответил на эту загадочную фразу. Он был занят тем, что очищал рака.

— Наши коллеги, господин полковник, уже здесь? — спросил он, наконец.

— Только один. Профессор Эрик Генриксен, из Стокгольма. Человек очень замкнутый. Он выразил желание обедать у себя в комнате. Любите вы Сведенборга, доктор?

— Сведенборга? Мм...

— Профессор Генриксен — сведенборгианец.

— На здоровье, — сказал доктор. — А другие?

— Завтра ждут испанского делегата, сенатора Баркхильедро, а также, может быть, делегата японского, барона Идзуми, профессора вольного университета в Вазеде.

— Знаете вы их?

— Повидимому, барон Идзуми — настоящий джентльмен, — лаконически ответил полковник Гарвей.

Наступило короткое молчание. Затем д-р Грютли спросил:

— Представляете вы себе, каков должен быть метод нашей работы здесь?

— Да, я уже затрагивал этот вопрос с графом д'Антримом, — сказал полковник, — и он поручил мне побеседовать с вами об этом.

Д-р Грютли наморщил лоб.

— А! — произнес он важно.

Полковник поглядел на него с некоторою тревогою.

— Доктор, — сказал он, — и вы, господин профессор, — не поймите мои слова неверно. Все мы тут — на одинаковых правах, и мне отнюдь не доверена какая-нибудь преимущественная роль. Но я уже довольно давно знаю графа д'Антрима. С другой стороны, вам, быть может, известно, что здоровье его очень пошатнулось. Он сделает все, для него возможное, чтобы до конца выполнить по отношению к вам свой долг хозяина. Но силы его не всегда на высоте его желаний. И потому он просил меня временно заместить его.

— И мы заранее приносим вам, г. полковник, свою признательность, — сказал я.

Полковник Гарвей с благодарностью поглядел на меня.

— Но конкретно, что нам надлежит делать, — спросил д-р Грютли своим резким и тонким голосом.

Полковник сделал протестующий жест.

— То, что вы сочтете нужным, доктор, что сочтете нужным. Если вы не вынесете из этой первой нашей беседы впечатления, что вы тут совершенно, абсолютно свободны, значит, я плохо выразился, исказил намерения графа д'Антрима. Пусть каждый работает так, как найдет нужным. Вам будут предоставлены для того все средства, потому что все должно произойти совершенно открыто. Мы здесь для того, чтобы сказать миру то, что увидим. Граф д'Антрим настаивает лишь, — и это единственная его просьба, которую я должен вам передать, — настаивает, чтобы те наблюдения, какие будут сделаны каждым из нас, были объединены в общих наших докладах, а не сообщались изо дня в день газетами тех стран, которые мы здесь представляем. Мы — люди науки, а не журналисты.

— Вполне благоразумно, — сказал д-р Грютли уже более мягким тоном.

Их разговор принял, затем, более общий характер. Смутно слышал я, как полковник восторгался Амиелем, а доктор ответил на это любезною похвалою Эмерсону. Я перестал слушать. Во мне зашевелился неожиданный страх. Я думал о том, что за двадцать лет Антиопа могла очень подурнеть.

Доктор и полковник продолжали обмениваться любезностями. В столовую вошел человек в смокинге, которого кучер Джозеф назвал Ральфом. Но увидав, что мы еще не кончили пить, он скромно скрылся.

Д-р Грютли глазами спросил полковника.

— Ральф, — объяснил тот в пол-голоса, — Ральф Макгрегор, управляющий, человек, которому граф д'Антрим

очень доверяет. Ральф Макгрегор записался в армию в 1914 г. Он блестяще заслужил во Фландрии свой Victoria cross. Впрочем, как видите, он не носит этого ордена. Сейчас он играет важную роль в военной революционной организации. Если бы он оказался капитаном или даже майором ирландских волонтеров, — я ничуть бы этому не удивился. Во всяком случае, два-три самых подлинных сына местных лордов ниже его чином, подчинены ему. Мы приходим тут в соприкосновение, господи, с весьма интересным моментом. Мы можем непосредственно констатировать, во что обходится делу союзников английская политика по отношению к Ирландии. Если бы в 1914 г. Гомруль был осуществлен, сейчас в окопах Франции было бы лишних сто тысяч Ральфов Макгрегоров.

Полковник замолчал: опять вошел управляющий. Он увидал, что стаканы пусты.

— Я к вашим услугам, чтобы проводить вас, когда вам будет угодно, в ваши комнаты.

Когда я вернулся к себе, мне сначала показалось, что дорога сильно меня утомила. Я тотчас же лег. Но увидал, что скоро не засну.

Я подошел к библиотечному шкафу, стекла которого посверкивали в самом темном уголке комнаты. Взял первый подвернувшийся том и опять лег.

Это был «Тристрам Шэнди». Так около получаса находился я в том странном и очаровательном душевном состоянии, какое дает, под кровлей нового жилища, чтение уже ранее читанной книги.

За окном поскрипывали флюгера. Когда я дошел до главы, озаглавленной: «Как ни старайся, кто-нибудь всегда будет недоволен», они затихли, сменившись каким-то другим шумом, мерным и однообразным.

Пошел дождь.

Я погасил электричество. Тогда слух мой уловил еще иной шум, более широкий, более глубокий. Шум моря. Долго не мог я заснуть.

* * *

Первый день, проведенный мною в Кендалле, имеет важное значение для дальнейшего рассказа. Я обязан поэтому, заранее прошу извинения, описать здесь, ничего не утаивая, час за часом, все подробности того, что в этот день произошло.

Спал я плохо, должен в этом признаться. Проснувшись, я очень удивился, что нахожусь в этой комнате, и поздравил себя с культом непредвиденного, культом, в конечном счете, пользующемся в нашу эпоху широкими симпатиями.

Я растворил внутренние ставни, они стукнули о стены. Глазам моим открылся парк с его темною зеленью, над которой дождь ткал туманный покров. В сером небе плыли облачка с золотыми краями и позволяли надеяться, что скоро прояснится. Когда я кончал одеваться, небо действительно очистилось, и шопот дождевых капель прекратился.

Я позвонил Уильяму. Он вошел с завтраком.

— Сейчас нет еще восьми, — сказал я ему, — а я буду иметь честь увидеться с г. графом только в одиннадцать. Я хотел бы немного походить по окрестностям.

— Ваша честь, вы могли бы, — ответил Уильям, — посетить развалины аббатства Ардфэрд, построенного, очень много времени назад, нашим великим святым Брандоном, когда он вернулся из путешествия в Америку. Это в двух милях отсюда. Можно приказать оседлать для вас лошадь.

— Не стоит, — я предпочитаю пешком. Впрочем, для первого дня я не хочу заходить далеко. Ведь, море, кажется, совсем близко?

— Совсем близко, ваша честь. На море выходит окно западного фасада замка. Ваша комната, как и комнаты других гостей, — на восток. Г. Ральф распорядился так для того, чтобы в бурю море не мешало господам спать... Но если ваша честь предпочитает...

— Нет, нет. Эта комната мне очень нравится.

Выйдя в парк, я стал оглядывать замок. С севера, юга и востока он был окружен довольно глубокими рвами, с запада же его прикрывала скала, на выступе которой он был построен.

Внизу, в расстоянии двухсот метров, было море, к которому сбегали высеченные в скале узкие тропинки. Волны тихо набегали на белый песчаный берег; пять-шесть собирателей водорослей двигались по песку, а сверху они казались не больше крабов.

Я разглядывал замок. Повидимому, он сильно пострадал от пресвитерианцев. В 1649 г. тут побывал Кромвель со своими наемными солдатами и пушкарями. Камня на камне не осталось там, где прошел «старый мошенник», как обычно называют в Ирландии лорда-протектора. Кромвель обратил в развалины три из четырех башен замка и сжег один из двух флигелей. Здание в настоящем его виде было перестроено, шестьдесят лет спустя, графом Жаком Кендалль, на выигранное сеньером у королевы Анны пари в десять тысяч фунтов стерлингов. В ту пору принадлежавшие замку земли были в десять раз обширней, чем сейчас. Потом конфискации и широкая жизнь графов Кендалль сделали свое дело. Но и в теперешнем своем виде, с площадью всего в 1800 акров, имение это было постоянным предметом зависти для окрестных крупных английских землевладельцев. Так было в 1914 г. С переходом имения к дому д'Антрима у средних лэндлордов не оставалось уже надежды когда-нибудь присоединить это место к своим недавно приобретенным землям.

Разорвав полог облаков, выглянуло солнце. Окружавший меня странный пейзаж вдруг заиграл свежими красками. Бодро пошел я навстречу нежному утреннему ветерку.

Сначала я шел тропинками, которые исчезали под нависавшим дугою кустарником, где пели щеглы с взвешенными от дождя перышками. Потом потянулись поля, окруженные стенами из сухой земли в три-четыре фута вышиной, сбегające вниз дуга... Под травой бежали ручейки, стремительные от весенних дождей, с каким-то особым молодым шопотом, совсем не похожим на их осенний шум. Вспорхнул чирок, которого я сначала принял за сороку.

Потом пошли болота, перемежаясь широкими пустынными плоскогорьями, покрытыми темным и рыжим папоротником. Я шел через эти папоротники. Порою взлетала над ними безобразная птица, такая же рыжая, с длинными свисающими желтыми лапами... И царил над этою пустынною тихий шопот дроков...

Я бродил так целых два часа, и не видел ни одного крестьянина, никаких признаков человеческого существа. Наконец попались три-четыре заброшенные лачуги с провалившейся крышей, с накренившимися стенами. Я вошел в одну. Чертополох, крапива, грустный шум моих шагов по когда-то утрамбованному земляному полу...

Какая красноречивая иллюстрация страшной аграрной политики, сумевшей менее чем за столетие вдвое уменьшить население этого, когда-то цветущего острова! В то время как дожди разрушают штукатурку в этой жалкой брошенной ферме, прекрасные лэди в Империи строят себе замки из слоновой кости и золота...

Я шел вдоль оврага по грязной, извилистой дороге. Донося шум лошадиных копыт. Скоро я увидел и лошадь. Она бежала мне навстречу. Я хотел посторониться, пропустить ее, но увидел, что на лошади — дамское седло;

поводья упали; и у нее был тот немного дикий вид, какой бывает у лошади, только-что сбросившей седока.

Я подумал: должно быть, какой-нибудь несчастный случай. И когда лошадь поравнялась со мной, я схватил поводья. Она рванулась, но только обдала меня грязью. Я крепко держал поводья. Она остановилась.

Это была великолепная вороная кобыла. Седло и поводья из очень тонкой кожи, стремена — все говорило о большой, но не крикливой роскоши.

«Остается одно, — подумал я, — продолжать свою прогулку в том направлении, откуда прискакала эта красивая беглянка. Я был бы очень удивлен, если бы очень скоро не...».

Я ускорил шаги, волнуемый какой-то надеждой, к которой была уже примешана тревога.

Я не сделал еще и сотни метров, как дорога сделала новый поворот, и я увидел приближающийся ко мне черный силуэт женщины в амазонке. Со скучающим видом несла она на левой руке свой шлейф. Хлыстом, бывшим у нее в правой руке, она на ходу нервно стегала по росшему на откосе репейнику.

Увидав лошадь, она радостно вскрикнула:

— А, вот вы где, мисс Пэгг.

Кобыла остановилась и боязливо ржала.

Не спеша, подняв хлыст, подходила наездница. Она сделала слегка удивленное движение, увидав, что я — не крестьянин, который только и мог бы ей повстречаться на этой топкой тропинке.

Она заметила, что я забрызган грязью, поняла откуда эта грязь, и расхохоталась.

— Право, мне так неприятно, что я причинила вам беспокойство. С этой мисс Пэгг — сладу нет. Я на минутку слезла, только чтобы укоротить стремя... И вот!

Она поглядывала на меня вопросительно и слегка насмешливо. Я сообразил, что забыл представиться. Я покраснел. Назвал себя.

— А, вы — иностранец?

Я не ответил; я любовался своей собеседницей. Сколько ей лет? Потом, припоминая, я упрекал себя, как в преступлении, что в ту минуту дал ей тридцать пять. Она была тонка, высокого роста, с очень высокой талией. С обеих сторон черной фетровой шляпы светлые, соломенного цвета, волосы лежали у висков золотыми пучками. Голубые, глубокие глаза сверкали из-под лиловатых век. Маленькие, гордые губы были сильно накрашены и казались почти лиловыми. Белый пикейный галстук был заколот булавкой с опалом.

— Вы — иностранец? — повторила она, дав мне время оглядеть ее.

— Француз, мадам.

И я вкратце объяснил ей, на случай, если бы она этого не знала, что я гошу у графа д'Антрима.

— А!.. — протянула она. — Вы в Кендалле.

Как раз в это время кобыла слегка рванулась в сторону.

— Мисс Пэгг! Смирно! Будьте так любезны, подержите это глупое животное, пока я сяду. Иначе никак не заставить ее успокоиться.

Она легко вскочила на лошадь. Мисс Пэгг, получив удар хлыстом, покорно зашагала рядом со мной.

Молодая женщина поглядывала на меня, и улыбка играла у нее на губах.

— Раз вы из Кендалля, господин Жерар, наверное мы скоро будем иметь случай встретиться. Я буду очень рада. Я поклонился.

— Значит, до скорого свидания. Еще раз — тысяча благодарностей.

Она пустила мисс Пэгг рысью. На повороте тропинки, прежде чем исчезнуть у меня из глаз, она обернулась и движением хлыста простилась со мной.

Я решил, что пора возвращаться в замок. Было уже больше десяти часов; нужно еще переодеться, прежде чем отправиться к графу д'Антриму.

Мой сундук ждал меня в комнате. Уильям развязывал веревки. Пока он возился с ними, я как бы между прочим спросил его:

— Графиня Кендалль ездит верхом?

— Конечно, ваша честь, каждый день.

— Значит, это, должно быть, я ее встретил сегодня утром.

И для точности добавил:

— На вороной кобыле.

Уильям покачал головой.

— Нет, ваша честь, нет. У ее сиятельства белая лошадь.

— Ах, вот как. Кто же та дама, которую я встретил? Блондинка.

— Блондинка? Блондинка, высокого роста, на вороной лошади? Не может быть сомнения, что вы, ваша честь, встретили лэди Арбэкль.

— Лэди Арбэкль? — повторил я в недоумении.

— Да, ваша честь.

— Но, скажите мне, вчера вечером, когда мы ехали в замок, мы встретились с лордом Арбэклем, и я говорил о нем с вашим товарищем Джозефом; он мне сказал, что лорд Арбэкль холост.

— Джозеф сказал правду, лорд Арбэкль не женат. Вы видели сегодня утром не его жену.

— Но кого же?

— Его мать.

Я искоса взглянул на Уильяма.

— Сколько же лорду Арбэклю лет? — сухо спросил я.

— Двадцать шесть. Нужно сказать, что он родился у лэди Арбэкль, когда она была еще очень молодая: она вышла замуж семнадцати лет. Сейчас она куда ближе к сорока пяти, чем я когда-нибудь буду к годовому доходу в тысячу фунтов. Но вы, ваша честь, сами видели: ей никак нельзя дать столько. Есть здесь одна фермерша, старая Кэтти, она носит нам сыр и масло. Вся сгорбилась, сморщенная, как печеное яблоко. Ну так вот, Кэтти всего сорок восемь. На три года старше лэди Арбэкль. Нужно самому видеть это, ваша честь, чтоб поверить.

Он почтительно повторил:

— И все-таки, это правда.

Я задумался. Впечатление, что когда-то я видел лэди Арбэкль, — такое впечатление у меня было в ее присутствии, — я теперь начинал это понимать. Вспомнились черты лица юноши, которого я вчера встретил, его розовые губы: она была похожа на своего сына!

— Все равно, красивая, — прошептал я.

Наступил час предстать перед графом д'Антримом и, может быть, увидеть Антиопу. С бесконечным удивлением чувствовал я, что уже не было того волнения, которое, как я ждал, охватит меня в эту минуту.

* * *

Но оно сразу поднялось во мне и все разrostалось, когда я, предшествоваемый г. Ральфом, вышел в маленькую гостиную; там находились уже трое.

Там были д-р Грютли, полковник Гарвей и маленький человечек, желтолицый, черноволосый, с моноклем, в очень изящной серой паре. Это — барон Идзуми, делегат Японии. Полковник Гарвей нас представил.

— О, это для меня такая честь — познакомиться с вами, — сказал человечек на чистейшем французском языке, пожимая мне руку. — Я так ценю ваши труды.

Я скромно улыбнулся.

— Да, — пробормотал я про себя, — что же, с вашего разрешения, будем об них говорить как можно реже.

Но он продолжал.

— Вместе с Ийном Мак-Нэйлем — вы крупнейший в мире кельтовед.

Любезным жестом я остановил поток похвал, который — сразу было заметно — не очень-то нравился дру Грютли. Он позеленел и угрюмо молчал.

— Нас всего четверо? — сказал я, чтобы переменить разговор.

— Сенатор Баркгильпедро еще не прибыл, — сказал полковник. — Ему захотелось поехать через Париж, и он там задержался. Знаете, когда испанец, попадает в Париж, — тут опоздание неизбежно. А что касается до профессора Генриксена...

Полковник Гарвей засмеялся.

— Что же?

— Право, чудак. Говорит, что не желает, чтобы мешали его работе, и упорно отказывается покинуть свою комнату. Раз так, зачем ему было вообще ехать в Ирландию! Он мог бы с таким же успехом работать у себя в Стокгольме. Я не хотел брать на себя — извиниться за него перед графом д'Антримом и — предоставил это г. Ральфу.

Как раз в этот момент из-за темной бархатной портьеры появился управляющий.

— Господа, — сказал он, так для него характерным мерным, скупым на оттенки голосом, — если вам угодно — пожалуйста.

Мы, один за другим, вошли в парадную залу замка.

Сначала я различил в этой большой и очень мрачной зале лишь пылающие в громадном камине дрова, на другом конце комнаты.

Г. Ральф проводил нас к этому камину; полукругом перед ним — несколько кресел.

В одном из кресел, повыше других, представлявшем как бы кафедру, восседал граф д'Антрим. Я уверен, всюду, при всякой обстановке, узнал бы я его, так мало изменившимся показался он мне. Одетый в черное, он держался очень прямо; бюст его как бы выступал из какого-то ящика, ящика, образовываемого лежащим на ручках кресла серым мехом; мех спадал на колени и ноги графа и закрывал их. Волосы были совершенно белые. Лысый лоснящийся лоб отражал прыгающее пламя камина. Только ближе и внимательнее разглядев графа, заметил я произведенные годами разрушения: ввалившиеся щеки, сдвинутые ноздри, а особенно — трагическая несимметричность лица; правая сторона оставалась все время неподвижной, словно застыла. Она была парализована.

Движением левой руки — правая лежала, мертвая, под мехом — граф пригласил нас сесть.

Медленно, тяжелым голосом, в котором все время чувствовались мучительные усилия, он заговорил. Сказал всего несколько слов.

— Господа, полковник Гарвей принес вам мои извинения, что я могу быть вот лишь таким жалким хозяином. Часто страдал я от того состояния, в которое приведен болезнью, но никогда не страдал от этого столь сильно, как сейчас, так как не могу выразить вам, как хотел бы, то волнение, с которым приветствую всех в Кендалле.

Мы поклонились. Заговорил барон Идзуми, очень просто, звонким голосом, пожалуй — несколько книжно.

— Это мы, милорд, счастливы и горды, что являемся вашими гостями. Вы — уважаемый символ страны, которую мы любим.

Он согнул свою маленькую фигуру, но голос его не повысился ни на один тон.

— Япония, как и Франция — верная союзница Великобритании. С другой стороны, — и он взглянул на полковника Гарвея, — у нас также имеется своя теория Монроэ, и она рекомендует не вмешиваться в дела Европы: у нас достаточно обширное поле действия и там, в Азии. Вопреки этому, мы полагаем, что независимость Ирландии — один из тех вопросов, которые интересуют все народы. И если я присутствую здесь, то в надежде быть свидетелем событий, которыми будет изглажена ненормальность, примирено противоречие, стесняющее нации, которые заключили союз во имя свободы народов.

Полковник Гарвей улыбнулся.

— Я лично ничего не скажу, — произнес он. — Я родом из Балтимора, великого американского города, который в свой черед, ведет свое начало от Балтимора, самой убогой ирландской деревушки. Графу д'Антриму известно, чему принадлежат мои симпатии.

Д-р Грютли оказался еще лаконичнее:

— Ирландия, — сказал он, — та страна, где самые живописные озера, не считая, конечно, швейцарских.

Граф д'Антрим оставался неподвижен. Веки были полуопущены. Какая-то полуулыбка кривила не-парализованные части губ.

Мои коллеги поглядели на меня. Я заговорил. Голос слегка дрожал.

— В дни еще более зловещие, чем теперь переживаемые нами, в 1870 г., великий английский писатель, которого наши писатели неизменно высоко ставили, Карлейль, гуляя с ирландским историком Лэки. Он объяснял ему, почему мир должен радоваться поражению Франции. Он сказал, что этот разгром — полезнейшее, что произошло во вселенной за все время ее существования, и что это напоминает ему, как архангел Михаил своим сверкающим мечом поверг во прах чудовище, Сатану, который наступал, изрыгая

кошунства и адский пламень. И вот, комментируя этот взгляд, про который самое меньшее, что можно сказать, — что он легковесен, — Лэки написал: «Я несколько скептически отношусь к сходству между архангелом Михаилом и графом Бисмарком... Мы в Ирландии страстно преданы Франции, — частью потому, что думаем так же, как французы, частью благодаря Ирландской бригаде, которая в восемнадцатом веке сражалась за Францию, частью, наконец, потому, что англичане стоят на противоположной точке зрения». Хочу верить, милорд и милостивые государи, что после 1870 г. у англичан было достаточно времени изменить свой взгляд на это. Но французы были бы несправедливы, если бы не делали различия между англичанином Карлейлем и ирландцем Лэки.

Мне показалось, что губы старика шевелились, словно он хотел что-то сказать, быть может — слова благодарности... Но он молчал.

— Милорд, — произнес почтительно полковник Гарвей, вставая, и все мы сделали то же, — милорд, не хотим долее злоупотреблять вашим временем.

Граф сделал движение.

— Надеюсь, милостивые государи, вы окажете мне честь и примете мое приглашение отобедать сегодня вечером за моим столом.

Мы поклонились.

— Благодарю вас. Все мы очень желали бы, чтобы профессор Генриксен нашел время побыть среди нас. Не будете ли вы, полковник, так любезны передать ему мое приглашение. Или, может быть, вы предпочитаете, чтобы я непосредственно обратился к нему с письмом?

Полковник Гарвей улыбнулся.

— Пожалуй, так лучше.

— Хорошо. Итак, господа, до свидания, до вечера. Подумав, он остановил нас жестом.

— Нет нужды прибавлять, что если бы кто-нибудь из вас пожелал побеседовать со мной отдельно, я — всецело к его услугам.

Этого я и ждал.

Проходя последним около него, чтобы пожать ему руку, я остановился.

— Я хотел бы просить вас, милорд, подарить мне две минуты.

— О, конечно, — сказал он. — Ральф, проводите господ. А вы, господин Жерар, оставайтесь. Садитесь.

Мои коллеги вышли. Я видел, как д-р Грютли обернулся и с удивлением поглядел на меня.

Своею здоровою рукою граф д'Антрим взял мою руку. В его выцветших глазах сверкнули огоньки.

— Ваши слова, — прошептал он, — глубоко меня тронули, благодарю.

— Милорд, — пробормотал я.

— Вам нужно поговорить со мной? — ласково спросил он.

Я не ответил. Я взглянул на г. Ральфа. Проводив посетителей, он вернулся к своему господину и стоял около его кресла, бесстрастный, холодный.

Граф д'Антрим заметил мой взгляд.

— Ральф никогда не отходит от меня, — сказал он, — это — мое второе я. Впрочем, если вам угодно...

Я сделал протестующий жест. Я отнюдь не желал с первого же шага вооружить против себя этого молчаливого человека.

— Милорд, — сказал я, повышая голос, — я позволил себе остаться для того, чтобы воскресить в вас одно воспоминание.

Он удивленно поглядел на меня.

— Воспоминание?

— Да, воспоминание, милорд. Когда-то мы уже встречались. Это было в 1894 г., в Э-ле-Бэн, в сентябре, в парке Виллы Цветов.

Он на мгновение задумался.

— Да, в самом деле, я там тогда жил. Но вы в то время были, вероятно, еще очень юны, господин Жерар.

— Да, конечно, милорд. Мне было приблизительно столько же, сколько графине Антиопе, с которой я играл целый месяц. И я позволяю себе спросить вас, как ее здоровье.

Я говорил очень быстро, опустив глаза. Когда поднял их, увидел, что старик пристально в меня вглядывается, и в глазах его — выражение, которое я принял за изумление. Лицо бесстрастного Ральфа оставалось совершенно неподвижным.

— Вы знали Антиопу? — медленно проговорил граф д'Антрим.

Повидимому, в голове его совершалась какая-то трудная работа. Было видно, что он старается припомнить меня. Впрочем, так естественно, что он забыл меня.

— Вы знали Антиопу! — повторил он.

— Да, милорд. И именно графиня Кендалль, двадцать лет назад, представила меня вам.

Он поглядел на меня и покачал головой.

— Вы сделали за эти двадцать лет большую карьеру, — сказал он.

Я покраснел до ушей. Он не заметил этого. Весь он ушел в собиранье далеких воспоминаний.

— Да, — проговорил он, наконец, с усилием, — припоминаю. Кажется припоминаю. Маленький Жерар, ребенок, с старой дамой в черном, которую так пугали шалости Антиопы. Припоминаю. Боже мой! Боже мой!

Я почтительно глядел на него.

— С прискорбием узнал я, прибыв сюда, — сказал я, — о том великом несчастье, которое постигло графиню Кендалль.

— О, да, несчастье, громадное несчастье!

— Будет ли мне разрешено, — робко спросил я, — засвидетельствовать ей свое почтение?

— Конечно, конечно.

Он с трудом перевел дух.

— Сегодня вечером она обедает с нами. Ведь, хозяйка дома — она, вы знаете, и то гостеприимство, какое оказывается вам, им пользуюсь и я. Но, может быть, вам было бы приятно до того...

Видимо, так неожиданно вызванные воспоминания о прошлом взволновали его.

Подошел г. Ральф и дотронулся до его плеча.

— Позволю себе заметить вашему сиятельству, вам нельзя так долго утомляться.

— Я кончил, Ральф. Кончил. Но то, что только что сказал мне г. Жерар, до того неожиданно, до того необычайно. Так я возвращаюсь к своему вопросу: вы наверное хотели бы еще до обеда повидать друга вашего детства?

— О, я был бы чрезвычайно счастлив, милорд.

— Вполне естественно, конечно. Антиопа каждый день, после завтрака, ездит верхом. Возвращается около четырех часов. В пять, если хотите, за вами придут и проводят вас к ней.

За завтраком я лишь очень рассеянно слушал беседу (впрочем, полную интереса) между полковником Гарвеем и бароном Идзуми, касавшуюся японцев в Калифорнии. Когда я вернулся к себе в комнату, Уильям снимал со столика несколько положенных мною на него книг.

Он смутился и приостановил свою работу.

— В чем дело? — спросил я.

— Да вот профессор Генриксен, ваша честь...

— Чего же профессору Генриксену от меня нужно?

— Профессор Генриксен приказал мне разыскать ему в замке маленький, легкий, круглый столик. Он говорит, что ему это очень нужно, и что если ему такого столика не достанут, то он отправит свои чемоданы назад в Швецию. Кроме этого вот — ничего не могу найти. Если вы, ваша честь, ничего не будете иметь против...

— «Что за сумасшедший», — подумал я.

Уильям стоял посреди комнаты, со столиком в руке.

— Несите ему, несите, — сказал я. — Да спросите, может быть ему и туалетный столик тоже нужен.

— Нет, не нужен, ваша честь, — ответил Уильям с большим облегчением, — ему нужны только круглые столы.

Остальную часть дня я несколько раз принимался читать «Тристрама Шэнди». В пять ко мне в дверь постучали. Показался г. Ральф.

— Графиня ждет профессора, — сказал он.

Глава V

КЕНДАЛЛЬ

(Продолжение)

В тот день — в конце сентября 1894 г., когда я расстался с Антиопой — солнце клонилось к западу. Это было на берегу озера, близ пристани пароходов, на которых туристы отправляются в Хоткомб. Позднее, читая «Рафаэля», я упорно старался отыскать там это место, но никак не мог найти: в душе у поэтов так много неточного!

Большие деревья, с слегка пожелтевшими листьями, стояли так близко у воды, что концы ветвей купались в ней, образуя над маленьким заливчиком красивый голубоватый свод, и последние солнечные лучи пронизывали его и играли золотыми пятнами.

Об этом солнце Савойи думал я, когда шел за г. Ральфом по коридору, который вел меня к образу моего детства, отделенному от меня двадцатью годами. Какая-то мистическая радость поднималась во мне. Сейчас увижу я Антиопу, увижу в тот самый час, в который с нею расстался. Проходя мимо высоких окон в коридоре, я каждый раз глядел на солнце, которое было когда-то свидетелем нашего прощания и которое теперь будет свидетелем нашей новой встречи.

Оно то выглядывало из-за шумных облаков, то скрывалось опять за ними, а под ними ночь стлала уже свои лиловатые тени. Доносился рокот океана. Минута была полна строгой и сосредоточенной торжественности.

Подойдя к двустворчатой двери, прикрытой темной бархатной материей, Ральф постучался.

Нам отперла дверь горничная. Она и Ральф обменялись какими-то знаками, затем горничная пропустила меня.

Пройдя очень скромную гостиную, я очутился в комнате графини Кендалль. Тотчас же увидел я Антиопу, лишь ее и видел. Она стояла на коленях и прикрепляла белые ярлыки к темнокоричневым холщевым мешочкам.

Я остановился на пороге. Она встала, подошла ко мне, протянула мне руку.

— Счастлива вас видеть, — просто сказала она. — Простите, я готовила эти пакеты, мешочки со сладостями, которые мы посылаем юношам из нашего графства, находящимся там, во французских окопах.

Я жестом показал, что мне было бы очень неприятно мешать ей в такой работе.

— Нет, нет, — сказала она. — Я уже кончила. Осталось только пришить ярлычки. Об этом позаботится Дженни.

Она позвала горничную.

— Унесите, Дженни, пакеты. И не отправляйте их, пока я не просмотрю списка тех, кому их посылают.

Она помогла горничной собрать мешочки. Занятая этим, она не обращала на меня внимания, — я мог разглядеть ее.

Одна из самых совершенных страниц «Сада Вероники» посвящена описанию того волнения, какое испытываешь, когда ту, которую знал девочкой, теперь видишь уже женщиной и стараешься уловить ее прежнюю улыбку, прежние ее движения, узнать в выдержанном изяществе тридцати

лет резкие и немного дикие манеры двенадцати-тринадцати лет. Зрелище такого преображения было теперь перед моими глазами. Не было в нем для меня ничего неожиданного, и все-таки было оно запечатлено таким глубоким ощущением неустойчивости и эфемерности, что глаза у меня наполнились слезами, и руки задрожали. Я взглянул на руки Антиопы и с невыразимым счастьем увидел, что и они вздрагивали на этих коричневых холщевых пакетиках. Я понял: я боялся лишь одного, — что увижу Антиопу совершенно равнодушной. Антиопа скорбная, измученная жизнью больше отвечала смутным ожиданиям моего страстного эгоизма.

В комнату начинал проникать мрак, и все сильнее становился шум океана.

Горничная вышла, нагруженная пакетами, и я остался один с графиней Кендалль.

Она села в кресло против окна, мне был виден ее профиль. Умирующий свет дня играл на ее волосах — они были все те же, черные с золотым отливом. Волосы были заложены на затылке тяжелой, низкой прической.

Я так готовился к этой беседе, столько об ней думал, — и вместо того теперь молчал. Антиопа заговорила первая.

Голос ее показался мне нежнее, чем был когда-то. Значит, исчез куда-то маленький бесенок Э-ле-Бэна? ..

— Я очень рада вас видеть.

— Не забыли меня? — спросил я.

Она опустила руки на ручки кресла.

— Если бы мы были не в Кендалле, а в Дэнморе, — тихо ответила она, — я показала бы вам одну вещь, которой очень дорожу, она осталась там, в ящике моего письменного стола. Вы знаете, эти переезды... Часто забываешь самые дорогие тебе вещи.

— Вещь, которая вам дорога?

— Да, лист бумаги, на нем написано: Ф. Жерар — один франк.

— О, вы помните это!

— Этот франк вошел в состав маленького пособия нашим эмигрантам: одной бедной семье католических фермеров из Ульстера, вышвырнутых владельцем земли. Фермеры эти уехали в Америку. Мы передали им сто фунтов. А позднее они переслали более тысячи фунтов на дело освобождения Ирландии.

Она опустила голову.

— В тринадцать лет вы уже помогли нам. Скоро вы сделаете для нас еще больше, много-много больше.

— Помните вы парк, и озеро, и Виллу Цветов, — сказал я, — и нашу прогулку к истокам Сиерроца?

Она сделала какой-то неопределенный жест.

— А та дама в черном, с которой вы были, — жива она еще?

— Моя бабушка? Нет, умерла.

— А...

Жюльен Сорель дает клятву в определенный промежуток времени овладеть печально опущенной рукой госпожи де Реналь. Я поклялся себе с первой же нашей встречи называть графиню Кендалль просто по имени. Всячески старался заставить себя, — и не мог.

— Припоминаю эту монетку в двадцать су, — сказал я, наконец. — А вы, помните вы, что вы дали мне в тот вечер, когда мы расставались?

Она ничего не ответила. Очевидно, не сохранилось у нее в памяти такое воспоминание.

— Помните? — безжалостно настаивал я.

Она прошептала, и шепот этот прозвучал почти как стон:

— Это было так давно... И столько, столько, произошло после того.

— Гравюру, — сказал я, — вы дали мне гравюрку, остающуюся от вашего первого причастия. И на обороте этого рисунка была фраза, которая долго смущала мой детский сон.

— Ах, да, — сказала она, — пророчество Донегаля.

— Тогда я не знал, не мог знать, — ответил я с искренним порывом. С тех пор узнал, понял. Какая чудесная судьба вам предназначена! Как я был горд, как я горд, что знал вас, что подругой моего детства была маленькая Антиопа!

Слово было произнесено. Но я напрасно обманывал себя самого. Если бы и могла быть у меня на минуту надежда, что графиня Кендалль воспользуется моей робкой фразой и скажет мне: «Антиопа! Да, правда. Мы называли друг друга просто по имени. Вернемся к этому милому обращению», — то очень скоро мне пришлось бы от нее отказаться.

— Это я горжусь тем, что моим другом был, когда я была еще совсем маленькой, тот, который затем стал таким, как вы, тот, которому Ирландия уже стольким обязана и от которого должна она ждать еще большего, — сказала она очень сдержанно.

Что мог я поделать против этих слов благодарности, пресекавших даже самое робкое излияние чувств? Я был похож на того мальчика на озере у Бурже, который стучевался перед профессором Collège de France. Начиналось ли наказание за безумие, с которым я воспользовался чужим именем? Не лучше ли завтра же исчезнуть, вернуться к своему убогому прошлому, вернуться в Париж, даже бросив в Кендалле свой ничтожный скарб?..

В комнате сделалось совсем темно. Вдруг, бывает иногда в конце дня это чудо, что умирающее солнце делает последнее напряжение, распадаются сгрудившиеся облака, изливается последний свет, — и вот сейчас комната наполни-

лась слабым пурпурным светом. Антиопа, удивленная, почувствовав, что на нее смотрят, выпрямилась в кресле и постаралась принять непринужденный вид. Но я уже заметил, как болезненно передернулись у нее губы. Сколько пришлось выстрадать этой женщине! Мне вспомнился ее отец: несколько часов назад видел я ту же скорбную складку на измученном лице графа д'Антрима. Меня охватила громадная жалость, смешанная с уважением, при виде этих двух существ, над которыми тяготели, в которых находили свое последнее обобщение страдания и надежды двадцати угнетенных поколений. Понял я, какие муки терзали их обоих, по мере того, как величественным шагом приближался назначенный пророчеством Донегаля срок: «Когда дочери д'Антрима исполнится седьмое пятилетие в пасхальный понедельник, этот день будет свидетелем поражения поработителя, спасения Эрина, твоего спасения, возлюбленная Ирландия».

Это пророчество Донегаля!... На протяжении веков легенда и работы ученых приписывали его астрологу Мерлину. Не этот ли Мерлин предсказал, приблизительно в то же время, когда первые саксы осквернили Ирландию, что полетит орел из Бретани и перенесется через Пиринеи в сопровождении бесконечного множества скворцов... И в 1368 г. Бертран Дюгесклен пришел и отправился в Испанию, к графу Генриху Трастамаре, орды Больших Компаний... 1368 — 1916? Что значать пять столетий в области сверхъестественного? Сведенборгианец Генриксен в эту минуту показался мне далеко не таким смешным.

Стало совсем темно. Антиопа и я молчали. Обоих нас стесняло это молчание, но в нас не было сил положить ему конец. Медленно ползли минуты, медленнее, чем когда-нибудь... Маятник, покачивавшийся в темноте, казалось мне, все замедляет свои размахи. Был нужен какой-нибудь внешний факт, чтобы вырвать нас, меня и Антиопу, из этого

оцепенения, которое лучше выражало наши взаимные чувства, чем самые откровенные признания. Так и случилось. Постучали в дверь.

Это была горничная. Антиопа отдала приказание. Вспыхнуло электричество, резкое, голубое.

Дженни несла на подносе письмо, графиня взяла его.

— Просят ответа, — прошептала горничная.

Антиопа разорвала конверт, стала читать.

Я не отрывал от нее глаз. Сначала она читала рассеянно, затем на лице у нее выразилось легкое изумление. Под конец в глазах ее засветилась ирония.

— Письмо принес Ральф? — спросила она.

Горничная утвердительно кивнула головой.

— Он там, в маленькой гостиной. Прикажете впустить его?

— Подождите, я вам скажу.

Она обернулась ко мне.

— Вы не тратите зря времени, господин Жерар. Вы не сказали мне, что едва приехав сюда, вы уже сумели найти случай, чтобы проявить свое рыцарство по отношению к самой красивой женщине графства.

— Это письмо от лэди Арбэкль? — сказал я, очень смущенный.

— Именно, от нее, — ответила Антиопа с какой-то, неприятно меня задевшей сухостью в голосе.

— Я обещала завтра пить чай у лэди Арбэкль в ее замке Клэйр. Она напоминает мне о своем приглашении и спрашивает, не согласитесь ли вы сопровождать меня. «Г. Жерар, — пишет она, — любезно оказал мне большую услугу, остановил мою лошадь, которая поступила со мной самым неделикатным образом».

— Я сделал лишь то, что сделал бы всякий, — сказал я. — Я не знал, что эта дама — лэди Арбэкль. Она даже не назвала себя.

— Но вы потом узнали ее имя, — сказала Антиопа, — потому что, если память меня не обманывает, вы первый его здесь произнесли.

Я кусал губы. Графиня Кендалль улыбнулась:

— Могу я ответить, что вы принимаете ее приглашение?

— Я ничего не сделаю, — ответил я тоже сухим тоном, — чтобы навязать вам свое общество.

— Вы принимаете приглашение, — сказала она ласково.

Она сделала знак, Дженни вернулась с неизбежным г. Ральфом.

— Ральф, — коротко сказала графиня, — передайте лэди Арбэкль, что я непременно воспользуюсь завтра ее приглашением, и что профессор Жерар с удовольствием будет меня сопровождать.

Управляющий поклонился и вышел. Пробило семь, я вспомнил, что обед назначен на восемь.

— Разрешите мне откланяться, — сказал я.

Она протянула мне руку, я ее поцеловал.

Песчаная дорожка ответвлялась налево от дороги на Трале и направлялась к океану. Она вилась по болотистым лугам с маленькими, темно-зелеными прудами, над которыми тяжело, медленно реяли стаи диких птиц.

— До замка Клэйр осталось не больше мили. Если итти скорее — мы, может быть, успеем прийти до ливня.

В самом деле, дождь собирался. В начале дня погода была совсем ясная, и мы решили отправиться к лэди Арбэкль пешком, но теперь вдруг стало пасмурно.

— Если бы мы поехали верхом, как я вам предлагала вчера вечером, — сказала Антиопа, — мы были бы уже там. Но я отнюдь не хотела принуждать вас.

Она прибавила:

— Вы, вероятно, не любите верховой езды?

— С моей стороны, может быть, было бы неразумно отваживаться на это, — ответил я, — мне запрещены резкие движения, из-за моей раны.

— А, вы были ранены, на войне? — спросила Антиопа.

— Да.

— В таком случае, простите меня.

— Право, не вижу, за что... — начал было я.

— Нет, нет. Простите. Я должна бы знать.

Наступила одна из тех и страшных, и сладостных минут молчания, которые я мог истолковывать в свою пользу. Повидимому, таким минутам между нами предстояло обратиться не в исключение, но в правило. Уже накануне, в течение вечера, очень затянувшегося, после того как граф д'Антрим удалился, мы с нею сидели друг подле друга у камина, ничего не говоря, смотрели, как осыпались искрами поленья; а члены контрольной комиссии, слегка возбужденные выпитым шампанским, по временам, издавая удивленные восклицания, слушали необычайную историю, которую рассказывал профессор Генриксен. Этот толстогубый и вихрастый гном, в тусклых башмаках и белых чулках, рассказывал, что в его распоряжении был, уже в августе 1914 г., общий план сражения при Марне — благодаря постоянным его сношениям с духом генерала Торстенсона.

— Он сказал мне положительно все. И ошибку фон-Клюка, и угрозу обхода слева, вплоть до цифр потери людьми и орудиями. Чудо ясности и точности. И только чрезвычайных трудов мне стоило понять историю с автомобилями Галлиени. Вполне ясно, почему: духи располагают лишь словарем, современным их жизни на земле. Отсюда трудность для великого Торстенсона при помощи шведских слов семнадцатого века составить фразу, которая позволила бы мне понять, что дело идет о перевозке войск на автобусах со счетчиками.

По краю неба облака ползли на запад, к морю, скрытому от нас коричневыми холмами, поросшими вереском. Угало несколько капель — и пошли маленькие круги по воде прудов. Но ливень не разразился.

— Мы почти дошли, — сказала Антиопа. — Вот и замок.

Когда едешь из Дуарнена через Плоаре и уже под'езжаешь к тихому берегу Риц, вдруг открываются розовые скалы с морскими соснами, и сквозь них видно море, синее, как море Эстереля. Нежданный облик Средиземного моря среди просторов океана.

Вот так же и берег, над которым высится замок Клэйр, с его парками и садами. Впрочем, нет, не замок! Веселая большая постройка, вилла баскского типа, коричневые кровли, тусклые и яркие цвета. Нельзя представить себе более полного контраста с замком Кендалль, надо признаться — очень суровым.

Наша дорожка вела прямо к решетке парка. Осталось не больше пятисот метров.

Антиопа замедлила шаг и улыбнулась.

— Мы почти совсем не разговаривали за всю эту прогулку, и уж совсем не говорили о тех наших друзьях, к которым идем. А вы, может быть, хотели бы получить о них хотя бы самые маленькие сведения, которые позволили бы вам спокойно переступить незнакомый порог... Впрочем, вам, может быть, уже сообщили эти подробности?

В тоне ее была несомненная насмешка, но так же несомненно было и ее добродушие, и я на этот раз и сам засмеялся.

— Благодаря предупредительности г. Ральфа у меня есть лакей, у которого — все качества подлинного осветителя...

Антиопа подняла глаза к небу, и был в них такой комичный испуг.

— Конечно, Уильям? Славный мальчик, но, как у вас говорят, пороха не выдумает.

— Этого от него и не требуется. За то он очень охотно снабжал меня всеми теми сведениями, какие ему позволяла давать его скромность.

— Скромность! — Антиопа опять улыбнулась.

— А моя, — продолжал я, — позволяла спрашивать и слушать. Это он сообщил мне имя лэди Арбэкль, когда я даже еще не знал об ее существовании. Она не назвала себя, и я думал, что встретил вас.

Она расхохоталась.

— О, я не такая красивая, как лэди Арбэкль.

Я взглянул на нее. Она прочитала в моих глазах упрек за то, что она таким, несколько упрощенным, способом хочет вызвать меня на комплимент. Она покраснела, и мне было так приятно увидеть это.

Она быстро оправилась от смущения.

— Интересно, сказал ли вам этот милый Уильям и про возраст лэди Арбэкль? Впрочем, она и не скрывает его.

— Конечно, сказал: сорок пять.

— Д-да... Приблизительно.

Она остановилась у изгороди и притянула к себе колючую ветку шелковицы, чтобы сорвать белый цветок.

Не поворачиваясь, тоном очень спокойным, она спросила:

— Больше Уильям вам ничего не говорил?

— Сообщил мне еще кое-какие подробности о слухах относительно состояния лорда Арбэкля.

— И ничего еще?

— Уильям, кажется мне, честнейший малый, — сказал я, отчеканивая слова, — и чрезвычайно предан своим господам. Я счел бы недостойным себя вызывать его на какие-нибудь нескромности по отношению к ним.

— В чем же дело?

— Если я знаю и еще о некоторых слухах, которые касаются вас, то их мне передавал не Уильям.

— О слухах, которые касаются меня? — сказала она гордо. — На что вы намекаете?

— На проект брака между вами и лордом Арбэклем, — сказал я вежливо.

Она громко расхохоталась, но не обернулась ко мне и продолжала вертеть в руках ветку шелковицы.

— Как это потешно, — сказала она наконец. — Беденький Реджинальд! Да знаете ли вы, что между им и мною такая же разница в годах, как между мною и лэди Флорой? Ваш Уильям должен бы вам это сказать.

— Мадам, — в первый раз за весь день, обратился я к ней так церемонно, — мадам, разрешите повторить вам со всею почтительностью, что Уильям совершенно не причем во всей этой истории.

И я рассказал ей о сцене, которая разыгралась, в вечер моего приезда, в трактире. Она слушала очень внимательно.

— Болтать не запретишь, — только и сказала она, когда я кончил свой рассказ. — Но если бы вы знали, до чего смешно то, что вы мне рассказали. Бедный Реджинальд! Нет, вы не понимаете, не можете понять... Если бы вы его видели...

Она положила мне руку на локоть.

— Да вот и он, идет нам на встречу.

Нам навстречу, действительно, шел юноша в плотно облегающем костюме цвета персикового дерева. Он был без шляпы, так что были видны его великолепные вьющиеся русые волосы. У него была немного раскисающаяся походка, как у людей, которые ходят на кончиках ног. Я узнал то красивое лицо, которое два дня назад видел

в автомобиле. Тем легче я его узнал, что затем видел очаровательное лицо лэди Флоры.

Подойдя к нам, он по детски вскрикнул, так радостно, точно годы не видал графиню Кендалль.

— Антиопа! Дорогая Антиопа! Как это мило! Как мама будет рада!

Он сказал «мама», и это слово имело какую-то особенную прелесть в его устах, своим розовым цветом удивительно напоминавших губы лэди Флоры. Он прижимал руку Антиопы к сердцу и вдруг оборвал свои излияния застенчиво-стыдливим движением, которое, казалось, было в совершенстве изучено.

— Господи! Извините, господин профессор! Антиопа, пожалуйста, окажите мне высокую честь, представьте меня г. профессору Жерару.

Как только церемония представления была выполнена, — новый поток восторгов.

— Как я горд, господин профессор (уверен, вы скоро разрешите мне называть вас не так торжественно), как я горд, что познакомился с вами. Я так восхищаюсь вашими работами. Здесь — только дача. Но в Англии, в библиотеке нашего дома в Челси, у меня есть все ваши произведения, все...

И он залпом назвал мне целый список, показавшийся мне почти исчерпывающе полным.

«Хорошо, — подумал я. — Это, во всяком случае, доказывает, что у него нет моей фотографии, а также и то, что в замке Клэйр есть хорошие библиографические словари».

Но все-таки я не мог не признать, что юноша был бесконечно привлекателен. Он не переставал говорить.

— Если бы вы знали, как я горд...

— Довольно, Реджинальд, остановитесь, — сказала с улыб-

кой Антиопа. — Вы совсем смутите г. Жерара, он — скромнейший из ученых.

Она взяла моего почитателя под руку.

— Лэди Флора здорова?

— Вполне, вполне, дорогая Антиопа, и она так вас ждет.

— Ну, теперь уж мы долго ее не заставим ждать.

Она шла, совершенно свободно и просто опираясь на руку юноши. Глаза наши встретились. Я уловил в ее глазах быстрый, насмешливый взгляд, который словно говорил: «Теперь вы понимаете».

Я ничего не понимал. Лорд Реджинальд казался мне прекрасным, как бог, и я начинал приходить в довольно дурное настроение.

«Слухи относительно состояния лорда Арбэкла», — когда я говорил это, я сознательно преувеличивал, в надежде, что такое преувеличение побудит графиню Кендалль возразить, и это, во всяком случае, было бы ценным обогащением моих сведений. Но Антиопа ничего не возразила на эту фразу. Может быть, не слышала ее.

Таким образом я оставался при тех, очень смутных, сведениях, какие мог получить от Уильяма, и тех, немного более точных, какие узнал я от кучера Джозефа во время разговора в трактире. Так, я знал, что лорд Арбэкл-отец не всегда был лордом Арбэклем, ни даже сэром Томасом Арбэклем, и что прежде чем он приобрел замок Клэйр в Ирландии, замок Больсовер в Шотландии и дом в Челси, — он был горнорабочим в Галле, надсмотрщиком в Трансваале, торговал зерном в Индии, испробовал за свою жизнь многочисленные способы разбогатеть, какие британские колонии дают патентованному подданному Империи.

Лет десять назад этот человек, упорно боровшийся с жизнью, был убит. Его труп, еще теплый, нашли на луговине, не больше мили от замка Клэйр. Изгнанный фер-

мер, грозивший при свидетелях его сиятельству, был арестован. Но он доказал свое alibi, и пришлось его отпустить.

А лэди Арбэклъ? Сказать правду, о ней я не знал еще ничего, кроме лишь того, что она, напротив, знатного происхождения, — она была третьей дочерью лорда Sommerville. Надо полагать, — позднее я узнал, что догадки мои были правильны, — состояние Sommerville уже не равнялось древности их дома, иначе как могла бы наследница такого блестящего имени согласиться отдать свою руку бывшему горнорабочему? Таковы были результаты моих двухдневных обследований, далеко не научного характера, которыми я не переставал заниматься, отрываясь от воспоминаний об Антиопе лишь для того, чтобы обращаться к воспоминаниям о лэди Флоре, и часто сливал оба эти образа. Раз я незаконно присвоил себе место профессора Жерара, не следовало ли мне, по крайней мере, из уважения к нему, заниматься тем, чем он и сам бы занялся? Но угрызения мои были мимолетны, и образ лэди Флоры на лужайке или Антиопы в ее вдовьей комнате тотчас же прогонял эти угрызения.

Мы подошли к крыльцу виллы.

— Завидую вам, господин Жерар, — сказала Антиопа, — вы сейчас все это увидите в первый раз. Ничего нет прекраснее виллы Клэйр. Каким угрюмым, каким мрачным покажется вам наш Кендалль, когда вы туда вернетесь... Нет, нет, не возражайте. Сначала посмотрите. И знаете, — сказала она, сильнее опираясь на руку Реджинальда, — все это устроил, все подобрал, все расположил вот этот мальчик... Потому что у него так же много вкуса, как и красоты.

— Антиопа, дорогая Антиопа, — пробормотал юноша с очаровательно смущенной улыбкой, — перестаньте! Какая вы несносная.

— Нет, нет, я говорю правду. Так же много вкуса, как

и красоты. Только, вот, у него гадкие политические идеи. Кто бы поверил, глядя на этого изящного и хрупкого юношу! Он — анархист, революционер и уж не знаю кто еще. Когда я была маленькой, я думала, что революционеры — это люди, у которых шея повязана клетчатым платком и которые поют стоя на столе, среди опорожненных бутылок, дерзкие песни. И все-таки, Реджинальд революционер. Это опрокидывает все общепризнанные представления! Нечего щипать мне руку. Ну, поклянитесь, Реджинальд, что вы не революционер!

— Господи, Антиопа, какая вы смешная, — сказал, смеясь, юноша в куртке цвета персикового дерева. — А она, знаете, кто она? Она принадлежит к целой куче тайных обществ, имеющих целью прогнать англичан из Ирландии. Ее имя написано в одном пророчестве, которое делает из нее что-то вроде ирландской Жанны д'Арк. Нет, вот вы, Антиопа, поклянитесь, что я говорю неправду!

— Правду. Совершеннейшую правду, — сказала Антиопа. — В этот дом, куда иду я сейчас пить чай, — однажды, и уже скоро, очень скоро, войду я с пылающим факелом в руке. Но видите, господин Жерар, пока что, мы все-таки — друзья, добрые друзья.

Она потрепала юношу по щеке. Потом расхохоталась.

Было во всем этом что-то, что тяжело ложилось мне на душу. Эта манера держаться — казалась мне такой необычайной, эта веселость — такою деланною. Угадала ли Антиопа мои впечатления? Вероятно; по крайней мере, голос ее стал вдруг совсем другим, зазвучала в нем почти суровость, и она сказала:

— Довольно глупостей. Идемте. Неприлично больше заставлять ждать вашу маму.

* * *

В просторной галлерее, куда мы прежде всего попали, и где они проводили больше всего времени, — я совсем не заметил фамильных портретов. Я вполне одобрил такую скромность. Обилие изображений Соммервиллей лишь подчеркивало бы незначительность линии Арбэклей.

Выложенный черными и белыми плитками пол. Большое зеркало в раме черного дерева, над жардиньеркой с голубыми гортензиями... В застекленную стену был виден сад, сбегавший к морю, уже окутанный туманом. Один из тех садов, перед которыми — вместе с милым лордом Гарри — так любил мечтать юный Дориан Грей, возвращаясь после распутной ночи, проведенной с курильщиками опия — портовыми рабочими и гринвичскими красотками.

Графиня Кендалль казалась такою чуждой всей этой пышной роскоши. Зато как хорошо чувствовал себя среди нее милый юноша!

— Мама, — закричал лорд Арбэкль. — Вот и мы!

Он толкнул решетку из лакированного дерева, замещающую дверь, приподнял бархатную портьеру и знаком пригласил нас войти.

Лэди Флора сидела на низеньком диване, покрытом черным бархатом. Она курила папироску; когда мы вошли, бросила ее в чашку из черного стекла.

Она поцеловала Антиопу в лоб. Та села рядом с ней на диван.

— А, господин Жерар, — сказала она, — укротитель непокорных лошадей! Как это мило, что вы ответили на первый же мой призыв.

Она улыбалась. Обнаженная ее рука белела на черном диване.

Антиопа непринужденно откинулась на подушки.

— Реджинальд, — сказала она, — мне так уютно здесь, не хочется двигаться. Изобразите из себя барышню, подайте нам чай.

С легкостью феи юноша цвета персикового дерева подвинул столик с чайником и другими принадлежностями. Антиопа попросила налить ей чаю, он также пил чай. Я предпочел портвейн, лэди Флора последовала моему примеру. И уже один этот выбор начинал устанавливать какое-то родство между нами.

Лорд Реджинальд сидел у моих ног на ковре и занимался тем, что кончиком орхидеи дразнил крохотную собачку, похожую на муфту, на комок шерсти, в котором пропадали голова и хвост. Собаченка неистово тявкала на цветок.

— Да ну, Реджинальд, оставьте Ирму в покое, — сказала ему мать; в голосе ее были какие-то странные металлические звуки; должно быть, голос от природы очень властный.

Боспользовавшись минутой, когда она была занята своим стаканом с вином, своей папиросой, которую она опять закурила, и перебегавшим с предмета на предмет разговором с Антиопой, я стал разглядывать лэди Флору. Я напрасно лгал бы, если бы стал отрицать, что она произвела на меня сильное впечатление.

Итак я разглядывал лэди Флору. На ней было бархатное платье цвета рубина. Остриженные светло-русые волосы оставляли открытой очаровательную, как у девушки, шею. Она была сильно декольтирована, но это не бросалось в глаза. Я должен был посмотреть на сидевшего у наших ног сына, чтобы вспомнить, сколько этой женщине лет, да и это не очень помогало. «Такие вещи надо видеть, чтобы в них поверить», — сказал мне мой скромный осведомитель, лакей Уильям. Ах, даже когда видишь, не веришь.

От ее шеи, от обнаженных рук глаза мои неудержимо скользнули к бедрам, едва стянутым широким поясом из темных янтарей, и еще ниже. Одна нога, в золотистом, шелковом чулке, была открыта. Сквозь паутинную ткань просвечивало круглое колено. Больше я ничего не мог

разглядеть. Я отвел глаза и встретился с глазами Антиопы. В них была такая злая насмешка, что я вздрогнул.

Сообразив, что некоторые темы разговора могли бы тут сыграть для меня роль западни, я благоразумно решил хвалить лорда Арбэкля за тот вкус, который он проявил в убранстве виллы.

Я почувствовал, что мои комплименты были очень ему приятны. В фиалковых глазах светилась признательность.

— Право, вы слишком снисходительны.

— Конечно, все довольно удачно, — небрежно заметила лэди Флора.

— Про идеи тогда можно с уверенностью сказать, что они удачны, — ответил Реджинальд, — когда другой заимствует их у тебя. Вы, конечно, знаете, господин Жерар, сэра Филиппа Сассуна?

— Не имею чести.

— В самом деле? Как это странно! А ведь сэр Филипп Сассун очень известен в интеллигентных кругах. Споры нет, сэр Филипп — человек замечательный и вполне джентельмэн. Но по отношению ко мне он был не очень-то мил.

— Не говорите глупостей, Реджинальд, — сказала лэди Флора. — Сэр Филипп — настоящий друг.

— Пусть судит господин Жерар, мама. Послушайте: у сэра Филиппа в Гайсе, около Фолкстона, есть вила, прелестная вила, ему ее построил тот же архитектор, который строил нашу. Пока все вполне корректно. Но он приехал сюда, и я имел глупость показать ему до мельчайших подробностей все мое декоративное творчество. И вы не можете, мама, отрицать, что, начиная с этого пункта, его образ действий был не совсем уж правильный.

Лэди Арбэклъ пожала красивыми плечами.

— Смейтесь, смейтесь мама. Слушайте, господин Жерар, в вилле Гайс есть такая комната: панель серого дерева, стены оклеены розовыми обоями и по фризу — обезьяны,

играющие с дельфинами; маленький изогнутый комод с серебряными желудями в качестве ручек у ящиков; наконец, кровать черного дерева с зеленым деревянным попугаем. Дельфины, попугай, — кажется, достаточно своеобразные подробности? Ну, так вот, господин Жерар, эту самую комнату, точь-в-точь такую, слышите вы, точь-в-точь, — я сейчас покажу вам здесь. Это комната Хлодвигу Гуго.

— Комната Хлодвигу Гуго? — повторил я удивленно.

— Да. Сэр Филипп бессовестно украл ее у меня, украл. И еще... Ах, мама, нечего вам пожимать плечами, вы отлично знаете, я говорю вам правду. И еще. В Гайсе же есть такая билиiardная: занавесы на окнах серой материи с вишневой бахромой, одноцветный зеленый ковер, билиiard черного дерева на ножках слоновой кости, угловой диван серого дерева — серого клена с черными полосами, обитый плотной шелковой материей вишневого цвета, наконец, вишневый фриз с чередующимися орлами и морскими коньками... Орлы и морские коньки! Ну, так вот, господин Жерар, сэр Филипп буквально скопировал эту залу с моей билиiardной, с залы Раффина Дюжена.

— Зала Раффина Дюжена, — повторил я.

Лэди Флора подняла глаза к небу.

— Видите, Реджинальд, господин Жерар — человек благоразумный. Спросите его, что он думает о ваших чудачествах. Давать комнатам такие имена... Это так нелепо!

Юноша очаровательно покраснел.

— Г. Жерар, я уверен, согласится со мной, мама, что никогда не будет у нас достаточно случаев выразить наше уважение людям бескорыстным, отдающим свои силы на то, чтобы вести человечество к лучшему.

— Все это было бы очень мило, — сказала лэди Флора, — если бы он вдобавок еще знал, с какой ноги начинать танец. А то... Теперь уж я прошу вас быть

судьей. Галлерей, через которую вы шли сюда, первоначально называлась Гендерсоновской, будуар, в котором мы ведем свой диспут, назывался будуаром Альбера Тома, а моя комната, в довершение всего, называлась комнатой Вандервельде. Но вот началась война, и пришлось все переименовать. Сейчас галлерей называется уже галлереей Компэр-Мореля, будуар — будуаром Марка Сангье и моя комната, не угодно ли, — комнатой Кропоткина!

— Но не мог же я, мама, — сказал Реджинальд с холодным достоинством, — оставить этим комнатам имена людей, которые предали свои идеалы и в братоубийственной борьбе стали действовать заодно с буржуазными правительствами.

— Разумеется, — прошептал я.

— Заметьте, — сказала лэди Флора примирительно, — что Реджинальд — очень хороший сын, и я слишком его люблю, чтобы мешать ему делать то, что доставляет ему удовольствие. Но все-таки согласитесь, эти постоянные изменения очень неприятны для хозяйки дома. Прислуга путается, и когда у нас на вилле гости, она приносит утренний завтрак для комнаты Андре Лебей в комнату Горького. Это несносно! И потому я потребовала от Реджинальда, чтобы впредь он давал нашим комнатам лишь имена революционеров уже покойных. На их то счет можно быть спокойными, они уж не отрекутся от своих идеалов, чтобы сделаться министрами в буржуазных кабинетах.

Антиопа не принимала участия в этом споре. Стоя у окна, она барабанила пальцами по стеклу, за которым сад постепенно тонул в вечерней мгле.

Лорд Реджинальд подкрался к ней и вдруг схватил за руки.

— Ну, так как же, прекрасная заговорщица, попрежнему — 24-ое апреля?

— Что? — спросила она.

— Да осуществится пророчество Донегаля. Не правда ли, в этот день должны вы опрокинуть нас в море?

— Да, — сказала она каким-то чужим голосом.

— Да? Слышите, господин Жерар? — сказал Реджинальд, которого, повидимому, задело равнодушие Антиопы.

— Слышите? И не думайте, что это — шутка. Это совершенно серьезно. Ведь вы же в курсе ирландских дел, — объясните мне, потому что, кажется, сам я никогда не пойму. Чего собственно хотят ирландцы? Лучшего устройства суда? Более свободных таможенных порядков? Школ? Госпиталей? Так пусть же скажут. Мы только того и хотим, чтобы быть им приятными...

Я вежливым жестом отклонил от себя его просьбу.

— Ну, скажите вы, Антиопа, — сказал юноша, — разве вам не хорошо?

— Лично мне — да.

— Но в таком случае...

— В таком случае!...

— Господи, до чего я ненавижу подобные споры, — сказала лэди Флора. — Какие вы дети! Нельзя их на две минуты оставить одних, господин Жерар, чтобы они не принялись говорить о политике. Что же это будет, когда некому будет им мешать!

В будуаре стало темно. Я не различал уже лиц Антиопы и Реджинальда. Лэди Флору, которая сидела против окна, я еще видел. Кончив свою фразу, она значительно мне улыбнулась.

Лорд Реджинальд настаивал.

— Вы не ответили мне, Антиопа. Действительно, 24-го апреля — день вашего рождения и, следовательно, срок исполнения пророчества Донегаля?

— Вы это сами так же хорошо знаете, как я, — сказала она.

— Хорошо! Мама, мне пришла мысль сыграть с Антиопой одну шутку. 23-го апреля — Пасха. Мы устроим в этот день бал, чтобы отпраздновать день ее рождения. И она непременно должна прийти, она должна быть здесь в тот момент, когда займется заря 24-го апреля. Конспирация станет невозможной, беденькая моя Антиопа! Будем танцевать, и я хочу, чтобы вы открыли бал с моим другом, полковником Гарфильдом, командующим гарнизоном в Трале. Ведь в случае восстания, именно на него была бы возложена приятная честь арестовать вас.

Юноша хлопал в ладоши. Ему казалось, что он придумал великолепную шутку.

— Согласны, Антиопа?

— Да успокойтесь вы, Реджинальд, — сказала лэди Арбэкль, слегка встревоженная тем оборотом, какой принимал разговор.

Но он не унимался.

— Согласны? 23-го апреля, в 11 часов?.. Я приглашу всех наших друзей из окрестностей. Мы будем ужинать...

— А если у нас будут в это время гости в Кендалле, вы разрешите и их привести? — сказала Антиопа. — Видите, я принимаю ваше приглашение.

— Браво! — кричал Реджинальд. — Вот это революция, которая так хорошо начинается. Конечно, само собой разумеется, господин Жерар будет нашим гостем.

— У нас еще будет случай до того повидать г. Жерара, — сказала лэди Флора.

В это время в посиневшее от сумерек стекло окна взглянули и стали расти желтые пятна двух фонарей. По парку ехал экипаж.

Реджинальд подошел к окну.

— Одна из ваших карет, Антиопа, правит Ральф. Он за вами.

— Не знаю слуги преданнее этого Ральфа, — сказала лэди Флора.

Она повернула выключатель. Всюду засветились огни, — в чашах, аквариумах, в многоцветных фонарях.

Мы встали. Антиопа и лорд Арбэкль прошли вперед, в переднюю.

На секунду я остался с лэди Флорой вдвоем. Левой рукой она оперлась о наличник двери, прислонила к нему свою красивую белокурую голову. Я был совсем близко около нее.

— Благодарю вас, за то, что вы пришли, — сказала она.

Я молчал.

— Надеюсь, что вы и еще приедете, — добавила она.

Так как я попрежнему молчал, она сказала:

— ... Что вы и еще приедете, — если, конечно, вам разрешат.

Я взял ее за руку.

— Завтра, — прошептал я сдавленным голосом.

Она усмехнулась.

— Завтра? Скоро. Нет, не завтра. Я одна. Реджинальд отправляется в Трале к своему обожаемому полковнику Гарфильду. А впрочем, почему же? Приходите, если не боитесь соскучиться. Буду ждать вас к обеду, в половине восьмого.

Мы обменялись этими немногими фразами шопотом, очень наскоро. Мы были уже в передней, Антиопа надевала еще шляпу.

Карета проехала приблизительно километр по Кендалльской дороге. Антиопа заговорила.

— Ральф, — обратилась она к управляющему.

Он слегка задержал лошадей. Шум колес стал тише.

— Ральф, я говорила с лэди Арбэкль. Она согласна отдать распоряжение своему управляющему, чтобы Тому

Лалли дали еще отсрочку. Он заплатит лишь в сентябре. А до тех пор могут быть перемены.

Она еще прибавила:

— Дело против старой Мэдж, которую накрыли, когда она собирала дрова в парке Клэйр, прекращено. Вы будете так любезны, Ральф, и успокоите этих бедняков.

Управляющий поклонился и опять пустил лошадей рысью.

Помолчав немного, графиня Кендалль спросила:

— Были в Трале, Ральф?

— Да был, ваше сиятельство, на смотре добровольцев, и чтобы назначить день следующего сбора для упражнений и стрельбы.

— Все там благополучно?

— Вполне, ваше сиятельство.

— Значит, вы были в Трале?

— Был в Трале и на обратном пути подумал, что ваше сиятельство, может быть, еще в Клэйре. Хорошо, что догадался. А то в Клэйре — только автомобили, а я знаю, какое отвращение питаете вы, ваше сиятельство, к этому способу передвижения.

— Благодарю, Ральф.

И все. Полчаса спустя из темноты стали проступать перед нами огни Кендалля. За всю дорогу Антиопа ни разу не заговорила со мной.

Глава VI

КОМНАТА КРОПОТКИНА

Мне показалось, что бьют часы. Впечатление это все крепло в моем полудремотном состоянии, стало повелительным... Я встал и, еще в полудремоте, направился к камину, натываясь в темноте на мебель, на круглые головы зверей, шкуры которых были разбросаны всюду по паркету.

Дрова догорали. Камин топился лишь для того, чтобы радовать огнем горящих дров, так как комната отапливалась радиаторами, и в темноте были видны по стенам их белые эмалированные батареи.

Вспыхивали розовые огоньки. При одной такой вспышке я мог разглядеть на часиках, на камине, который час. Было пять минут третьего.

На столике, около лопаточки и щипцов, которые я чуть было не уронил, до того еще плохо владел я своими движениями, смутно поблескивали хрусталь и позолота. Там был накрыт ужин. Из серебряного ведра торчало горлышко бутылки шампанского. Проступали со всех сторон еще и другие подробности, которых я совершенно не заметил, когда мы вошли сюда, три часа назад, хотя тогда в этой комнате было еще светло.

Одно полено вдруг осыпалось искрами, и оттого стало почти светло.

Я услышал за собою смех.

— Дорогой мой, надеюсь, не останетесь же вы до бесконечности в таком виде... Не могу я подойти к вам — в этот уголок у камина, пока вы не примете приличного вида.

Смешным движением я выразил свое замешательство.

Лэди Флора засмеялась еще громче.

— Право, мне вас жалко. Ну, вот что, отворите эту дверь и пройдите туда, там висят мои капоты. Возьмите какой-нибудь, какой подвернется, только постарайтесь не уронить остальные.

Я повиновался. Переступив через порог, я очутился в темноте и вздрогнул от прикосновения шелков, атласа, металлических вышивок, в голове кружилось от запаха духов, которыми пахли все эти потревоженные мною дамские вещи. Ощупью я снял одну с полированной вешалки. Рукава были такие широкие, что я без труда продел руку. Тут же висел тяжелый кушак, я повязал его. И в таком виде рискнул показаться ей.

Лэди Флора была уже около камина. Она присела на корточки перед огнем, руками обхватила колени, закурила папиросу. На ней была мужская черная шелковая пижама. Когда она увидела меня, радости ее не было границ.

— Ах, дорогой, какой вы славный в этом наряде! Подойдите поближе, дайте на вас полюбоваться.

Отражение в зеркале показало мне, что я смешнее, чем мог предполагать.

— Да у него вкус... или, во всяком случае, ему везет... Знаете, вы выбрали один из самых красивых моих капотов: он из Нагасаки.

В самом деле, на мне был кимоно вишневого цвета, расшитое золотом хризантемами и драконами. Рукава оставляли голыми мои руки, в широкий вырез ворота были видны плечи.

— Вам идет, очень, очень идет, — повторяла лэди Флора, — но это еще не основание зазнаваться и сидеть рядом со мною, вот тут, у огня.

Она засмеялась еще сильнее.

— Как его зовут, директора вашей Collège de France?

— Администратора Collège de France? Г. Морис Круазэ.

— Я сейчас же отдала бы одно из моих колец, какое угодно, на выбор, за то, чтобы взглянуть, какое сделал бы лицо ваш Морис Круазэ, если бы увидал вас в эту минуту.

— Очевидно, лицо у него было бы не совсем обыкновенное, — прошептал я мечтательно.

— Господи, да не принимайте вы такого скорбного вида. Повторяю вам, — этот костюм вам очень идет. Будь здесь наш друг Антиопа, она наверное согласилась бы со мною. Но как я глупа, может быть, уже...

Я сделал было движение, но тотчас сдержал его, почувствовав, что в такую минуту жест, слишком явно протестующий, был бы обиден этой милой женщине в черной пижаме.

Впрочем, она заметила мое движение.

— Не хочу быть нескромной, — сказала она с насмешливой улыбкой.

Чтобы отразить удар, я сам стал нападать.

— Насколько я слышал, графиня Кендалль собирается замуж за лорда Реджинальда, — сказал я с самым невинным видом.

Лэди Флора пожала плечами.

— О, Реджинальд не ревнив, — сказала она.

И у нее был тот же смешок, что у Антиопы.

— Он настолько выше всего этого, бедный мальчик.

Я смотрел на нее, пока она говорила все это так спокойно и непринужденно. Да неужели это та самая женщина, которая какой-нибудь час назад... Я не мог разобрать, что это — невинность, лицемерие? И мне вспо-

мнилась фраза знаменитого священника, долго служившего в Соединенном Королевстве: «Я исповедывал ирландок и англичанок. Несмотря ни на что, есть поражающий контраст между ирландской скромностью и валлийской непристойностью. И заметьте, — прибавил он с усмешкой, — я имею возможность говорить с вами лишь о валлийках-католичках».

Лэди Флора нажала незаметную кнопку, и на камине загорелась бледно-розовая лампочка-ночник. Она с чудесной легкостью вскочила на ноги. Закинув голову, скрестив руки, она сладострастно потягивалась.

Потом зевнула.

— Я хочу есть, — сказала она.

Она взглянула на столик, о котором я только что говорил, хлопнула в ладоши.

— А, куропатка, сыр из дичи, фрукты! Это не плохо.

Я также взглянул на столик; все там было так устроено, чтобы два человека могли поужинать. Я почувствовал, что свобода моей воли — как-то унижена. С тех пор, как я пришел, лэди Флора ни разу не вышла, не отдала никакого приказа. Приходилось, таким образом, признать, что она все предвидела, заранее решила, что я буду с нею ужинать; я думал подчинить ее своим желаниям, на самом деле она лишь подчинила меня своим.

«А, в конце концов, — подумал я, — очень глупо сентиментально усложнять такое приятное приключение. Этими мудрствованиями только отравляешь себе жизнь. Воспользуемся просто мимолетной минутой, а эта минута во всех отношениях очаровательна».

И я поспешил тут же осуществить мое решение. Как раз в это мгновение лэди Флора стояла ко мне спиной и собиралась разрезать куропатку. Я обнял ее.

Она вздрогнула, маленький нож выпал из рук. Смеясь, она высвободилась из моих объятий.

— Ах, эти робкие люди... Смотрите, что вы наделали. Я чуть не обрезала себе палец. А вы весь забрызгались. Видите: кусочки желе дрожат на рукавах вашего красивого кимоно. Не следует портить вещи, которые вам дают.

Я стоял, совсем пристыженный.

— Если вы все-таки непременно хотите проявить свою активность, — не стесняйтесь.

И она рукой указала мне на ведро с бутылкой шампанского.

— Рядом щипцы, чтобы перерезать проволоку. И смотрите, постарайтесь откупорить так, чтобы не перепугать весь дом.

Она стала расставлять на скатерти, посланной прямо на полу у огня камина, тарелки и приборы.

— Будем ужинать на полу. Так гораздо веселее.

Рядом с ведром льда стояла плетенка, в которой лежала бутылка. Лэди Флора знаком показала, чтобы я взял ее.

— Поставьте корзинку у огня. Вы прочли ярлык и, надеюсь, знаете, что это такое?

— Леовиль-Пойферрэ, — проговорил я.

— 1881 г., — дополнила лэди Флора. — С куропаткой это отлично. Только осторожно, так.

Я легко откупорил шампанское.

— Сядем, — сказала моя хозяйка.

Она быстро опустилась на землю, я успел схватить на лету ее руку и прижаться к ней губами.

— Ну, — сказала она, — не будем повторять историю с желе от куропатки. Все по порядку, как у нас говорят.

Ошеломленный, смотрел я на нее. С такой легкостью забывать, раздвояться — это было выше моего понимания. Матильда Мольт так чудесно умеет делать себе прическу, что не видно прогалины в волосах, образовавшейся в том

месте, где накануне ночью, в минуту экзальтации, была отрезана прядь. Я мог констатировать, что лэди Флора в совершенстве владеет этим искусством — обновлять свою прическу.

— Куропатка изжарена отлично. Простите, но будьте так любезны, подложите дров в камин. И пока вы еще не сели, дайте шампанского.

Я наполнил стаканы.

— Хорошее, — сказала она, смочив губы в вине. — Кстати, читали вы в сегодняшних газетах: немцы снова бомбардируют Реймс. Бедный собор! Как это жалко! Если это будет продолжаться, я соглашусь с Реджинальдом, который находит, что нет ничего ужаснее войны. Как вы думаете?

— Я думаю, что надо быть сумасшедшим или преступником, чтобы не разделять мнения лорда Арбэкла, — сказал я.

Лэди Флора наполнила стаканы и залпом выпила свой.

— Это шампанское, в самом деле, отличное, — проговорила она. — Мне пришла счастливая мысль закупить пятьсот таких бутылок в 1914 г. Не поверите: в мае! Словно я предвидела события. Теперь достать совершенно невозможно. И кто знает, будет ли оно после войны? Должно быть, весь этот край страшно опустошен, правда?

— Да, — ответил я.

— Как это прискорбно. Ну, да у вас останутся вина из Бургундии и Бордо. Нельзя сказать, что в этом отношении нужно очень уж жалеть Францию. Теперь выпейте Леовилль. Жаль, я не велела подать две бутылки Редерера. Вы говорите, что не читали утренних газет? Новости не из блестящих. Куда это девался «Таймс»?.. Я хотела дать вам прочитать сообщение о Вердене. Немцы засели в лесу Кайетт и взяли в плен два ваших полка. Кстати, почему ваши газеты не печатают немецких донесений? Это

немножко смешно. В английских газетах это печатается. Вы молчите? Вам нездоровится?

Я был здоров, но я просто слишком быстро повернул шею — и убедился, что причиненный шрапнелью Гиза паралич не прошел. Я был бы очень смущен, если бы заметил в эти нежные минуты, что паралич прошел.

Этот факт успокаивал мои патриотические угрызения совести, но я солгал бы, если бы сказал то же о некоторых иных своих чувствах. Я не знал лично профессора Фердинанда Жерара, но должен допустить, что мой метод работы в Кендалле, вероятно, весьма отличался от того, какого держался бы профессор, чтобы собрать материалы относительно законности ирландских требований. Я был вынужден признать самому себе, что собираюсь вдвойне обмануть своих самых лойяльных, самых великодушных хозяев. И я ни на минуту не стараюсь избежать упрека в безнравственности со стороны тех, которые будут читать эти строки. Ссылаюсь лишь на смягчающие вину обстоятельства: мою слабость и, главное, мою искренность.

Как ни сильны были чары лэди Флоры — честное слово, они были очень сильны, — они, как видите, все-таки не совсем заглушили во мне голос нравственного закона. Но сейчас этот голос доходил до меня очень издалека, глухо. Закутанный в свою пурпурную с золотом одежду, положив голову на маленькие колени лэди Флоры, я с минуты на минуту ждал, когда прокричит петух.

* * *

Лэди Флора собиралась очистить золоченым ножом грушу. Вдруг я почувствовал, — это было довольно таки неприятно, — что мне нужно быть осторожным и следить за своими словами.

— Нравится вам в этой стране? — небрежно спросила она.

— Я был бы слишком требователен, если бы мне здесь не нравилось, — ответил я очень лукаво.

Она улыбнулась.

— Понимаю, это очень любезно. Но все-таки, когда вы решили приехать сюда в Ирландию, вы ведь не знали, что встретите здесь меня.

И, не настаивая, чтобы я отвечал, сказала сама:

— Вы — не то, что я. Мне здесь так скучно, так скучно... Умереть можно!

— Но в таком случае, почему же вы тут остаетесь? — сказал я слегка раздраженно.

Она поглядела на меня своими красивыми, удивленными глазами.

— Почему остаюсь? Да по долгу.

— По долгу?

— Да, из-за здоровья Реджинальда. Воздух Лондона ему вреден. Воздух Шотландии слишком свеж. А кроме того, вы сами только что намекнули на один проект...

Она оборвала фразу и положила на тарелку половину груши, которую перед тем разрезала.

— Я не удивлю вас, если скажу, что уже чувствую к вам большое, большое доверие. Разрешите мне просить вас говорить со мной совсем по дружески.

— Прошу вас.

— Хорошо, дело идет об этом браке. Какого вы мнения?

— Какого я мнения? — сказал я, ошеломленный.

— Само собою разумеется, — продолжала она самым серьезным тоном, — вопрос тут не о состояниях. Вряд ли может быть союз более удачный в этом отношении.

— Может быть, разница в годах?

— Пустяки! Правда, Антиопа на десять лет старше Реджинальда. Но она так молода душой. Нет, не в этом дело.

— Но тогда я не вижу в чем же, — сказал я, чувствуя себя очень неловко.

Она как-то странно остановила на мне свой взгляд.

— Не знаю, продолжать ли мне, — сказала она. — Еще раз повторяю, я боюсь быть нескромной.

— Вы приобрели на это право, — сказал я любезно.

Даже веки у нее не дрогнули.

— Хорошо, буду. Но предвительно вы должны мне поклясться, что нет у вас к графине Кендалль иных чувств, кроме той детской дружбы, о которой она сама мне рассказывала. Если бы было иначе, я слишком боялась бы сделать вам больно и замолчала бы.

— Что вы хотите сказать?

— У матери есть обязанности, — важно проговорила она. — Как бы я ни хотела видеть моего сына мужем Антиопы, я бы всю жизнь упрекала себя, если бы помогла осуществлению этого проекта, не сделав предварительно всего необходимого, чтобы удостовериться во вздорности некоторых слухов.

— На какие слухи вы намекаете?

— О, признаюсь, все это гадко. Но опять повторяю, я должна окончательно убедиться. Вы — мой друг. Я зашла уже слишком далеко, сейчас молчать не приходится. Скажите мне, как вы полагаете, сердце Антиопы свободно? Что вы о ней думаете?

— Я полагаю, что графиня Кендалль занята исключительно своей страной.

— Какой страной?

— Какой? Ирландией.

Лэди Флора расхохоталась.

— Ах, вы ребенок! Для политики у женщины есть день, для себя — у нее ночи.

— Я не понимаю...

— Ах, не смотрите вы на меня такими глазами. Вы, наконец, заставите меня поверить, что напрасно я так доверчиво заговорила с вами. Вы отлично понимаете, что я не придаю какой-нибудь особенной важности тем слухам, о которых я говорила. Да, наконец, Антиопа ведь свободна...

— Еще раз, на какие слухи вы намекаете?

— Сплетни, — сказала лэди Флора, — готова поклясться... Сколько вы времени в Кендалле?

— Я приехал 24-го марта, сегодня — 6-ое апреля.

— Всего двенадцать дней, — сказала она. — Господи, а мне кажется, что я вас знаю уже так давно.

«Это очень любезно, — подумал я, — но к чему все это нас приведет?»

— Все-таки, в двенадцать дней вы могли ознакомиться с внутренним распорядком в Кендалле. Знаете вы где находится комната Антиопы?

— Да, был там один раз, на следующий день по приезде.

— Эта комната в первом этаже, в углу замка. Одно из двух окон выходит на море, другое — в парк.

— Да, я заметил эти подробности.

— Вы знаете, что замок построен на склоне скалы. Перед окном — скала, недалеко, футах в сорока или пятидесяти.

— Знаю, — сказал я. — Я даже взбирался на эту скалу. С вершины вид на море еще красивее, чем из окон замка.

— Хорошо, в таком случае вы отлично поймете. Но чтобы я не видела в ваших глазах и тени укора... Иначе я сейчас же перестану.

— Продолжайте, прошу вас.

— Месяца три назад — может быть, четыре, — у меня служил конюх. Его звали Джим. Ну, так вот, этот Джим воспылал самыми нежными чувствами к горничной графини Кендалль.

— К Дженни?

— Нет, Дженни поступила потом. Горничную Джима звали, кажется, Джэйн. Да это не важно.

— Конечно, не важно.

— Словом, каждый вечер, кончив работу, Джим бежал в Кендалль, в надежде повидаться с своей Джэйн. Как-то раз она не пришла на свидание. Комната графини была освещена. И Джиму пришла совершенно естественная мысль — взобраться на скалу, чтобы оттуда уследить минуту, когда Джэйн освободится и уйдет от своей госпожи... Джэйн Джим не увидел, но вместо того...

— Но вместо того?

— Нет, не ждите, чтобы я сделала эту гадость и назвала вам того, кто был с Антиопой в этот поздний час. Что бы вы обо мне подумали? Да имя этого человека нам в данном случае и не интересно.

— А Джим? — спросил я с иронией.

— Вы, конечно, сами понимаете, я воспользовалась первой возможностью и рассчитала его.

Она закурила папиросу и пускала дым маленькими, голубыми струйками в потолок.

— Что вы думаете?

— Думаю, — сказал я, — что лорд Реджинальд настолько выше всего этого, что...

Она улыбнулась.

— И я совершенно так же думаю. Я никогда ничего ему не говорила. Видите, вы можете гордиться моим доверием к вам.

Мы помолчали. Часики зазвонили.

Лэди Флора вздрогнула.

— Уже четыре часа! — сказала она с очаровательнейшим оттенком сожаления в голосе.

Я встал, немного нервничая.

— Я должен вас покинуть.

Она не стала очень меня удерживать.

— Господи, я в отчаянии, что заставляю вас идти целую версту ночью!

Она открыла окно.

— К счастью, дождя нет.

Она подошла ко мне, положила мне руки на плечи. Едва протянув голову, я прикоснулся губами к ее светлым волосам.

— Вы не сердитесь на меня?

— Сержусь, на вас? Почему?

— Если бы у вас было к Антиопе какое-нибудь иное чувство, кроме дружбы, сказала она, — я не простила бы себе своей откровенности. Но вы дали мне слово...

Я почти не обратил внимания на такое спокойное бесстыдство. В эту минуту была у меня одна лишь мысль: быть как можно менее смешным, когда стану переодеваться из блестящего пурпурного с золотом капота в свою одежду. Нужно отдать справедливость тонкому такту лэди Флоры, с которым она предоставила мне самому проделать всю эту маленькую процедуру.

* * *

Лэди Флора проводила меня до решетки парка вдоль темных групп деревьев, по аллеям, на песке которых еще лежали капли последнего дождя.

Выйдя за решетку, я быстро зашагал по дороге, но скоро пришлось замедлить шаг. Темнота становилась все гуще, как иногда бывает перед зарей.

Я узнал место, где, на прошлой неделе, я был представлен лорду Реджинальду. Я представил себе силуэт прелестного друга полковника Гарфильда, а затем — силуэт его матери. Какое странное приключение! Я думал о великом человеке из этой семьи, об этом лорде Френсисе Соммервилле, бывшем попеременно то сотрудником, то

соперником Питта, подписавшем Амьенский мир, с которым Жозефина любила говорить в Сен-Клу об Антильских островах, где когда-то он, молодым адмиралом, метал свои ядра в наши суда. И вот я только что держал в своих объятиях его подлиннейшую внучку. Столь счастливый эпизод должен бы особенно льстить моему самолюбию. А вместо того, у меня остался от всего этого лишь какой-то горький осадок и ощущение, что я более или менее сознательно попал в довольно скверную интригу.

Я дошел до дороги на Трале. Небо стало темно-коричневое. Ни одной звезды. Свист ветра смешивался с шумом моря.

Когда дорога сделала поворот, я увидал, метрах в ста от себя, свет.

Это не был еще не потушенный огонь в доме, потому что свет двигался, но не был это и фонарь экипажа, потому что тогда слышен был бы шум колес или топот копыт. Может быть, велосипедист...

— Кто идет?

Я не ответил. Назвать себя — значило бы поставить себя в смешное положение.

Я продолжал идти.

Скоро фонарь был у самого моего лица. За ним теснились пять-шесть теней.

— Кто вы?

— Из замка Кендалль, — ответил я.

Наскочи я на отряд королевской ирландской полиции, такой ответ отнюдь не устранил бы затруднений. Но надо же было сказать что-нибудь. Слишком был повелителен тон вопроса.

Оказалось, мой ответ удачен.

Фонарь опустили. Тени исчезли.

Передо мной — силуэт очень молодого человека с приятным голосом.

— Лейтенант Фицджеральд, из добровольцев Трале.

Я тоже отрекомендовался и потом спросил:

— Добровольцев Трале?

— Да, батальон добровольцев Трале делает ночной переход и скоро примет участие в упражнениях в стрельбе.

Он сделал знак одной из обступивших нас теней.

— Отведите господина к командиру.

И поклонился мне.

— Извините, что я сам не сопровождаю вас. Мы приступаем к фланговым маневрам и должны прикрывать колонну. Вот почему мы и окликнули вас. Я веду аррьергард. Еще раз, извините.

Я ощупью пошел следом за моим проводником к голове колонны. Дорога здесь проходила в выемке и как раз в этой выемке голова колонны сделала остановку. Направо, вдоль откоса, я разглядел людей, прислонившихся к земляной стене, и опиравшихся на ружья, как на палки.

Мы подошли.

— Вот командир, — прошептал мой проводник.

На нас глядел человек с тяжелыми плечами. Он стоял посреди дороги, заложив руки за спину.

— Господин Жерар!

Я вздрогнул, не столько потому, что меня узнали, сколько потому, что я сам узнал голос г. Ральфа.

Я совершенно забыл, что он занимал важный пост в революционной армии.

— Чем могу я, милостивый государь, быть вам полезным?

Голос его был и повелителен, и предупредителен. Кроме того, пред своими солдатами управляющий графа д'Антрима не принуждал себя обращаться ко мне в третьем лице, и это было, конечно, вполне естественно.

— Я к вашим услугам, — повторил он.

За спиной г. Ральфа небо начинало сереть, ветер затихал, рождался день.

— К вашим услугам, — еще раз сказал управляющий.

— Мне вспомнилось, — сказал я развязно, — вы говорили, что волонтеры отправятся сегодня ночью, в четыре, на маневры в Ардфёрд, и мне захотелось видеть это.

— Благодарю вас, что вы так интересуетесь нами, — сказал он.

Мне послышалась в его голосе ирония. Они видал, откуда я шел, он отлично знал, что я иду не из Кендалля. Если у меня и была хоть на минуту надежда незаметно вернуться в замок, то теперь она развеялась как дым.

Уже почти совсем рассвело. Лужицы дождевой воды на дороге сверкали. Очень низко пролетела стая диких уток.

Г. Ральф знаком пригласил меня следовать за ним.

Мы свернули с дороги и вскарабкались на поле, на высоте двух-трех метров над уровнем дороги.

— Лейтенант Дэвис, — скомандовал он, — вы займете мое место во главе колонны.

Г. Ральф поднес к губам свисток. Свистнул один раз — гул голосов затих.

Свистнул еще раз — колонна зашагала.

Волонтеры продефилировали перед нами. В них была любопытная смесь свободы и дисциплины. Почти все эти люди были в форме, но самая форма не отличалась единообразием. По большей части форма состояла из куртки, коротких панталон и обмоток серо-зеленого цвета. Некоторые солдаты были в австралийских фетровых шляпах, другие в английских шапочках. Но некоторые были совсем без формы. Можно было их принять за мирных охотников, если бы не солдатская винтовка и штык за поясом.

— Тут много расформированных или демобилизованных солдат, — сказал г. Ральф. — Эти сумели сохранить форму.

— А другие? — спросил я.

— Жены или дочери сшили им одежду. Они обмундировались сами.

— На свой счет?

— На свой.

Я смотрел на дефилировавших передо мной. Почти все были очень молодые. Я чувствовал, что между ними почти совсем нет крестьян. Большинство производило впечатленье мещан, банковских служащих, адвокатских писцов, приказчиков из магазинов. Многие были в очках. И во взглядах этих близоруких глаз было незабываемое выражение настойчивости и воли.

О, лучше, десять, сто раз иметь дело с закоренелым разбойником, чем с одним из этих бледных юношей.

В эту минуту проекты, которые излагал мне когда-то г. Теранс, уже не казались мне столь самонадеянными.

Сжимая руками в перчатках рукоять воткнутой в землю сабли, Ральф Макгрегор, неподвижный, следил за прохождением отряда. Когда прошел последний волонтер, он наклонился ко мне и с гордостью сказал:

— 17-го марта, в день праздника святого Патрика, в центре Дублина, в Колледж-Грине был смотр. Пятнадцать сотен волонтеров, господин профессор, дефилировали перед своим шефом, вашим коллегой, Ийном Мак-Нейлем. Пришлось на полтора часа приостановить движение трамваев. Английская полиция смотрела, разинув рот...

— А оружие? Как вам удастся его добывать?

Он иронически поглядел на меня.

— Вас это беспокоит, господин профессор? Оружие? Его подвозят на частных яхтах, на пароходах, в чемоданах пассажиров... Вот, смотрите, это ружье...

Мы пошли дальше. В хвосте колонны Ральф подал знак одному волонтеру, взял у него ружье, протянул мне.

— Посмотрите, господин профессор, это — английское военное ружье. Бесполезно спрашивать у его собственника, как он его добыл. Оно у него, важно лишь это...

Он вернул ружье и сказал мне с улыбкой:

— Если бы вы вздумали найти немецкие образцы, тогда надо обращаться не сюда, а выше, в Ульстер. В 1914 г. за три месяца до войны, сэр Эдвард Кэрзон, теперь министр в британском военном кабинете, призывал на помощь против нас «могущественного монарха из числа его друзей»... так он звал кайзера. Через посредство Deutsche Munitionen und Waffen Fabrik он получил 50.000 ружей и миллион патронов. Нет, господин профессор, если хотите найти Маузер, не здесь нужно искать.

Г. Ральф на минуту задумался. Потом с оттенком горечи прибавил:

— Впрочем, сто лет назад мы получили иностранное оружие. Это оружие привез нам Гош, и это были французские ружья.

Я лег в восемь, Уильям разбудил меня в одиннадцать. Я опоздал к завтраку, за которым собирались мои коллеги по контрольной комиссии. Я был усталый, разбитый.

За сладким профессор Генриксен, который с неделю назад решился, наконец, выходить к столу, сказал:

— Дорогие коллеги, я счастлив, что могу вам сообщить первые результаты предпринятого мною обследования, которым вы благоволили заинтересоваться.

Я поглядел с удивлением. Он любезно мне улыбнулся.

— Вас не было, дорогой коллега. Во время одного обеда, на котором вы не присутствовали, я имел честь изложить этим господам цель и методы обследования, о котором идет сейчас речь. Кратко резюмирую для вас. Предмет: запросить по ирландскому вопросу самого крупного государственного человека каждой страны. Но спрашивать

живущих мне казалось и пошлым, и ненадежным: языки сейчас связаны. И я счел более оригинальным и более верным спросить у мертвых, разумеется не восходя слишком далеко в глубь времен. Мнения Густава Вазы и Альберони, например, сейчас не имеют уже практического значения. Напротив, кто же не видит выгод знать по занимающему нас вопросу мнения князя Бисмарка или князя Горчакова?

Я растерянно поглядел на своих товарищей. Д-р Грютли солидно потягивал свое виски. Голубые глаза полковника Гарвея ничего не выражали. Барон Идзуми скрестил на столе свои маленькие, морщинистые ручки и пристально их разглядывал.

— Теперь метод, — продолжал профессор Генриксен, — конечно, вертящиеся столы. Этот прием уже оправдал себя, и лучшие умы высказались за него. Виктор Гюго в своем сочинении «Уильям Шекспир», часть первая, книга IV, сурово осудил тех глупцов, которые смеются над этим: «Скажем откровенно, — говорит он очень метко, — эти насмешки не заслуживают никакого внимания». Те результаты, которые я сейчас представлю на ваше благоусмотрение, господа, блестяще оправдывают тезис, утверждаемый знаменитым французским сенатором.

Он вытащил поношенный портфель и собирался выложить на стол целую кучу бумажек.

— Каждому свой черед, я начал с духа г. Gladstone и г. Parnell. Как я и ожидал, они уклонились от ответа. Вы сами понимаете, эти господа являются в этом деле стороною. Я не настаивал... Непосредственно затем я перешел к Италии. Напрашивалось совещание с г. Криспи. Ответ определенно неблагоприятный для Ирландии. Г. Криспи пожелал даже воспользоваться удобным случаем, чтобы установить один исторический факт, и сообщил мне, что он был в числе заговорщиков, которые 14-го января 1858 г., подстрекаемые к тому Орсини, бросили бомбы в императора

Наполеона III. Но он полагает, что теперь такого рода методы уже не ко времени.

— Это — осуждение ирландской системы, — сказал д-р Грютли, — т. е. системы воздействия физической силой.

— Совершенно верно, — подтвердил профессор Генриксен. — Затем — это должно особенно интересовать вас, господин Жерар, — я перешел к Франции. Мне казалось, что наиболее яркий выразитель французской политики за последние полвека — г. Gambetta; вот ответ, который он пожелал мне дать.

Он протянул лист бумаги, бумага стала переходить из рук в руки. Я прочел на ней следующую загадочную фразу:

„E altrettanto legittimo di vedere l'isola ove rintuona l'Hekla, bramare la liberta quanto scorgere l'aquila che vola verso il sole, la poena verso la tomba, la rondine verso la primavera e la preghiera innalzarsi verso il cielo“ ¹⁾.

— Разве так уж заведено, — спросил я, — чтобы духи пользовались для своего ответа итальянским языком?

— Да откуда вы взяли? — сказал профессор. — Отказ г. Gladstone был изложен на великолепном английском языке.

— Но тогда почему же это? — спросил я, указывая на ответ великого французского оратора.

Г. Генриксен пожал плечами.

— Духи обычно отвечают на своем родном языке, — ответил он.

Барон Идзуми поднял руку, давая понять, что просит слова.

— Ответ намекает на остров, на котором гудит Гекла, — сказал он. — Не спутал ли он с Исландией?

¹⁾ Перевод: Столь же законно, что остров, на котором гудит Гекла, страстно жаждет свободы, как то, что орел парит к солнцу, хищная птица летит к могиле, ласточка — к весне и молитва устремляется к небу.

— Конечно, — сказал профессор Генриксен. — Впрочем, такая путаница вполне извинительна человеку, всецело занятому внутренней политикой. За то, господа, оцените этот поразительный идеализм, позволяющий нам, как и раньше, чтить в лице Франции стража цивилизации. Да, теперь, как столетие назад, —

... И кровь
Прекрасной Франции сынов
Оплотом служит миру.

Все сочувственно зашептались по моему адресу. Я слегка поклонился, ровно настолько, чтобы удостовериться, что шрапнель Гиза продолжает сидеть у меня в затылке. Но, право, это было бы неблагодарно — в такую минуту обнаруживать свое настроение.

— Перейдем к Испании, — сказал профессор. — Ответ г. Кановы также чрезвычайно интересен. Он, как и г. Криспи, довольно враждебен революционным методам действия.

— Это мне напоминает, — сказал не без досады полковник Гарвей, — что сенатора Баркгильедро все еще нет между ними. Я начинаю побаиваться, не случилось ли с ним чего-нибудь...

Затем мне пришлось последовательно выслушать ответы г.г. Мак-Кинлея, Стамбулова и графа Юлия Андраши. С большим раздражением сжимал я кулаки, когда вернулся к себе в комнату.

Там я нашел письмо от Антиопы, с которой мы условились после обеда посетить развалины Ардфэрда. Она кратко сообщала, что вчера, когда мы уговаривались, она совершенно забыла, что завтра воскресенье, и что она должна быть в церкви. Письмо заканчивалось так:

«Значит, до пятницы. Мне, конечно, не нужно вам напоминать, что в этот день мы встретимся у нашего друга лэди Флоры, куда оба мы приглашены к обеду».

Не было сомнения, командир волонтеров Трале уже сделал свое донесение.

* * *

Одетая в светло-голубую бархатную тунику, под которой легко угадывалось все ее тело, — никогда еще лэди Флора не казалась мне такой красивой, как в этот вечер, и такой желанной, — употребляю определение не очень симпатичное, но хорошо выражающее то, что нужно. Когда глаза юного Реджинальда случайно встречались с глазами его встревоженной матери, он торопливо их отводил.

Реджинальд сидел на ковре у низенького кресла Антиопы; рука ее мечтательно лежала на русой голове юноши. Он с горячим увлечением и выразительностью читал нам некоторые, особенно прекрасные страницы из своей любимой книги.

« — Вы всегда приходите ужасно поздно.

— Но я не могу удержаться, чтобы не пойти посмотреть Сибиллу Вэйн хотя бы в одном действии. Мне так нужно ее присутствие, и когда я думаю о чудесной душе, таящейся в этом маленьком теле из слоновой кости, меня наполняет мучительное чувство.

— Вы, конечно, будете обедать со мною сегодня вечером, Дориан?

Он покачал головой.

— Сегодня она — Имогена, — ответил он, — а завтра будет Джульеттой.

— Когда же будет она Сибиллой Вэйн!

— Никогда... »

Реджинальд остановился. Графиня Кендалль вдруг встала.

— Что такое, Антиопа?

— Что с вами, дорогая? — спросила лэди Флора.

— Мне душно, — сказала она и прижала руку к сердцу.

— А ведь окна раскрыты настежь, — сказала лэди Флора, — и для апреля...

— Реджинальд, пойдемте, — обратилась к нему Антиопа, — пройдемся по саду.

Они вышли. Лэди Флора продолжала курить папиросу. Пять долгих минут сидели мы молча. Наконец она грустно улыбнулась и сказала:

— Если бы вы знали, как мне грустно!

— Вам грустно?... Не понимаю.

— Я все поняла, — сказала она, — стоит взглянуть на вас...

— Взглянуть на меня?...

— Да, взглянуть на вас. Я сделала большую ошибку, тогда, вечером, что была с вами так откровенна. Вы поддались искушению, у вас явилось безумное желание проверить... Вы вскарабкались на ту скалу.

— Сударыня! — со всей силой запротестовал я.

Глаза ее наполнились радостным изумлением.

— Нет, в самом деле, вы не сделали этого? Ах, какую тяжесть снимаете вы с моего сердца. Обещайте мне, и сейчас же, что вы не будете доискиваться, не будете стараться...

В эту секунду вошли Антиопа и Реджинальд.

— Должно быть, я простудилась, — сказала с улыбкой молодая женщина. — Наверное, пустяки. Но за нами уже приехала карета, разрешите мне вас оставить, дорогая.

— Всего девять часов, — сказала лэди Флора.

— В следующий раз я останусь подольше.

— Надеюсь, — сказал Реджинальд. — Сегодня 14-ое апреля. В следующий раз, не забудьте, пасхальное воскресенье, 23-е апреля. Чтобы отпраздновать день вашего рождения, мы будем танцевать всю ночь. А утром мы предоставим вам полную свободу исполнить пророчество Донегала.

— Я не забыла, — сказала Антиопа, продолжая улыбаться.

Лошадьми, отвозившими нас домой, правил кучер Джо-зеф. Фонари очень слабо освещали внутренность кареты.

— Это правда... — прошептал я в полголоса, — через девять дней... Всего девять дней.

Я почувствовал, что Антиопа вздрогнула.

— Всего девять дней? Вы хотите сказать, еще целых девять дней!

И почти с рыданием она выкрикнула:

— О, как я бы хотела, чтобы это было завтра!

— Что с вами? — с испугом спросил я.

— Простите, — и я заметил, что она делает усилие, чтобы улыбнуться. — Простите. Я сегодня нервничаю. Видите, я почти насильно увезла вас. Мне даже как-то в голову не пришло, что, может быть, вам было бы приятно остаться в Клэйр.

— Вы думаете, что это очень великодушно — так со мной разговаривать? — сказал я серьезно.

— Простите, — тихо сказала она и протянула мне руку.

Впродолжение всего переезда я держал эту руку в своей. Она не отнимала.

Я чувствовал, что графиня Кендалль очень печальна, непобедимо печальна.

И я не сообразил, что в тысячу раз лучше было прямо спросить у нее о причине этой печали, чем силиться самому проникнуть в тайну.

В вестибюле замка мы расстались.

— Благодарю, — торопливо прошептала она. — Приходите ко мне завтра... Приходите... Мы сделаем ту прогулку, которую в прошлый раз отложили. Жду вас завтра утром, в половине девятого.

* * *

Я вошел к себе в комнату и четверть часа ходил вдоль и поперек. Потом вышел, умышленно не потушив электричества.

Я вышел из замка, спустился к морскому берегу. Над морем всходила луна, почти полная, громадная, красная. Я смотрел, как широкими параллельными рядами двигались ко мне волны, подбегали совсем близко и в последний миг с шумом рассыпались... Зачем я сюда пришел? Я и сам не знал.

Когда я поднимался назад к замку, пробила половина десятого.

Я пошел вдоль решетки парка, налево. Решетка упиралась в ту скалу, о которой говорила мне лэди Флора, — скалу против окна Антиопы.

Это был последний отрог массива, на котором был построен дом Кендаллей. На нем росли могучие морские сосны. Ветви низко спускались, и по ним было легко вскарабкаться. Кроме того, в камнях была высечена тропинка.

Скоро я достиг чего-то в роде естественной террасы.

С нее была видна комната графини Кендалль, но так как терраса была почти на одном уровне с комнатой, заглянуть внутрь было трудно. Шпиону лэди Арбэкл наверное пришлось вскарабкаться повыше. Так поступил и я.

Наконец, я добрался до узкой гранитной ступеньки, по которой змеились черные корни большой сосны. Я кое-как примостился на корнях и стал глядеть.

Нижняя часть окна была занавешена, но через верхнюю часть комната была видна почти целиком.

И я увидел Антиопу. Она сидела у небольшого письменного стола против окна, положив локти на стол и опустив голову на руки. Казалось, что обнаженные ее плечи вздрагивают от рыданий.

Перед нею, спиной к окну, стоял мужчина. Повидимому, он что-то говорил графине Кендалль. Чего бы я не дал, чтобы услышать, что он говорит ей!

Вдруг Антиопа подняла лицо. И протянула к собеседнику руки, которые словно молили, просили пощадить.

Тогда мужчина мерными шагами подошел к молодой женщине. Обнял ее. Она прижалась к нему. Он долгими, долгими поцелуями целовал шею графини Кендалль. И при этом их движении я отчетливо увидел их лица. Я узнал г. Ральфа.

В то же мгновение над моей головой что-то затрещало. Обломилась ветка сосны. Послышался шум падения. Меня что-то сильно толкнуло. Одной рукой я успел ухватиться за корень сосны, другой схватил и удержал на самом краю обрыва чье-то тело, которое чуть было не увлекло меня за собой вниз.

— Если не ошибаюсь, господин профессор Жерар? Да, повидимому, вам я обязан спасением.

Я был совершенно ошеломлен. Я узнал д-ра Грютли.

Он потирал бок и многозначительно поглядывал на меня.

— Ну-с, что вы скажете об ирландских важных синьорах? — проговорил он весело. — Ах, негодяйка!

— Что вы тут делаете? — сердито спросил я.

Он приложил палец к губам.

— Ш-ш! Тише, тише! Место не очень-то благоприятное для объяснений.

Он ощупывал все свое тело.

— Честное слово, меня точно исколотили.

— Я спрашиваю вас, что вы тут делаете в такой час?

— Я мог бы вам ответить: а вы сами? Но повторяю, здесь не место начинать дискуссию. Желаете вы

уделить мне десять минут для беседы у вас в комнате или у меня?

— Я следую за вами.

— Пожалуйста, господин профессор, идите вперед. Право, я ничего плохого вам не сделаю, если пойду сзади.

Глава VII

ЕЩЕ ВОСЕМЬ ДНЕЙ

Комната д-ра Грютли была рядом с моей. Там также было оставлено непотушенным электричество.

— Войдите, дорогой господин Жерар. Садитесь. Пожалуйста, будьте как дома.

Приглашение было сделано в таком тоне, что это только увеличило мое раздражение.

Д-р Грютли закрыл ставни. Подошел к двери и повернул ключ. Потом, прихрамывая и улыбаясь, подошел ко мне.

— Чтобы чорт меня побрал! Я чуть не сломал ногу при этом глупом падении.

Он снял башмаки. Я увидел белый носок, который заметил на верхней койке каюты, когда мы ехали морем.

— Видите щиколодку. Завтра она посинеет, после завтра станет черной. Я хотел бы, чтобы она опять стала розовой и чтобы прошла опухоль ко дню, в который должно исполниться пророчество Донегаля.

Он достал с полки бутылку и два стакана.

— Все это не должно нам мешать побеседовать за виски, не правда ли, господин Жерар, господин профессор Жерар?

Он как-то по особенному упирал на слова и вдруг жирно расхохотался. Это был настоящий приступ, все тело его колыхалось от хохота.

— Господин Жерар! Ой-ой-ой! Господин профессор Жерар!

— Объясните вы мне в чем дело? — сказал я, наконец, встревоженный и взбешенный.

Придерживая обеими руками щиколотку, он продолжал хохотать и ужасно гримасничал.

— Ой-ой-ой! Как это вредно смеяться, когда больно, но как приятно! Ай-ай! Господин профессор Жерар, Фердинанд Жерар, не правда ли?

— Я совсем не в настроении забавляться вашим гримасничеством, — сказал я угрожающим голосом. — В последний раз, — объясните вы мне? Да, или нет?

— Господин Жерар, умоляю вас, не сердитесь. Мне было бы весьма грустно рассердить господина профессора Жерара. Но он же сам видит, в каком я печальном положении. Не могу больше двинуть ногой, право, не могу. Надо мне помочь.

Он достал из кармана для часов маленький ключик и протянул мне.

— Там, во втором ящике комода, есть ящичек. Пожалуйста, поверните два раза ключ, раз направо, раз налево, вот так. В ящичке большой желтый конверт, сложенный вдвое... Будьте так любезны, принесите его. Право, мне так неприятно, что я должен утруждать вас. Еще немножко виски. Правда, отличное виски?

Он вскрыл конверт. Я с изумлением увидел, что он вытаскивает из него номер «L'Illustration». Неприятное предчувствие зашевелилось во мне.

— Вот это должно быть для вас очень интересно, господин профессор Жерар, особенно, исключительно интересно — для вас.

И опять он противно захохотал.

— 25-го июля 1913 г., — заговорил он снова, развернул номер журнала и стал читать подпись под большой

фотографией на первой странице, — президент совета министров г. Луи Барту, министр народного просвещения, посетил Collège de France. Я ведь говорил вам, господин профессор, этот номер должен быть для вас особенно, исключительно интересен.

Я встал.

— Дайте мне, — сказал я.

— Э-ла-ла! Потихше, несчастная моя нога! Фотография, господин профессор, очень хорошая фотография. Можно всех узнать, ну, почти всех. Вот министр. Рядом с ним г. Леон Барту, директор его канцелярии, г. Морис Круазэ, заведующий. А за тем господа Гадамар, профессор аналитической механики и небесной механики, Морель Фатю, профессор языков и литературы южной Европы, и, наконец, очень отчетливо виден, хотя его и не совсем можно узнать, г. Фердинанд Жерар, профессор кельтского языка и литературы... Ай, ай, ай!

Он откинулся к спинке кресла и хохотал во всю глотку.

— Замолчите! — сказал я гневно и с угрозой.

Он не слушал, попрежнему хохотал во-всю.

— Нет! нет! — наконец проговорил он. — Вы представить себе не можете, как я перепугался, узнав, что вы — профессор кельтского. Когда я теперь об этом думаю, мне хочется кричать, танцевать, позвать этого славного г. Ральфа, чтобы он выпил с нами. Я довольно бегло говорю по-гаэльски, дорогой мой профессор, но вот по части корней, синтаксиса, литературы — пас! Не мог осилить. Я думал, что уже разоблачен. Я бегал от вас, как от зачумленного. Но эти чортовы обеды! Мы встречались во время обедов, и я все время боялся, что вот-вот, вы мне предложите маленький филологический турнир. Господи, как вы отравляли мне существование своим присутствием. Но, я думаю, вы и сами были во власти таких же приступов страха?... Нет, нет, нет, никогда не видел я ничего более смешного.

— Кто вы? — спросил я беззвучно.

Он лукаво на меня поглядел.

— Я не вижу никаких затруднений сказать вам, если только вы уже и сами не догадались. И нам совершенно нечего бояться нашей взаимной конкуренции, потому что цели у нас — общие. Но сколько потеряно зря времени! Ах, у наших правительств нет более тесных связей...

— У наших правительств?

— Перестаньте ребячиться, — сказал он.

Он достал листок бумаги, отвинтил головку у пера и написал. Я прочитал:

Уильки Джойс, главный инспектор королевской ирландской полиции.

— Будьте так любезны, бросьте этот лоскуток бумаги в камин и последите хорошенько, чтобы он сгорел. Такая штука не должна валяться тут, раз не имеешь особого желания проснуться в одно прекрасное утро и почувствовать над собою три фута доброй ирландской земли.

Я сделал, как он сказал.

— Теперь ваш черед, — сказал он, когда я снова подошел к нему.

— Мой черед?

— Ну, конечно, господин Жерар, ваш черед. Кельтский язык уж не по сезону, я только что подал вам пример. Вас зовут?

— Корентэн, — пробормотал я, — Корентэн Пейрад.

— Вот перо, — сказал он, — напишите.

Нельзя себе вообразить, как это трудно выдумать, тут же на месте, какое-то имя, когда в тебя впиваются два острых, как сталь, глаза.

Я никак не мог. Немножко книжная ассоциация идей заменила мне фантазию.

«Только бы это животное, — подумал я, водя пером по бумаге, — только бы он не учился французскому языку по «Человеческой Комедии».

— Корентэн Пейрад, — прочитал г. Уильки Джойс, — это великолепно. Ну-с, господин Пейрад, вы представить себе не можете, какое удовольствие мне доставляет эта идея: ведь мы можем работать вместе с вами.

Он указательным пальцем дотронулся до своего лба, потом до моего.

— Ваша тайна умрет вот здесь, и моя должна умереть вот тут. Когда ходят за нами по пятам такие вот молодчики, как этот милейший г. Ральф, мы оба заинтересованы в том, чтобы возможно реже называть друг друга нашими настоящими именами. До 24-го апреля мы остаемся, вы — профессором Жераром, а я — д-ром Грютли. Впрочем, еще один вопрос.

— Что?

— Вторая Канцелярия или Общественная Безопасность?

— Что такое?

— Может быть, вы считаете меня за простачка, — сказал очень любезно д-р Грютли, — и хотите удостовериться, знаю ли я, что служба политической полиции в настоящее время сосредоточена в двух различных органах: один подчинен военному министерству, другой — министерству внутренних дел. Удовлетворены вы теперь? Повторяю свой вопрос: принадлежите вы ко Второй Канцелярии или к Общественной Безопасности?

— К Общественной Безопасности.

Он сильно пожал мне руку.

— Дорогой коллега, я предпочитаю это, нет у меня никакого вкуса ни к военным людям, ни к их методам действия. Он потер руки.

— Знаете, я думаю, мы вместе сделаем хорошее дело. Но еще раз говорю, наши правительства должны бы взаимно

осведомить одно другое о возложенных ими на нас миссиях. Ведь так могло бы случиться, что мы стали бы действовать вразрез, мешать один другому... Что за каша! Если и в области военных дел то же, что у нас, я, право, удивляюсь, что кайзер до сих пор еще не водворился в Букингэме.

— Могу я, в свою очередь, задать вам один вопрос? — спросил я.

— Пожалуйста.

— Как вам удалось раскрыть мою личность?

Он улыбнулся.

— Это азбука нашего искусства. Кстати, позволю себе сказать вам, вы довольно плохо скрывали свою игру. Никогда вас не было в замке. Все время где-нибудь. Раз вас даже не было целую ночь. Сознаться, странное поведение для профессора. Не скрою от вас, я разрешил себе заглянуть к вам в комнату. Ни книг, никаких начатых работ, никаких намеков. Вот посмотрели бы на комнату профессора Генриксена или даже барона Идзуми. Словом, я стал подозревать. Я написал в нашу специальную службу, чтобы мне достали какую-нибудь фотографию профессора Жерара, — и вот вчера утром получил этот номер «L'Illustration». Можете себе представить, как я хохотал.

— Почему вы знаете, — сказал я с некоторой досадой, — может быть г.г. Генриксен, Идзуми и Гарвей также принадлежат к полиции?

— А вот, вот и вот, — ответил он, вынимая из желтого конверта разные бумаги. — Я постарался получить и их фотографии. Я простер свою профессиональную любознательность даже до того, что выписал себе и фотографию этого странного сенатора Баркгильпедро, который все откладывает свой приезд сюда. Вот, хорошенько взгляните в его портрет. Таким образом мы сразу будем осведомлены на его счет, как только он появится.

— Считаете вы необходимым сообщить мне что-нибудь относительно подготовляющихся событий? — сказал я.

— Полагаю, вы знаете не меньше моего. Ужасно в моем положении не то, что трудно собирать сведения, но что совершенно невозможно убедить высокие места в важности этих сведений. Правительство, и в Лондоне, и в Дублине, не желает верить в восстание, потому только, что оно готовится совершенно открыто. Напрасно я даю все большие подробности, все более точные сведения, — ничего не помогает. Ваше присутствие здесь доказывает мне, что французское правительство на этот счет более прозорливо, чем британское. Сказать откровенно, я бы этому не поверил. Но оно прозорливее, таков факт, и оно совершенно право. Понимаете вы, восстание — ведь это означает, что сто тысяч английских солдат будут двинуты в Ирландию, значит — предлог посылать вам подкрепления лишь по каплям.

— Это восстание разразится непременно 24-го февраля?

— Это совершенно точно, как нотная бумага. Посмотрите, как иногда случай помогает негодяям. Это происшествие Донегаля — его точно нарочно сфабриковали для этого дела. Вожак революционного движения должны ему вот какую поставить свечу за то, что он назначил сроком пасхальный понедельник, а не какой-нибудь другой день. В самом деле, обратите внимание, во-первых — два праздничных дня позволят — и это уже сделано — созвать волонтеров на маневры, не возбуждая внимания, во-вторых — в эти два дня офицеры и чиновники будут на две трети не на своих постах. О, могу вас заверить, славная это будет штука!

— Верите вы в то, что движение станет общим?

— В это — нет. Будут волнения в Уэсфорде, в Кэрри, может быть, в Корке. В Дублине, например, дело будет горячее, обещаю вам.

— Верят ли главари движения в успех своей попытки? — спросил я.

Г. Джойс, иначе — Грютли, показал жестом, что сомневается.

— Не знаю, — сказал он, — но я не считаю их такими детьми.

— Но в таком случае, как же могут они итти на дело, когда почти уверены, что оно будет им стоить жизни?

Он пожал плечами.

— Чтобы заставить о себе говорить. Видно, что вы не знаете ирландцев.

— Заставить о себе говорить, — сказал я, — это можно перевести и так: возбудить общественное мнение?

Он с иронией поглядел на меня.

— Право, словно я опять имею дело с профессором Жераром. Ваши точки зрения, дорогой мой коллега, чрезвычайно интересны, но поберегите их для завтрашних разговоров за столом. Я уверен, полковнику доставит настоящую радость поговорить об этом с вами. А сейчас не предпочли бы вы узнать, что я делал, час назад, там — на вершине моей сосны?

Я покраснел. Этот человек видел Антиопу в объятиях г. Ральфа. Уже за одно это был он мне так ненавистен. Но я был у него в руках, и мне приходилось хитрить с ним.

— Надеюсь, вы не думаете, — сказал он, мигая глазами, которые вдруг заблестели похотливо, — что я забрался туда лишь за тем, чтобы наслаждаться этим зрелищем: хорошенькая женщина в объятиях красивого парня? Мне это начинало немножко надоедать, потому что вот уже восемь вечеров проделываю я это маленькое путешествие на вершину скалы, и каждый раз повторяется все та же сцена, что сегодня вечером, только иногда с несколько более нежными, хе-хе-хе, вариациями.

— Но в таком случае, какая же у вас цель? — спросил я, стараясь казаться совершенно бесстрастным.

— Ах, дорогой мой коллега, да все та же цель, что и у вас. Чтобы как можно меньше терять из виду этого любезнейшего господина, которого зовут Ральфом. Поверьте мне, куда лучше следить за ним, чем быть под его надзором. Да зачем я буду вам рассказывать? Вы же сами были там наверху, значит, вы также знаете, что если можем мы собрать какой-нибудь интересный материал, то только путем наблюдения за г. Ральфом.

— Кто этот Ральф?

— Конечно, не переодетый принц. Эта маленькая обманщица графиня Антиопа ищет в его объятиях, конечно, не тех прелестей, какие дает знатное происхождение. Тут иное, поверьте мне, такого сорта, что я весьма бы не хотел получить от него удар кулаком.

— Какая у него роль в подготовляющемся движении?

Д-р Грютли похлопал меня по плечу.

— Ну, слушайте, это уж нехорошо. Вы пробуете меня испытывать. Точно вы сами не знаете всего этого совершенно так же, как я. Точно вы не знаете, не хуже моего, что граф д'Антрим — душа шин-фейнеров. Но этот доблестный синьор парализован. Ну, так вот, что он замышляет, — Ральф исполняет. Вот тайна того важного значения, которое приобрел этот бывший грум, потому что, дорогой господин Жерар, любовник графини Кендалль начал грумом в замке Дэнмор, каких-нибудь двадцать лет назад. С тех пор он, как видите, сделал карьеру. Да, чорт возьми, домашняя прислуга возвышается быстрее, чем полиция!

— Я устал, — сказал я, — хочу спать.

— Разрешите мне не провожать вас, я в самом деле думаю, что растянул себе связки. И так, до завтра, дорогой коллега. Все хорошо, что хорошо кончается. И не забудем оба, что в наших интересах итти рука об руку.

Он приложил палец к губам.

— Шш!

* * *

Я не спал. Я даже не ложился. Бледная заря заглянула ко мне в окно. Яростно дул ветер. Дождь лил, как из ведра.

Около девяти часов я спустился вниз. На лестнице я встретил Антиопу.

— А вы забыли, — сказала она, — что мы условились выйти вместе, в половине девятого.

Я сделал уклончивое движение.

— Я думал, в такую погоду...

— А вы боитесь ветра и дождя?

Она прибавила:

— Но, может быть, вам кажется, что сделать эту прогулку — это только понапрасну утомлять себя?

Я серьезно поглядел на нее.

— К чему такие фразы, — сказал я.

— В таком случае, идите переоденьтесь. Согласитесь, вы не так одеты, чтобы карабкаться по скалам. Посмотрите на меня.

Она была в высоких башмаках и вся закутана в резиновый плащ. Тонких волос не было видно под беретом.

— Жду вас, — сказала она.

Через десять минут я вернулся.

Мы спустились к берегу и все утро бродили вдоль моря. Дождь лил, не переставая ни на минуту. Но мы почти не замечали его: был ветер, брызги от волн.

Первую половину этой сумасшедшей прогулки Антиопа была весела, как-то странно весела. Но даже самыми мучительными усилиями я не мог заставить себя отвечать на эту веселость. По боязливым вопросительным взглядам, какие она несколько раз бросала на меня, я понял, что она

видит и эти мои усилия, и их безрезультатность. Обменивались мы какими-то, для обоих незначительными, словами. Мы знали, что не можем обмануть ими друг друга. Когда ложь так очевидна, она уже и не ложь.

Скоро мы перестали мучить себя разговорами. Дойдя до скалистого мыса, врезавшегося в море, мы взобрались на него. На высоте ста метров скала образовала что-то вроде скамьи. Мы сели на нее. Там час, может быть — два, присутствовали мы при яростной борьбе между морем и ветром. Под черным небом громадные, зеленоватые валы стиснутыми рядами шли приступом на нашу крепость. Хлопья ноздреватой желтой пены таяли у наших ног. С трагическим, хриплым криком взлетали подле нас чайки, так близко, что, кажется, мы могли бы схватить их руками. Мы видели, как они отчаянно боролись со шквалом, чтобы удержаться на месте, потом сдавались, и ветер мчал их на своих черных крылах, точно оторванные от парусов тонущего корабля лоскутки...

— Какой ужас!

Я вздрогнул. Взглянул на Антиопу. Она обхватила голову руками и была неподвижна. Я расслышал, как она тихо повторила:

— Какой ужас!

— Что с вами? Скажите!

Она не ответила, и я не смел настаивать. «К чему?» — сказала бы она мне, конечно. Да если бы она и заговорила, если бы даже поведала мне свое горе, свой позор, — что мог бы я сказать в утешение, когда стоило мне только представить её себе на секунду в объятиях Ральфа, чтобы почувствовать к ней лишь одну ненависть.

В третий раз сказала она:

— Какой ужас!

Как мог этот человек, этот лакей приобрести над нею такую чудовищную власть? Вспоминалась мне маленькая

амазонка из Э-ле-Бэн, этот ребенок, словно вошедший в жизнь с хлыстом в руке. И жизнь покорила ее.

— Пойдемте домой, — сказала Антиопа, и в голосе ее была раздирающая душу скорбь.

Мы спустились со скалы. Антиопа так сильно дрожала, что несколько раз я должен был поддерживать ее, почти брать ее в объятия.

Через полчаса, не сказав по дороге ни слова друг другу, мы были в замке. Вместе поднялись мы по парадной лестнице. Я машинально довел графиню Кендалль до двери ее комнаты.

Когда я уже хотел уходить, Антиопа схватила мою руку. Голос у нее упал, прерывался.

— Что бы вы потом обо мне ни узнали, поклянитесь, что вы не будете меня обвинять.

Она вся дрожала, в глазах была мольба. Значит, она смутно чувствовала, что я угадал ее унижительную тайну. Мог ли я все еще винить ее? Напротив, не воспользоваться ли случаем, который она так неожиданно мне дала, и не положить ли конец тому отвратительному ложному положению, в котором живу я вот уже месяц? Да, наступила минута сказать Антиопе всю правду. В конце концов, если я лгал, если выдавал себя за другого, — сделал я это лишь для того, чтобы увидеть ее. Может ли женщина не понять этого, остаться равнодушной? И вместе с тем я приобрету свободу, я получу возможность открыть тот отвратительный союз, который связывал меня с подставным доктором Грютли. Я разрушу угрозы, готовившиеся с этой стороны.

— Выслушайте и вы меня, — сказал я ей, и сам задрожал от необычайнейшего волнения, — выслушайте. Предположите, что кто-нибудь воспользовался не принадлежащим ему именем, чужим званием...

Она резко вырвала свою руку.

— Замолчите, — прошептала она.

С ужасом глядел я на нее.

— Предположите... — попробовал было я продолжать.

— Замолчите! — повторила она, и от звука ее голоса я весь похолодел.

Она шаталась, прислонилась спиной к двери, скрестила руки.

— Молчите! Молчите!

Я сделал движение, чтобы взять ее руку, она стремительно отворила дверь и убежала к себе в комнату. Я остался один в коридоре.

* * *

За завтраком мы читали ответы, полученные профессором Генриксенсом, например, ответы канцлера Горчакова и кардинала Рамполлы.

Кроме того, полковник Гарвей сообщил нам письмо сенатора Баркгильедро, еще раз извинявшегося, что не приехал. Ему пришлось побывать в разных местах, чтобы добыть необходимые для работ документы. На конверте был штампель Монте-Карло.

— Сегодня — 15-е апреля, — сказал полковник Гарвей. — Будет ли он здесь к пасхальному понедельнику? Не смею на это надеяться. Осталось всего восемь дней! «Еще целых восемь дней!» — подумал я.

Когда завтрак кончился, д-р Грютли, сильно хромавший, попросил меня помочь ему подняться наверх, в его комнату. Страх, который он внушал мне в качестве специалиста по кельтским наречиям, сменился теперь чувством сильного отвращения. Но я все-таки подумал, что благоразумнее будет исполнить его желание.

Как только он уселся у себя, он счел остроумным опять приняться за свои вчерашние пошлые шутки.

— Несмотря на то, что у меня — растяжение связок, да, да, я растянул себе связки, — я великолепно позавтра-

кал. Поймите вы меня: ведь, я в первый раз не боялся, что вот вы сейчас начнете декламировать стихотворение Томаса Мура и попросите меня продолжать его. Признайтесь, ведь и вас всегда мучил такой же страх? Да признайтесь, это так потешно!

— Разрешите мне уйти.

— Нет, не прежде, чем попрошу вас об одной услуге.

— В чем дело?

— Вы сами видите, я совершенно лишен возможности выйти из дому, и виноваты в этом вы.

— Я виноват? Не я же сбросил вас с вашего дерева.

— Конечно, но ваше неожиданное появление вынудило меня на него вскарабкаться. Вы, так сказать, только переместили свою ответственность, — но это не освобождает вас от нее.

— Пожалуйста, говорите скорее, я спешу. Еще раз, в чем дело?

Д-р Грютли пристально поглядел на меня.

— Вы, вероятно, женаты, дорогой господин Жерар?

— Женат? Нет, но почему вы спрашиваете об этом?

— Ну, а я, увь, женат, — и он смешно поднял глаза к небу. — Но, сами понимаете, — он как-то криво усмехнулся, — это не мешает мне иметь, ну как бы это сказать? — подружку.

— С чем вас и поздравляю.

— Ангел, дорогой мой, сущий ангел. Стоит взглянуть только на Дездемону Паркер, чтобы ее полюбить. Глаза — синее лейб-гвардейского мундира. И какая душа! Какое сердце!

— Я, кажется, уже сказал вам, что спешу...

— Перехожу к делу, сию минуту. Я питаю к Дездемоне Паркер самые нежные чувства, каких она заслуживает, и вы можете себе представить, как мне тяжело было с нею расстаться. Ну, так вот, дорогой мой, уже месяц я пишу

ей каждый божий день. Но сегодня я прикован к комнате...

— Ну?

— Я хочу просить вас отправить по ее адресу телеграмму. Я буду у вас в долгу.

— Благодарю. Но ведь самая близкая почтовая контора — в Трале...

— Знаю. Я и прошу вас быть так бесконечно любезным и съездить в Трале.

Вместо ответа, я показал ему на окно, в стекла которого хлестал дождь. Парк тонул в густом тумане.

— О, маленькая буря, и только. Еще десять минут, и засверкает радуга. И потом, на что же экипажи графа д'Антрима? Милейшему Джозефу доставит удовольствие услужить вам. Туда и назад — это каких-нибудь два часика.

Больше всего бесила меня та развязность, с которой этот зловредный человечек распоряжался мною. Но мог ли я в чем-нибудь отказать тому, у кого в шкафу лежит фотография профессора Жерара?

С самым угрюмым видом я ответил, что согласен.

— Повторяю, я вам тоже пригожусь. Потому что, ведь, и у вас, конечно, есть подружка, и нужно время от времени посылать ей телеграмму?

Он подмигнул мне.

— Надеюсь, мы понимаем друг друга?

Он протянул мне уже написанную телеграмму: он ни на минуту не сомневался, что я соглашусь.

Когда я уже выходил, он опять позвал меня.

— Шш, закройте дверь. Больше всего восхищает меня в нашем приключении мысль, что Лозанна не так уж далека от Парижа. Профессор Жерар и д-р Грютли знакомы друг с другом, можете быть в этом уверены. Два столь знаменитых кельтоведа не могут не знать друг друга. Подумайте

только, пока мы здесь так мило беседуем, может быть и они тоже сидят вместе, в Париже или в Лозанне, и обсуждают какую-нибудь захватывающую проблему филологии! Разве не потешно? Да смейтесь же! Смейтесь!

— Идите вы к чорту, — прошептал я, с силою хлопнув за собою дверь.

Четверть часа спустя Уилльям вошел ко мне в комнату и сказал, что лошадь подана.

— Нужно торопиться, ваша честь, если хотите вернуться засветло.

У под'езда ждал кабриолет. Я быстро вскочил в него. Не успел я сесть, как лошадь тронула и побежала рысью. Еще мгновение, и мы были уже за оградой парка.

Тут я с удивлением и тревогою заметил, что правит г. Ральф.

Я счел нужным поблагодарить его.

— Мне, право, так неприятно, что я...

— Это для меня удовольствие, господин профессор.

Он говорил своим однозвучным голосом, не отрывая глаз от прямых ушей лошади.

Прошло минут десять. Все так же не глядя на меня, г. Ральф спросил:

— Вероятно, я должен отвезти господина профессора в почтовую контору?

— Да, — ответил я машинально.

И вдруг я вспомнил, что никому не говорил, зачем еду. Я сразу сообразил, что лучше играть в открытую.

— Почему вы угадали, что я еду в почтовую контору?

Г. Ральф, вместо прямого ответа, спросил:

— Господин профессор, вы лично знакомы с мисс Дездемоной Паркер?

— С мисс Дездемоной Паркер?

— Если лично с ней незнакомы, как я склонен думать, вы, вероятно, очень удивитесь той разнице, какая есть между

ее подлинной физиономией и тем образом, какой вам рисуется. Да, очень удивитесь.

— Я не понимаю, скажите яснее.

— Охотно. Мисс Дездемона Паркер живет в Лондоне, улица Уордур, 47, — это тот адрес, по которому вы любезно согласились отправить телеграмму. Но там лишь ее холостая квартира, вот именно, это слово тут как нельзя более у места. А настоящая ее квартира — в Уайтголле, точнее — в Скотланд-Ярде. Прибавлю, что мисс Дездемона Паркер шести футов росту, у нее рыжие усики и обыкновенно хорошенький браунинг в правом кармане ее куртки, а трубку свою она предпочитает набивать табаком Navy-Cut. Наконец, как настоящее имя д-ра Грютли — Уильки Джойс, так настоящее имя мисс Паркер — Джон Джиллкрест.

Он говорил все тем же своим спокойным голосом и не переставал следить за ушами лошади.

Я достал бумажник.

— Вот телеграмма, — сказал я очень просто.

Г. Ральф остановил экипаж и взял протянутую мною телеграмму.

— Благодарю вас, господин профессор, — с достоинством сказал он.

— Поверьте мне... — начал было я.

В первый раз поглядел он на меня. В ледяных его глазах сверкнула ирония.

— Пожалуйста, господин профессор. Конечно, вы отнюдь не были обязаны подозревать, что среди гостей их сиятельства могут быть шпионы.

Мне было досадно, что я нахожусь перед этим страшным человеком в таком смешном положении. И все-таки, как это ни странно, несмотря на жестокое воспоминание о полунагой Антиопе в его объятиях, я не испытывал к г. Ральфу настоящей ненависти. Об этом говорил только ум. Но

в сердце у меня, я чувствовал, была к нему какая-то смутная симпатия.

В эту минуту я был готов во всем ему признаться. Увы! Не значило ли это вместе с тем открыть Антиопе ту жалкую уловку, благодаря которой попал я в замок? А еще в это самое утро я так ясно видел, с каким ужасом встретила она мою робкую попытку открыть ей правду... И еще раз я поддался трусости, промолчал. И сейчас еще дрожу я от мысли, что, может быть, это молчание стоило мне счастья.

Экипаж все еще стоял по левой стороне пустынной дороги. Ветер качал на сером фоне неба ветви деревьев, кое-где покрытых уже тощими почками.

Дождь звонко стучал по верху кабриолета.

Г. Ральф, не читая, отдал мне телеграмму.

— Я не могу позволить себе, господин профессор, познакомиться раньше вас с содержанием телеграммы. Прочтите, и вы увидите, что я не ошибался.

Не без изумления я прочитал:

«Мисс Дездемона Паркер, 47, улица Уордур, Лондон. — Предложите на пасхальный понедельник торт маленькому Тэдди. Но примотрите, чтобы не было там коринки, если хотите, чтобы у Каллиргоэ были какие-нибудь шансы выиграть предстоящее Дэрби. Весь ваш. Подписано: Станислав Грютли».

Затем прочитал и г. Ральф и после каждого слова заглядывал в вытащенную им из кармана записную книжку в черном холщевом переплете.

— Вполне ясно, — пробормотал он.

— Тем лучше, — сказал я.

Он прибавил:

— Все-таки д-р Грютли отнюдь не лишен ловкости.

— Не будет нескромностью задать вам один вопрос?

— Пожалуйста, прошу вас, господин профессор.

— Как могли вы узнать, кто скрывается под именем Дездемоны Паркер?

Г. Ральф улыбнулся.

— Если бы не иметь кое-каких связей повсюду, лучше бы и не пробовать мешаться в политику.

С этими словами он опять пустил лошадь рысью.

— Я не знаю, какой нам теперь смысл продолжать нашу прогулку в Трале?

— Что вы, господин профессор! Вот уже три недели каждый день отправляется такого рода телеграмма, и все они — с очень точными сведениями, честное слово. Разумеется, полиция его величества совершенно с ними не считается, но может быть она насторожится в тот день, когда не получит телеграммы. Ничто не должно измениться. До сегодняшнего дня я узнавал об этих телеграммах через час после их подачи. Сегодня, благодаря вашей любезности, узнал за четверть часа до подачи, вот и вся разница.

Четверть часа спустя, в самом деле, я исполнил возложенное на меня поручение, и мы уже ехали назад.

— Я сейчас только сообразил, — сказал г. Ральф, — что я допустил по отношению к вам, господин профессор, чрезвычайную некорректность. Я ведь забыл объяснить вам смысл телеграммы, а так, сама по себе она не могла вам много сказать. Позвольте исправить свою ошибку. Своей депешей д-р Грютли извещает английское правительство, что 24-го апреля в Кэрри будет спокойно. Он сообщает, и почему: вследствие оппозиции г. О'Рэйхилли всякой попытке восстания.

— Кто это — г. О'Рэйхилли?

— Честный человек, благородный. Но робкий. Он принадлежит к числу тех, которые считают, что раз движение обречено на неудачу, лучше его и не начинать. Он из числа тех, которые не знают, что в некоторых поражениях уже заложена победа. Словом, он против движения.

И так как его влиянием уравнивается влияние графа д'Антрима, в той местности чужого, — то в Кэрри, в пасхальный понедельник серьезного вооруженного восстания не будет. Это весьма прискорбно, но это так. У д-ра Грютли хорошие сведения.

Он насмешливо поглядел на меня.

— Не принимайте такого разочарованного вида, господин профессор. Мы наверстаем в Дублине.

— В Дублине?

— Да, первый выстрел в понедельник, 24-го, точно в час, когда родилась графиня Антиопа, будет сделан в Дублине, как того хочет знакомое вам, наверное, пророчество. Графиня будет иметь честь сделать этот первый выстрел. Отмены не будет, ручаюсь вам.

— Графиня Кендалль, должно быть, забыла, что приняла приглашение на вечер, устраиваемый накануне этого дня лэди Флорой, — сказал я нервно. — Трудно ей не сдержать своего обещания, не возбудив тем подозрений, и...

— Графиня Кендалль будет у лэди Флоры, — сказал г. Ральф сухо. — Она будет там, будет танцевать, если понадобится, с полковником Гартфильдом, командующим войсками в Трале, а на следующий день, в час пополудни, она сделает первый выстрел в одного из товарищей этого самого полковника Гартфильда. И вы увидите все это, господин профессор, так близко, как захотите. Сделаны уже все распоряжения, чтобы вы и ваши коллеги были на этот счет в полной мере удовлетворены.

И он с беззвучным смехом прибавил.

— И д-р Грютли в том числе.

Кабриолет в'ехал в парк. Я расслышал, как г. Ральф пробормотал:

— Да, нельзя отрицать, он не лишен смелости.

— Кто?

— Уильки Джойс, господин профессор.

— Почему вы это говорите?

— Хотите знать?

Он сразу остановил экипаж. Собрался было говорить. Потом покачал головой, улыбнулся.

— Я сказал бы это вам далеко не так хорошо, как один человек. Слушайте, господин профессор, сегодня вечером, завтра, когда захотите, — устройте так, чтобы остаться с глазу на глаз с Уильямом, вашим лакеем, и спросите его, кто это — Уильки Джойс. Но ничего больше у него не спрашивайте, иначе вы поставите нас в затруднительное положение. Впрочем, и этого вопроса совершенно достаточно: ответ Уильяма объяснит вам, почему нужно д-ру Грютли иметь не мало храбрости, чтобы находиться здесь.

* * *

— Уильям, — сказал я, — кто это — Уильки Джойс?

Мы были одни, за час до обеда, в билиардной. Я зря, не метаясь, катал шары по зеленому сукну.

— Уильки Джойс, ваша честь?

Я не видел Уильяма, не мог его видеть, потому что в комнате было темно, и только билиард был ярко освещен лампой под абажуром. Но голос Уильяма я слышал, — был он полон муки.

— Да, Уильки Джойс?

— Уильки Джойс умер, ваша честь.

— Как? Умер!

Я закусил губы. Я забыл, что мне было приказано не задавать никаких вопросов. Но милый Уильям не обратил внимания.

— Он умер; вот уже двадцать пять лет, как умер! Ах, если бы он был еще жив!

— Что бы тогда было, Уильям?

— Что было бы, ваша честь? Я убил бы его. Вы, ваша честь не знаете, что он сделал?

— Нет, Уильям.

Я расслышал в темноте вздох, похожий на рыдание.

— Что он сделал, Уильям?

Я подошел к нему, взял его за руку и подвел к кожаному дивану в почти совсем темной части комнаты. Волнение его было так сильно, что он почти не мог говорить.

— Я слушаю вас.

Слова его прерывались. На свой коротенький рассказ он потратил вдвое больше времени, чем потребовалось бы при нормальной речи.

— Я был тогда еще совсем маленьким, ваша честь.

— Говорите тише, Уильям.

— Да, ваша честь, я был совсем маленьким. Мой отец содержал в Уиклоу трактир. Он не принадлежал к революционным сообществам, но он был ирландец, ваша честь, хороший ирландец, и потому по вечерам в задней комнате его трактира собирались пять-шесть соотечественников, и он не запер перед ними двери, когда узнал, что эти юноши решили взорвать динамитом Лондонскую башню и Уэстминстерский дворец. Это было в 1885 г. Вы наверное потом слышали об этом заговоре. Заговор провалился, вы знаете — при каких обстоятельствах. Сначала задержали только одного заговорщика, Этьенна О'Грэди. Но так как было необходимо дать удовлетворение английскому общественному мнению, арестовали еще и Патрика Ивэнса, моего отца. Конечно, он был соучастником, потому, что он знал о проекте и не донес полиции. После процесса, длившегося около году, оба они были приговорены к смертной казни. Еще целый год заставили их ждать казни. А тем временем полиция продолжала искать, но ничего не находила.

— Тише, Уильям, прошу вас.

— Извините, ваша честь, что я так волнуюсь. Раз утром, в январе 1888 г., — мне было тогда шесть лет, — директор тюрьмы вошел в камеру моего отца. Этьенна О'Грэди оставил с ним. — «Завтра, — сказал им директор. — Но, если вы решились сделать заявление...» Нужно вам сказать, казнь их так отсрочивалась потому, что рассчитывали добиться от них имен других заговорщиков. Они ответили, что им не о чем заявлять. — «Вероятно, вы хотели бы исповедаться?» Они сказали, что хотели бы, а так как тюремным священником был англичанин, они выразили желание, чтобы им прислали священника-ирландца. Им ответили, что желание их будет исполнено.

— Говорите, говорите, Уильям.

— Когда наступила ночь, священник пришел. Он великолепно говорил по-гаэльски. Ни мой отец, ни Этьенн О'Грэди не могли подозревать, у них не было никакого сомнения. Что-то неслыханное!

— Несчастные! — вырвалось у меня.

— Этот священник, ваша честь, долго слушал их, сначала одного, потом — другого. Тому и другому дал отпущение. Этот священник был, ваша честь...

— Уильки Джойс!

— Да, ваша честь, Уильки Джойс. И мой отец, и Этьенн О'Грэди называли ему имена своих товарищей!

Уильям на секунду замолк.

— Продолжение истории еще ужаснее, чем начало. На утро Патрик Ивэнс и Этьенн О'Грэди были повешены. Но прежде чем умереть, они узнали правду: что они исповедывались перед полицейским, переодетым священником, и что этому полицейскому они выдали имена своих товарищей.

— А Уильки Джойс? — спросил я.

— Он получил повышение. Но раз утром, месяца два спустя, когда он, сидя спокойно за письменным столом, составлял доклад, неведомо откуда влетевшая пуля пробила

стекло окна и разбила вдребезги его чернильницу. Еще через месяц большой камень сорвался с лесов и чуть не раздавил его. Мне было всего шесть лет, так что — это не я, это товарищи. Он испугался. Его перевели из Дублина в Лондон. Было еще два покушения на него. И мы бы добились своего, если бы господь бог не судил иначе. Раз, в июле 1892 г., Джойс ехал в легком экипаже в Гринвич. Лошадь понесла, экипаж свалился в Темзу. Газеты того времени сообщили, ваша честь, как умер Уильки Джойс, — вот как я сейчас вам рассказал.

Мы молчали. В эту минуту пробил час, когда мы обычно обедали. И в тот же миг в вестибюле зазвонил электрический звонок, призывающий прислугу.

Уильям Ивэнс встал.

— Прошу простить, ваша честь. Меня зовут.

И он оставил меня одного.

Предо мною вырос тяжелый силуэт г. Ральфа.

— Узнали, господин профессор?

— Какой ужас! — пробормотал я.

Как я уже говорил, в биллиардной было темно. Но с того места, где мы стояли, были видны освещенные вестибюль и лестница.

Г. Ральф дотронулся до моей руки.

— Смотрите.

На верху лестницы показался д-р Грютли. Он спускался, прихрамывая и опираясь на руку Уильяма, тот вел его с чрезвычайной осторожностью.

— Уильям еще ничего не знает, — прошептал г. Ральф.

И прибавил:

— Скоро узнает.

Глава VIII

УЖИНАЮТ У ДОРИАНА ГРЕЯ

— «...Право, я думаю, не будь вина, — продолжал кап-
рал, — мы сложили бы свои кости в окопах.

— Капрал, — сказал мой дядя Тоби, и глаза его сверкнули, — для солдата нет более прекрасной могилы.

— Я предпочел бы иную, — возразил капрал...»

Я положил «Тристрама Шэнди» на маленький столик около кровати и, натянув одеяло до самого носа, слегка задремал. Какая странная книга! Чувствуются в ней Раблэ и Мольер, имя одного из героев заимствовано у Шекспира... Знаю это — и все-таки, несмотря ни на что, этот «Тристрам Шэнди» кажется мне книгой привлекательной и даже оригинальной. Когда я старался понять, от чего эта непоследовательность, мне припомнился подарок, который сделала мне, двадцать лет назад, в Марселе, одна блондинка с низко подстриженными волосами: игру в географические кубики. Те же самые кубики, только по разному подобранные, давали карты обеих Америк, Азии, Европы, Африки, Океании и, наконец, земного шара.

Мои мысли прервал рев бури. Уже целую неделю ветер и дождь не унимались. Теперь они как будто стали даже еще сильнее. Было такое впечатление, будто снаружи кто-то рвет ставни. В замке слышались какие-то странные тоны.

Среди всего этого хаоса освещавшая мою комнату электрическая лампочка поражала своим строгим спокойствием.

Когда все в комнате неподвижно, малейшая вещь, приходящая в движение, тотчас же привлекает к себе внимание. Так случилось и с крючком, запиравшим дверь в коридор.

Легко себе вообразить, что я почувствовал, увидав, что крючок приподнялся, принял вертикальное положение. Его приводили в движение снаружи, ключом, через скважину, на которую я до того не обращал никогда внимания. Потом сама собою повернулась медная, дверная ручка. Посредине, во всю высоту двери, зачернела какая-то темная полоса, и дверь отворилась.

Вошел г. Ральф.

Я приподнялся на постели. Он подошел ко мне.

— Что случилось? — спросил я, даже не возмущившись тем, что он без спросу, не постучавшись, вошел ко мне.

Он поднес палец к губам.

— Одевайтесь.

— Да что случилось?

— Тише...

Он показал на перегородку.

— Сосед не должен слышать.

Я встал и дрожащими руками стал искать свою одежду.

— Туфли, брюки, потом это пальто, — шептал г. Ральф. И довольно. Я не собираюсь вести вас на улицу. Идите за мной.

Я повиновался. Он тщательно запер задвижку, снаружи. У меня в комнате он не пробыл и десяти минут.

Мы спустились по парадной лестнице при свете его электрического фонарика. Мы вошли в курительную комнату. Он зажег электричество.

Я заметил, что г. Ральф был бледен. И эта бледность у такого человека, как он, испугала меня.

— Да что такое случилось? — повторил я.

— Я взял единолично на себя ответственность за то, что сейчас сделаю, — сказал он. — Но я решил, что поступить так — мой долг. Можете вы оставаться в течение часа неподвижным и ничем не выдать своего волнения, как бы сильно оно не было?

— Постараюсь.

— Вы должны обещать, иначе вернитесь к себе.

— Обещаю.

— Хорошо. Идемте.

Мы подошли к высокой двери.

— Эта дверь, — сказал г. Ральф, — в спальню графа д'Антрима. Его сиятельство спит. Я сейчас его разбуджу. Но прежде введу вас туда. У его кровати, в ногах, есть совсем темный уголок. Вы найдете там табуретку, вы сядете на нее и не тронетесь с места, пока я не дам вам знак уйти. Оттуда вы все увидите, главное — все услышите.

Он еще прибавил:

— Клянусь своею душою, его сиятельство не будет знать о вашем присутствии. Один вы услышите то, что будет там сказано. Если бы граф д'Антрим знал, что вы там, он не стал бы говорить. Он слишком боялся бы показаться разыгрывающим перед вами комедию. Вы готовы?

— Готов.

Он взял мою руку, пожал. И приотворил дверь.

Направо был виден альков, огромная кровать с колоннами и балдахином. На комод — ночник.

Я шел следом за г. Ральфом. Он показал мне, между стенкой алькова и концом кровати, место, где стоял табурет. Я бесшумно проскользнул туда, сел.

К струившемуся от ночника слабому свету прибавился еще свет. Г. Ральф зажег электрическую лампу. Но лампа была под темным абажуром и давала свет лишь очень слабый.

Все-таки я разглядел графа д'Антрима.

Казалось, он спит. Верхняя половина туловища держалась почти прямо и была прислонена к широким подушкам. Он, действительно, спал. Я видел его длинные руки, протянутые по одеялу, его белые волосы, желтые сухожилия на шее, видел и не поддающееся описанию выражение его лица, в котором были и страдание, и безмятежность.

Он приоткрыл глаза. Г. Ральф дотронулся до его руки.

— Что, Ральф?

— Я счел себя обязанным разбудить ваше сиятельство. Дело очень важное и, может быть, нельзя ждать до утра.

— Что случилось?

Лицо графа, в его живой, непарализованной части, дрогнуло.

— Ваше сиятельство, сэр Роджер здесь.

— Что ты говоришь?

— Сэр Роджер здесь, ваше сиятельство.

— Где он?

— В маленькой гостиной.

— Когда он приехал?

— В половине двенадцатого. Сейчас двенадцать.

— Видел кто-нибудь, как он вошел?

— Нет, ваше сиятельство. Он проник в парк, спустившись по скалам. Потом он обогнул замок, постучал в единственно освещенное окно в первом этаже. Это было окно в канцелярию, там, кроме меня, не было никого.

— Как он приехал?

— Его высадила сегодня вечером, около пяти часов, немецкая подводная лодка. И он прошел прямо в замок. По дороге никого не встретил.

— Сказал он тебе еще что-нибудь?

— Ничего, только то, что хотел бы видеть ваше сиятельство как можно скорее. Он ждет в маленькой гостиной, у камина; он промок насквозь от дождя.

— Позови его.

Г. Ральф покрыл плечи старика меховым пледом. Теперь выступала из темноты лишь трагическая, неподвижная голова.

Управляющий вышел.

Я не шевелился, да если бы и шевельнулся, скрип табурета, конечно, потонул бы в шуме ветра. Граф д'Антрим также был неподвижен. На столике подле него поблескивал хрустальный стакан с опущенной в него большой золоченой ложкой, вследствие рефракции — она казалась переломленной посередине.

Легкий шум. Вошел г. Ральф. С ним — тот посетитель, чей приход в этот поздний час, повидимому, так необыкновенно взволновал графа д'Антрима и его управляющего.

— Роджер! Ты здесь! Теперь!

— Милорд, милорд!

Человек, не видя стула, который подставил ему г. Ральф, упал на колени перед кроватью. Он искал руку графа. И повторял:

— Милорд, милорд!

— Успокойся, Роджер, успокойся, — сказал граф. — Оставьте нас, — прибавил он, обращаясь к Ральфу.

Я напряг весь свой слух, все свое зрение, чтобы не ускользнуло ни одно слово, ни один жест. Великая драма началась. Что бы она, эта драма, ни принесла мне, что бы ни открыла, — я чувствовал, что никакая другая ее минута не будет такой патетичной.

— Ты из Берлина, Роджер?

— Да, милорд, да, из Берлина.

— Как ты приехал? Зачем приехал?

— Я был болен, да, болен; меня поместили в больницу. Там я узнал, две недели назад, а именно, 6-го апреля, что восстание разразится в пасхальный понедельник. Я считаю, что при настоящем положении дел восстание — безумно,

нужно все сделать, чтобы ему воспрепятствовать. И я приехал.

— И германское правительство предоставило, Роджер, в твоё распоряжение одну из своих подводных лодок с единственной целью — дать тебе возможность воспрепятствовать восстанию, хотя у него столько оснований желать этого восстания? Право, если это так, я согласен с графом Планкеттом: на немецкое правительство напрасно клеветают.

Сэр Роджер ломал руки. Его голос, его движения, его глаза затравленного зверя — все выражало страшное потрясение, и было мучительно видеть это.

— О, милорд, не издевайтесь надо мною!

— Успокойся, Роджер, и объясни.

— Объяснить, милорд? Да, я скажу все. Но прежде скажите, что дошедшие до меня сведения — ложны, что это мое путешествие, которое, наверное, будет стоить мне жизни, — что оно напрасно. Скажите, скажите мне, что в пасхальный понедельник никакого восстания не будет.

— Будет, клянусь тебе.

Пришедший застонал.

— Это безумие! Безумие! — повторял он.

— Может быть, — сказал граф д'Антрим. — Но не стала ли мне изменять моя память? Не ты ли писал мне: «В тот день, когда первый наш немецкий товарищ высадится в Ирландии, в день, когда первый германский корабль с ирландским флагом на носу гордо рассекает волны Ирландского моря, — в этот день много ирландцев сложат свои головы, но они умрут в бою и с уверенностью, что Ирландия может существовать». Если же память моя ясна, если эти строки писаны действительно твоей рукой, если, с другой стороны, ты считаешь движение, которое скоро разразится, безумием, — значит, Роджер, надежды твои рухнули, значит, не привез ты нам той помощи, которую обещал, хотя мы о ней и не просили.

— Не убивайте меня! — прошептал Роджер.

— Что ты сделал в Германии? — сказал твердо граф д'Антрим. — Какие ты дал обещания? Что тебе дали?

— Я не давал никаких обещаний, — выкрикнул тот с великою скорбью, — у меня не было на то права. Я рассчитывал добиться от Вильгельмштрассе, что она изучит чаяния Ирландии, что в день мирной конференции ирландский вопрос получит международный характер, что...

— Дитя! Немцы были бы уж слишком глупы... Они наобещали тебе много хорошего. Так было им выгодно, а их одобряю. И взамен они ни о чем тебя не просили?

Сэр Роджер не ответил.

— Я слышал, — продолжал граф неумолимо, — что ты сделал попытку побудить ирландских пленных в Германии образовать ирландскую бригаду, имеющую целью сражаться, с помощью Вильгельма, только за дело Ирландии, под зеленым знаменем с золотою арфой. На немецких католических священников была возложена задача помогать тебе в этом. Скажи, Роджер, из трех тысяч наших юношей, которые находятся в тамошних клетках из железной проволоки, многие ли ответили на твой призыв?

Сэр Роджер опустил голову.

— Пятьдесят пять, — прошептал он.

— Пятьдесят пять, — повторил за ним граф д'Антрим, — пятьдесят пять. Значит, темные, безграмотные крестьяне из Мюнстера и Коннаута не поддались на удочку там, где попался ты. В то время как наши рассуждения и наша ученая казуистика вводят нас в заблуждение, — верный инстинкт народа позволяет ему не уклоняться ни на пядь в сторону от прямого пути. Но, по крайней мере, воспользовался ли ты, Роджер, тем уроком, какой дали тебе бедные ирландские стрелки?

— Да, вы видите... Так хорошо им воспользовался, что нахожусь здесь. Я хотел, чтобы здесь знали, что Ирлан-

дии нечего рассчитывать на помощь Германии, что, следовательно, восстание необходимо отложить. Рискую жизнью, милорд, пробрался я сюда.

— Конечно, Роджер, ты пробрался сюда... Но ты приехал на германской подводной лодке. Неужели же у Германии такой излишек подводного флота, что она рискует одной из лодок единственно для того, чтобы угодить тебе, — что я говорю! — чтобы дать тебе возможность прибыть сюда и воспротивиться движению, которого она должна бы желать по целому ряду оснований?

Сэр Роджер молчал.

— Ответь мне, Роджер, — торжественно сказал граф д'Антрим, — никогда еще время не было так драгоценно, как сейчас.

Тот продолжал молчать.

— Что ты им сказал, чтобы они разрешили тебе уехать, чтобы они тебе оказали в этом помощь?

— Я обманул их, — сказал тот, — я сказал им, что еду в Ирландию, чтобы — поднять там революцию.

— И они тебе поверили?

— Да, милорд, поверили, настолько, что тотчас же дали мне то, чего я у них не просил, с чем нечего мне делать.

— Что?

— Был оснащен транспорт, поднят на нем нейтральный флаг, его нагрузили ружьями и военной аммуницией.

Страшная, здоровая рука графа д'Антрима высвободилась из под мехового пледа. Я увидел ее, — и я увидел белую, негибающуюся кисть на иссохшей руке.

— Где он этот транспорт, Роджер?

— Он подходит, милорд. Он шел вместе с подводной лодкой, которая везла меня.

— Боже мой! — простонал граф.

Трагическое молчание.

— Что с вами, милорд? — пробормотал сэр Роджер.

— Что со мной, что со мной?...

Плечи его задрожали.

— Итак, Роджер, ты думал, что обманул Германию? Несчастный, несчастный! Это она провела тебя, как ребенка.

— Что вы хотите сказать, милорд?

— Что ты наделал, Роджер, что ты наделал!

— Вы сами признали, что я не мог бы выбраться из Германии, если бы сказал, что еду затем, чтобы помешать движению. Мне пришлось указать тот предлог, о котором я только что сказал вам.

— Восстание осуществится, Роджер, я уже давал тебе клятву в том, и опять клянусь. Но все то самое худшее, что только можно было сделать, чтобы уменьшить его успех, — гордись, ты все это сделал! Если этот транспорт уже в виду наших берегов, — а он, увы, должен быть недалеко, — его не позже чем через два часа захватят. Разве ты забыл, что английский флот следит за ирландскими берегами более ревниво, чем за вражескими? Ты даешь нашим противникам в руки такой козырь, за который они очень дорого заплатили бы тебе. Наше восстание против Англии отнюдь не должно было лишить нас симпатии ее союзниц; теперь, являясь союзниками Германии, мы становимся в их глазах предателями. Вот, что ты сделал, Роджер.

Тот испустил крик, полный величайшей муки.

— Милорд, милорд, я принимаю ваши упреки. Но, по крайней мере, признайтесь, что я прав, что это движение — чистейшее безумие, что не должно его быть.

— Оно будет.

— Оно будет! Чтобы говорить так, милорд, вы должны верить в его успех. Поклянитесь мне, что верите в этот успех. Если поклянетесь, я буду думать, что безумец — вы, но мое восхищение вами, мое уважение не уменьшится ни на волос. Если же нет...

— Если же нет, Роджер?

— Поклянитесь, милорд, умоляю вас. А, вот видите, вы не клянетесь! Вы не верите в успех. Но тогда как же вы можете даже думать о том, чтобы отдать такой приказ, отдать его из своей постели, — этот жестокий приказ, который скоро обратит столько юношей в груды гниющих костей, а вы сами даже не будете свидетелем их бесполезной жертвы?

— Ты говоришь со мной, как мой судья, Роджер.

Сэр Роджер не мог ответить. Скрестив руки, зарывшись головой в мех постели, он рыдал.

— Чтож, то, что ты сейчас сказал, ты имел основания сказать, — произнес граф с полным красоты грустным величием. — И ты вынуждаешь меня признаться тебе в моей страшной скорби, в скорби человека, которому его возраст, его немощи не позволяют принять участие в борьбе, им же провозглашенной, потому что он почитает ее священной, полезною, необходимую. Желаю тебе, Роджер, никогда не знать того кровавого пота, которым буду я обливаться. Приказ взяться за оружие я отдам с такою же силою и уверенностью, как если бы я сам мог носить оружие, но отдам его с великою мукою, которой ты и понять не можешь, раз говоришь так, как сейчас говорил со мною. Но я прощаю тебе. Я приписываю твоему слишком понятному возбуждению, что ты вынудил меня так оправдываться... И потом, я знаю, вдали от родной земли так быстро перестают понимать свою национальную действительность. Разве ты забыл, Роджер, тот текст, по которому учился читать? Забыл пророчество Донегаля?

Сэр Роджер поднял голову.

— Пророчество Донегаля! Милорд! — он проговорил это, точно ошеломленный. — Знаете вы, что вы приводите меня в отчаяние, что мне страшно вас! Как в одном и том же человеке — острое восприятие современности и ее идей может сочетаться с ребяческим преклонением перед старыми

сказками? Пророчество Донегаля! Эта жалкая легенда, родившаяся во времена стрелков из лука при Креси, — да что она может значить в эпоху митральез и тяжелой артиллерии? Завтра из-за этой легенды Дублин запылает. Мы будем разбиты, милорд, будем разбиты!

— Я так же уверен в том, Роджер, как и ты, и оттого скорбь, о которой я только что тебе говорил, еще ужаснее. Но, несмотря на все, кто-то выйдет из борьбы победителем, и этот кто-то — душа Ирландии. Она начинала уже меркнуть, Роджер, она начинала исчезать. Наши либералы волочили ее по английским собраниям. О'Коннель, Парнелль, Рэдмонд заставили ее утратить среди бесплодной парламентской болтовни, культ действия — сурового, возрождающего, освобождающего. Время компромиссов прошло. Нужно, чтобы время от времени народ обновлял свой союз с вековым идеалом... Когда я только что говорил тебе о пророчестве Донегаля, — не зря делал я это. Для тебя, для меня пророчество Донегаля, может быть, только символ. Для душ простых, умерших уже восемь веков назад, для душ, которые завтра пойдут навстречу смерти, повторяя слова этого пророчества, оно — действительность, более живая, чем ты, чем я, которые обречены на то, чтобы через немного часов стать лишь прахом. Нам ли, Роджер, тебе ли презирать эти простые души? Они, эти нищие духом, так ясно видели правду в тюрьмах Германии. А ты, Роджер, ты поддался обману; над тобой насмеялись, а они поняли, что ружье, которое хотят вложить им в руки, не предназначено для освобождения их родины. Они сразу почуяли западню, а ты в нее попал. Правы были они, эти нищие духом, не ты. Вот почему, в будущий понедельник, в час пополудни, когда я буду лежать здесь, прижимая рукою это старое сердце, готовое разорваться от восторга и дикой боли, — ружья моих добровольцев будут приветствовать в Дублине час, в который назначено исполниться священному пророчеству.

Сэр Роджер приподнял голову.

— Я буду с ними, милорд.

Граф д'Антрим грустно поглядел на него.

— Увы, Роджер. В этом ты ошибаешься. Не будешь, не можешь ты быть среди них.

— Не буду среди них?

— Знаю, то, чего я от тебя требую, ужасно: смерть, смерть под черным саваном, на подлой веревке, вместо смерти славных борцов, — с небом в очах. Но я знаю, ты принесешь ту жертву, какую я на тебя возлагаю, принесешь для блага этой родины, которую и ты любишь превыше всего.

— Милорд, что вы говорите! Мне страшно!

— Страшно, Роджер, но неизбежно. Слушай и пойми. Твое присутствие среди наших солдат было бы в глазах наших врагов доказательством существования союза между нами и Германией. Прошу тебя, не усмотри в моих словах какой-то ребяческой ненависти к Германии. Мои личные симпатии должны умолкнуть, когда затронуты интересы моей страны. Если бы я считал, что в данный момент Германия может сослужить нам службу, не было бы у союза с нею более горячего защитника, чем я. Но я считаю, что в данное время такой союз мог бы только нас скомпрометировать. За какие-нибудь несчастные маузеры, бросаемые им, как подачка, ирландцы не отрекутся от великой нравственной силы, какая заключена в том, чтобы самим свергнуть угнетателей. Нагой и безоружный вышел Давид против Голиафа и поразил его, потому что это было предвещено господом, — чтобы Давид победил. Но если бы он и был побежден гигантом, закованным в железо, — такое поражение покрыло бы его не меньшею славою, чем одержанная им победа. Та борьба, которую мы начинаем, не должна быть принижена до уровня какого-нибудь восстания

марокского племени, подстроенного агентами Вильгельмштрассе.

— Что должен я сделать? — сказал сэр Роджер, и еле слышен был теперь его голос.

— Ты ляжешь здесь спать, постарайся почерпнуть во сне силы, которые понадобятся тебе для твоей Голгофы. Сегодня, до зари, Ральф ответит тебя в Трале. Не нужно, чтобы знали, что ты был здесь, и что мы виделись. В Трале ты пойдешь к тем, свидетельство которых, по твоему мнению, будет иметь цену в глазах английского правосудия. Ты скажешь им о причинах твоего возвращения и о том, что с нашей стороны было бы безумием рассчитывать на Германию. Ты сделаешь все это возможно лучше. Ты не забудешь прибавить, что ружья, которые Германия нам посылает, она посылает лишь, рассчитывая нас скомпрометировать. Повторяю, ты сделаешь возможное, чтобы уменьшить то зло, какое причинил нам твой страх.

— Исполню.

Граф д'Антрим поглядел на него.

— Дай мне твою руку, Роджер, — сказал он с сильным волнением.

Сэр Роджер поцеловал протянутую ему стариком руку. Тот глухо простонал.

— Роджер, Роджер, какая это страшная вещь — долг, и как трудно его распознать! Вот мы здесь, в этой комнате, двое, и никогда не было ни у кого из нас иной мысли, как только о благе нашей родины... И смотри, с какою силою мы столкнулись...

Он качнул стоявший на столике рядом со стаканом звонок. Сэр Роджер поднялся, пошатываясь.

Вошел г. Ральф.

— Вы дадите сэру Роджеру комнату, — сказал граф. — Он должен быть в Трале не позднее пяти. Я рассчитываю на вас, Ральф, вы разбудите его во время и проводите туда.

Ральф и Роджер вышли. Я оставался в течение пяти минут один с графом. Он закрыл глаза. Исчезло на этом недвижимом лице всякое выражение. Не осталось даже и слабого следа тех усилий, которые он только что делал.

Г. Ральф вернулся, погасил электричество. В комнате, освещаемой лишь ночником, стало опять совсем темно.

Он подошел к кровати, взял меня за руку, ощупью подвел меня к двери.

— Ральф, — раздался слабый голос графа.

— Сейчас, ваше сиятельство, сейчас.

Мы были в коридоре. Г. Ральф знаком пригласил меня хранить молчание.

— А теперь, — сказал он очень тихо, — идите спать. Нужно выспаться. Бессонны будут грядущие ночи. Нужно теперь спать, чтобы быть в силах их вынести.

Жестом он показал мне на следующий этаж над темным сводом лестницы. Необыкновенно ласковая улыбка на секунду озарила его четырехугольное лицо.

— Берите пример с нее. Она спит.

* * *

В эту ночь, 23-го апреля, была сделана основательная брешь в запасах шампанского лэди Арбэклъ. С десяти часов танцевали. За стол сели около часу. Было уже около трех.

За ужином собралось человек сорок. На лэди Флоре было лиловое бархатное платье, на Антиопе — черное бархатное, слегка перехваченное у бедер поясом из серебряных трилистников.

Мы слушали, что говорил комодор Розель Тауэр. Он командовал морской базой в Трале и теперь передавал подробности дела, которое уже два дня волновало общественное мнение.

— Значит, этот транспорт имел определенное намерение выгрузить свой груз в бухте Трале? — небрежно спросила лэди Флора.

— Совершенно верно, сударыня. Впрочем, его командир очень быстро сознался в этом. Экипаж не оказал никакого сопротивления ни тогда, когда мы предложили ему подчиниться формальностям осмотра, ни тогда, когда истинный характер груза был выяснен. У офицеров и матросов был угрюмый и решительный вид людей, которые стоят лицом к лицу с неприятной обязанностью и которым хочется поскорее с нею покончить.

— Во всяком случае, комодор, — сказал Реджинальд, — что была за странная идея — отправить этот корабль в Куинстоун! Если бы вы просто задержали его в порту Трале, у экипажа не было бы возможности его взорвать.

— Это не идея, дорогой мой, но приказ от Адмиралтейства, — приказ этот был дан, как только Адмиралтейство узнало о захвате «Од», — так зовут этот транспорт. И я повиновался приказу. «Од» был взорван в тот момент, как входил в порт Куинстоуна, при чем весь экипаж предварительно и в полной безопасности был спущен в шлюпки.

Барон Идзуми поднял руку, как всегда делал, когда хотел говорить.

— Разрешите вы мне один вопрос, господин комодор?

— Прошу вас.

— Какой смысл для правительства его величества короля британского в том, чтобы позволить этому судну взорваться?

— Какой смысл, милостивый государь? Вы шутите! — сказал комодор Розель Тауэр.

— Я выражаюсь вполне точно, господин комодор: какой смысл?

— В наших интересах было — ни в коем случае не дать этому кораблю исчезнуть. Напротив. Причину нужно видеть в недостатке наблюдения.

— Англия — это нация, у которой не в обычае такого рода упущения, — сказал, отчеканивая слова, барон Идзуми. — Когда неприятельские суда, находящиеся под ее наблюдением, взрываются у нее в руках, в таких случаях вполне извинительна ошибка: считать этот недостаток бдительности умышленным. Прошу вас, господин комодор, меня извинить.

Моим соседом был д-р Грютли. Он толкнул меня тихонько локтем.

— Ге-ге! — пробормотал он мне с улыбкой, — вот человек, которого вам было бы выгодно иметь посредником в истории Фашоды. К счастью, впредь такого рода недопонимания немислимы между двумя нашими нациями. Теперь его черед... Ну-ка, какую преподнесет он нам глупость?

Эта любезность была сказана по адресу красивого полковника Гартфильда. Я имел возможность заметить во время ужина, что доктор питает к командующему войсками в Трале уважение весьма умеренное.

— У морских войск была своя роль в этой истории, — сказал полковник, — но и у сухопутных войск также.

— Да, верно, полковник, — сказал Реджинальд, — расскажите нам об аресте Кэзмента. Эта отчаянная выходка интересует меня чрезвычайно, вы и представить себе не можете, до какой степени.

— Дело развивалось чрезвычайно быстро. Кэзмент был высажен подводной лодкой в четверг, 20-го апреля; час и место высадки — установит дальнейшее расследование. Под дождем он проходил ночь с 20-го на 21-ое где-то по деревням. Утром 21-го его видели в Трале. Он имел беседу с некоторыми лицами, — они будут еще допрошены. Наконец,

в тот же самый день, совершенно точно — в двадцать минут второго, недалеко от Ардфэрта, у старого форта Мак-Кенна, мои люди схватили его. Ему не отвертеться. Прошу графиню Кендалль простить мне это выражение, — она, может быть, несколько интересуется этим человеком.

— Вы знаете его, дорогая? — спросила лэди Флора.

— Знаю ли сэра Роджера Кэзмента? — сказала Антиопа равнодушно, даже почти весело. — Конечно. Мне случалось встречаться с ним несколько раз, до войны.

— Как это интересно! — воскликнул молодой Реджинальд. — Антиопа, вы никогда мне не говорили о нем. Почему?

— Потому что, Реджинальд, нельзя заранее угадать, на какого человека судьба обрушится — и тем сделает его знаменитым.

— Что это был за человек, этот сэр Роджер? — спросила лэди Флора.

— Самый обыкновенный, — сказала графиня Кендалль. — Кстати, полковник Гартфильд, теперь я должна просить вас меня простить: пожалуй, и правительство его величества виновато в той ненависти, какую сэр Роджер к нему питал. Кажется, он был чиновником и, повидимому, не всегда мог похвалиться добрым отношением к нему английской администрации.

— Совершенная правда, — сказал майор Стэнтон. — Кэзмент служил в нашем консульском корпусе, и не думаю, чтобы воздавали должное его заслугам.

— Ну, конечно, он, ведь, ирландец, — сказала с милой настойчивостью графиня Кендалль.

— Жестокая, — галантно вскрикнул полковник Гартфильд, — жестокая и столь же несправедливая! Вы также ирландка. Но это никогда не помешает мне заявить, потому что это — правда, — что лэди Антиопа — самая красивая женщина во всем графстве.

Д-р Грютли пожал плечами.

— Жалкий идиот, — пробормотал он.

Лэди Флора расхохоталась.

— Очень любезно по отношению ко мне, — сказала она. — Но я не ревнива, не правда ли, господин профессор Жерар? Bravo, полковник Гартфильд! Антиопа, что же вы не поблагодарите его, чего еще ждете?

— Ah, дорогой друг, она сердится на меня, — сказал полковник. — И знаете, за что? За то, что я только сию минуту, во время танцев, спросил ее: назначено ли по-прежнему на завтра исполнение пророчества Донегаля.

Д-р Грютли вынул часы.

— Без двадцати четыре, — шепнул он мне на ухо. — И пока этот обшитый галунами кретин говорит пошлости дамам, знаете, что происходит в Дублине? Четыре батальона волонтеров созваны на сегодняшнее утро, к десяти часам.

Полковник Гартфильд наполнил свой бокал шампанским и чокался с графиней Кендалль.

— Ну, так как же? На завтра? — повторял он, до того нравилась ему его шутка. — На завтра?

— Ah, полковник, перестаньте вы приставать к Антиопе, — сказала лэди Флора. — Лучше похвалите мой северский сервиз, я только что получила из Парижа.

— Сервиз очаровательный, — раздалось со всех сторон.

— Это — милое внимание со стороны моего друга Анри Сегвена, отличного фольклориста; надеюсь, вы все его знаете? По моему, этот французский фарфор — по настоящему прелестен.

— Северский фарфор, — сказал майор Стэнтон, любивший в разъяснениях полную точность и техническую обстоятельность, — фабрикуется под Парижем, на фабрике того же наименования. Производством в настоящее время управляет г. Буржуа, я встречался с ним в Гааге, когда он был представителем Франции на Мирной Конференции. Когда

разразилась война, столь резко опровергшая всю его политическую метафизику, г. Буржуа, покорный голосу своей совести, удалился от политической жизни. Тогда-то французское правительство, озабоченное тем, чтобы такой ум не пропадал бесплодно, решило призвать его к управлению Севрской фабрикой.

— Вы допускаете, милостивый государь, небольшую ошибку, — заметил я.

— Всегда с признательностью принимаю всякую поправку, — сказал майор Стэнтон, с любезной улыбкой.

— Директором Севрской фабрики состоит г. Эмиль Буржуа, — сказал я, — профессор словесного факультета в Парижском университете. С г. Леоном Буржуа, хорошо известным французским политическим деятелем и пацифистом, с которым вы встречались в Гааге, у него только общего, что имя. Прибавлю, что г. Леон Буржуа, к счастью, не считал себя обязанным лишать нашу страну света своих познаний. Он в настоящее время состоит министром в кабинете Бриана и сенатором от Марны, того департамента, где производится шампанское.

— Очень интересная личность, — заметил полковник Гартфильд.

— Благодарю вас, господин Жерар, — сказал не без колкости майор Стэнтон. — И часты во Франции совпадения имен?

— Довольны часты, — ответил я и покраснел.

Ужин подходил к концу. Как это часто бывает в таких случаях, одни продолжали еще сидеть за столом, другие уже встали. Лэди Флора придвинула свой стул к моему и развязно просунула свою обнаженную руку под мою руку.

Антиопа сидела в кресле и смеялась речам полковника Гартфильда, которые становились все более нежными. Красивый офицер завладел ее рукой и покрывал ее поцелуями. Молодой Реджинальд смотрел на это удивленными глазами,

в которых ясно читалось неодобрение. Всякий раз, как рука лэди Флоры крепче прижимала мою, рука Антиопы, так по крайней мере мне казалось, сильнее прижималась к ярким губам красивого полковника.

— Вы разрешите? — сказал я хозяйке, встал и подошел к маленькому буфету, где стояла виски. Там я застал д-ра Грютли, он с религиозным благоговением пил в обществе профессора Генриксена и нескольких пехотных и флотских офицеров. За исключением доктора, вся эта компания была, показалось мне, изрядно на-веселе.

Г. Грютли взял меня под руку и показал глазами на полковника Гартфильда. Тот как раз в эту минуту начал объяснять графине Кендалль, прижимая руку к сердцу, как он был бы рад, если бы ему пришлось ее арестовать за восстание в Трале, и он освободил бы ее и бежал вместе с нею.

— Целый мир поставили бы мы между нами и всеми другими... целый мир. В сущности, я солдат — только по одежде, а в самом деле я — поэт, да, да, поэт.

— Мрачный пьяница, — пробормотал д-р Грютли. — И подумать, что он читал мои донесения, — мои донесения, сообщавшие, что восстание назначено на сегодня, в час пополудни! Что вы на это скажете? Раз приходится иметь дело с такими чудовищными вещами, право, нужно совсем особое призвание, чтобы заниматься нашим делом.

Он опять посмотрел на часы.

— Двадцать пять минут пятого. Ничего не понимаю. Поезд в Дублин отходит из Трале в шесть. Уж не думают ли они отправить нас на баррикады во фраках! —

Как раз в эту минуту к графине Кендалль подошел метрдотель, нагнулся к ней и что-то сказал шопотом.

Лицо д-ра Грютли расплылось в широкую улыбку.

— А, это наверное г. Ральф. Сама точность! А я чуть было не оказался к нему несправедлив. Смотрите, в парке, под дождем, экипажи Кендалля, и он с ними.

Он налил себе последнюю рюмку виски и залпом выпил.

* * *

Ждали два экипажа. Г.г. Генриксен, Идзуми, Гарвей и Грютли сели в первый, Антиопа пригласила меня ехать с ней во втором и сделала знак Ральфу, чтобы и он сел с нами.

Когда мы выезжали из решетки парка Клэйр, графиня Кендалль сказала:

— А я уж начинала тревожиться, Ральф. Мы не опаздываем?

— Будьте совершенно спокойны, ваше сиятельство. Мы даже выехали на пять минут раньше.

Когда наш экипаж остановился у под'езда замка Кендалль, было пять часов без десяти. Антиопа прошла прямо в свои комнаты.

Г. Ральф подождал, пока остальные четыре пассажира из второго экипажа вошли в вестибюль, и только тогда обратился к нам. Голос его был четок и почтителен.

— Господа, его сиятельство граф д'Антрим возложил на меня обязанность подтвердить вам то, что он уже лично говорил вам. Сегодня, в час, начинается в Дублине борьба Ирландии с Англией, та борьба, лойальный характер которой вы из'явили желание, от имени всех стран, удостоверить. Мы сейчас уезжаем в Дублин, господа, и нашим главою приняты все меры, чтобы тем из вас, которые пожелают предпринять это путешествие, были обеспечены наилучшие его условия.

— Мы все едем, — сказал полковник Гарвей, — само собою разумеется, за исключением сенатора Баркгильпедро. Чтобы ехать туда, нужно сначала приехать сюда.

Г. Ральф поклонился.

— Хорошо, господа. В таком случае я беру на себя смелость сообщить вам расписание, которому мы будем точно

следовать с настоящей минуты, и я позволю себе просить вас, в виду чрезвычайной краткости времени, сообразоваться с ним.

Сейчас пять часов. Вы подниметесь каждый в свою комнату, чтобы уложиться. Вы будете так любезны сойти вниз в половине шестого. У вас останется полчаса, чтобы слегка позавтракать, проститься с графом д'Антримом и выслушать его пожелания. В шесть...

— Но поезд из Трале уходит в шесть, — не мог не возразить д-р Грютли, — а до этого вокзала миль семь.

— В шесть часов, — продолжал невозмутимо г. Ральф, — мы выедем из Кендалля на автомобиле и в сорок минут седьмого нагоним поезд на Листовельском вокзале. А теперь, господа, разрешите мне удалиться, меня ждут дела.

— Отлично, отлично, — сказал мне д-р Грютли, поднимаясь по лестнице и все еще слегка прихрамывая. — Все это великолепно! А было время, когда в этом доме не разрешалось даже заикнуться о том, чтобы сесть в автомобиль. Перемены, перемены!

Я быстро переоделся. За исключением туалетных вещей, которые я уложил в маленький сак, весь остальной мой багаж был уже уложен в сундук. На него был наклеен чистый ярлык для адреса.

Я погасил электричество и быстро спустился вниз. На лестнице я спохватился, что забыл поставить обратно в библиотечный шкаф «Тристрама Шэнди»: Мне было досадно, что я не воспользовался этим предлогом, чтобы еще раз увидеть комнату, в которой провел, несомненно, оригинальнейший месяц всей своей жизни.

Д-р Грютли был уже в столовой. Барон Идзуми и полковник Гарвей скоро присоединились к нам. В руках у полковника была телеграмма, пришедшая накануне вечером: телеграммой сенатор Баркгильедро уведомлял нас, что болезнь старой тетки вынуждает его еще отложить поездку.

— Я думаю, — сказал д-р Грютли, — что он захотел удвоить — на зеленых полях различных Ривьер — деньги, ассигнованные ему на расходы по путешествию.

Никто ничего не ответил. Вошел г. Ральф с листом бумаги.

— Будьте столь любезны, господа, — сказал он, — записать на этом листе адреса, куда вы хотели бы направить ваш багаж в случае каких-либо осложнений.

Мои коллеги один за другим выполнили эту формальность. Я последним вписал просимый адрес, при чем указал Дом Печати, уверенный, что юному Лабульбэну доставило бы удовольствие позаботиться о судьбе моего жалкого сундука.

Когда я возвращал г. Ральфу лист, я заметил, что он — в форме офицера волонтеров.

— Теперь, господа, — пожалуйста, — сказал он.

Молча пошли мы за ним. Минуты были полны такой величественности, что даже д-р Грютли, показалось мне, как-то оробел.

Граф д'Антрим ждал в той гостиной, где принимал нас в первый раз. За его креслом, облокотившись о спинку, стояла графиня Кендалль. Она была в короткой юбке, открывавшей ноги в высоких желтых башмаках, и в серой куртке волонтера. У кожаного пояса, от которого шел к правому плечу тонкий ремешок, была кобура с револьвером.

Граф д'Антрим произнес лишь несколько слов. Чувствовалось, что говорит он их в предельном волнении, какое только доступно человеку.

— Господа, события, вам ведомые, наступают. Отправляйтесь туда — и смотрите. Лишь об одном прошу вас: скажите миру то, что увидите. Не нужно Ирландии ничего другого.

Он стал пожимать руку каждому из нас пяти. Когда пришел мой черед, он сказал:

— Должно быть, господин Жерар, деревья на Вилле Цветов теперь все покрылись листьями. Я любил, я очень любил вашу родину.

Наконец, обращаясь ко всем, он прибавил:

— Прощайте, господа.

И жестом показал, что просит оставить его с Антиопой. Было без десяти минут шесть.

В 6 ч. 40 м. мы приехали в Листовель одновременно с поездом из Трале. Три минуты спустя поезд мчал нас к Лимерику. Для нашей небольшой компании были оставлены два отделения. Графиня Кендалль заняла место в первом. Там же поместился я и остальные четверо. Г. Ральф вошел во второе отделение с Уильямом и еще двумя слугами замка, Джэмсом и Давидом.

Все трое, как и Ральф, как и Антиопа, были в форме волонтеров. Все — с ружьями.

В нашем отделении было тихо. Антиопа, бледная, серьезная, молчала. Д-р Грютли, стесняемый присутствием этой женщины, напоминавшей трагическую статую, не осмеливался давать волю своим обычным шуточкам.

В Лимерике он немножко успокоился. Мы прибыли на эту станцию в пять минут десятого, уезжали отсюда в четверть одиннадцатого. Графиня Кендалль уселась в зеленом бархатном кресле в помещении вокзала. В одном углу Уильям, Джэмс и Давид, сидя на скамейке, продолжали начатую в вагоне игру в карты и предавались ей с детской беззаботностью. Охраняющие вокзал английские солдаты с завистью поглядывали на них.

Д-р Грютли — я все время старался быть от него подальше, но он всегда находил меня, — взял меня под руку.

— Поглядите вы на этих болванов, — сказал он, показывая мне на стражников. — На глазах у них ходят с ружьями, которые через три часа будут разряжены в их товарищей, а они даже не удивляются. А другие играют у них

под носом в карты. А во что это они играют, эти молодчики? Кажется, я эту игру знаю.

Он подошел к маленькой группе, состоявшей из Уильяма и его товарищей. Заговорил с ними. Я видел, как они встали, краска залила им лицо, они что-то бормотали. Слов я не расслышал. Потом, не без смущения, снова сели. Д-р Грютли сел с ними. Взял карты, стал играть. Он вошел четвертым к ним в игру.

Когда пробило десять, он встал и подошел к г. Ральфу, разговаривавшему со мной.

— Надеюсь, вы ничего не будете иметь против того, что остальную часть дороги я поеду в вашем отделении? Я только что начал с этими ребятами партию, хотел бы доиграть ее.

— Как вам угодно, ваша честь, — ответил г. Ральф и поклонился.

— И хочу попробовать достать карты получше, — продолжал доктор. — Те, в которые играют ваши подчиненные, право, злоупотребляют правом карт не быть очень чистыми.

— На площади есть магазин, где ваша честь могут достать. Я должен лишь напомнить, что через четверть часа мы едем.

Доктор вышел. Почти в тот же миг г. Ральф крикнул: — Уильям!

Тот вскочил со скамьи.

— Пойдемте со мной, Уильям. Мне нужно сказать вам два слова.

Он отвел его в угол залы.

Пять минут спустя оба они вернулись. Лицо лакея было землистого цвета.

— Ступайте к вашим товарищам, Уильям.

В залу вбежал д-р Грютли, помахивая пакетиком.

Было около одиннадцати. Приникнув лицом к стеклу дверцы, я глядел на пенившиеся желтые воды Шаннона,

бежавшие вдоль полотна дороги. Потом дорога свернула в сторону от реки. Мы в'ехали в тесный гранитный коридор, который, повидимому, кончался тоннелем. Поезд несся во всю и отчаянно свистел.

Вдруг я вздрогнул. То, чего я ждал, случилось. Дверца в соседнем отделении отворилась, и почти тотчас же снова захлопнулась. Мелькнуло что-то, похожее на серый мешок, и полетело к скале, ударилось о нее. С видом полнейшего равнодушия, я опустил окно, высунулся. Но дорога сделала загиб. Я не мог уже ничего видеть.

Во всяком случае, несомненно было одно: впредь Швейцария уже не будет представлена в знаменитой контрольной комиссии.

На станции Баллипрофай, куда мы прибыли в половине двенадцатого, у нашего отделения появился г. Ральф.

— Мы прибыли, — сказал он.

Он пригласил нас выйти, мы повиновались, но были несколько смущены, — мы знали, что от Дублина нас отделяет еще довольно почтенное количество миль.

— Экипажи здесь, Ральф? — спросила графиня Кендалль.

— Здесь, ваше сиятельство.

Дождь лил, как из ведра. Во дворе вокзала ждали два человека в форме волонтеров. Они подбежали к г. Ральфу; он пожал им руки.

— Вижу, все в порядке, Джордж, — сказал он тому, который был повыше.

— Все в порядке, господин Ральф.

— Приказ о сборе?

— Отправлен сегодня утром, в четыре.

— Батальоны?

— Они должны были занять свои места в десять.

Джордж робко прибавил:

— А ее сиятельство?

— Вот она, — сказал г. Ральф, и указал на графиню.

Солдаты сняли шапки. Они были невыразимо взволнованы тем, что находятся перед дочерью д'Антрима.

— Это ваши экипажи? — спросил г. Ральф, остановившись у стоявших во дворе двух громадных автомобилей.

— Да, господин Ральф.

— Однако, голубчики мои, хороши вы! Да ведь это автомобили из Дворца.

— На счет одного вы не ошиблись. Он — из автомобилей вице-короля. Майкель захватил его сегодня утром, у входа в церковь, пока шоффер молился.

— Ход хороший?

— Через час будем в Дублине.

— Сейчас половина двенадцатого, — сказал г. Ральф. — Чудесно.

— А другой, — продолжал Джордж, — идет немножко потише, этот прибудет на полчаса позднее; это — наш автомобиль.

— Ну, хорошо, вперед, — сказал г. Ральф.

Он протянул руки.

— В первом автомобиле всего четыре места. Господа, может быть, кому-нибудь из вас не так уж важно опоздать на полчаса?

— Да я с удовольствием, — сказал профессор Генрик-сен, — я не имею никакого желания разбить себе голову ради того, чтобы выиграть несколько минут.

— Хорошо. Значит, вы сядете во вторую машину, с которой поедет Майкель. А теперь, господа, будьте любезны...

Он уже занял место около руля, рядом с Джорджем, на которого было возложено править автомобилем, захваченным у вице-короля.

Антиопа села, за нею барон Идзуми, потом я. Полковник Гарвей собирался уже сесть, но вдруг остановился.

— Но я не вижу д-ра Грютли.

Г. Ральф ударил себя по лбу.

— Боже мой, я и забыл! Д-р Грютли непременно пожелал выйти в Розкри, чтобы купить мандаринов. Напрасно говорил я ему, что поезд стоит всего три минуты.

Лицо полковника Гарвея выразило сокрушение.

— Вот, наша комиссия уменьшилась до четырех членов,—сказал он.—Как досадно; две столь важные страны, как Испания и Швейцария, будут, по вине их представителей...

Г. Ральф вежливо перебил его:

— Нужно ехать, ваша честь.

Домики маленького городка пропали из виду. Потянулась грязная желтая дорога, автомобиль бешено мчался по ней, поднимая целые фонтаны грязи.

Правая рука Антиопы перебирала агатовые четки. Медленно, мерно двигались по белой перчатке маленькие черные шарики.

— Уже! — вырвалось у меня.

Автомобиль остановился, г. Ральф открыл дверцу.

— Уже!

Покрытые слоем грязи окна не позволили нам даже заметить, как мы въехали в Дублин.

Мы вышли.

Полковник Гарвей, хорошо знавший город, говорил нам названия.

— Набережная Лиффэй, статуя О'Коннеля, Бэйчелорз-Уок.

— Прошу вас, господа, — сказал г. Ральф, — поспешим.

В одном высоком доме отворилась дверь. Управляющий сказал Антиопе:

— Нас ждут здесь, ваше сиятельство, в доме Келли. Позднее, когда будет дан сигнал, мы отправимся в Либэрти Холл.

Мы вошли в дом. Послышался радостный возглас:

— Антиопа! Дорогая моя! Это вы! Как я счастлива!

Перед нами была высокая женщина, величественной красоты, также в форме волонтеров. Она обняла графиню Кендалль и дважды поцеловала ее.

— Как я счастлива! — повторяла она. — О, раз вы здесь, с нами бог!

Г. Ральф шепнул мне на ухо:

— Графиня Маркевич.

— Не легко было приехать во-время, — сказала Антиопа. — Представьте себе, всего восемь часов назад я в бальном платье слушала любезности английского полковника.

Все в манерах, в голосе графини Кендалль вдруг изменилось. Удрученность сразу сменилась какой-то бурной радостью.

Графиня Маркевич отворила дверь.

— Господа, дочь графа д'Антрима! — объявила она дрожащим голосом.

Задвигались с шумом стулья. Сразу встали человек десять.

Мы были в большой комнате с закрытыми ставнями, скупо освещенной двумя электрическими лампами. По стенам карты. На столе, по середине комнаты, разложен громадный план Дублина. В разных местах — телефонные аппараты.

Графиня Маркевич быстро представила всех Антиопе. Г. Ральф стоял за моей спиной и повторял мне имена. И чувствовалась в нем, когда он произносил эти имена, какая-то особенная, чрезвычайная гордость. Близость борьбы делала самого молчаливого человека, какого я когда-либо встречал, почти разговорчивым.

Кларк, Эмон Кеннт, Мак Диармада и вы, Мак Донаг, и вы, Пирс, — здесь, в этой таинственной комнате, впервые услышал я ваши имена, вчера еще неведомые, которые завтра засверкают навсегда самою чистою славой.

Маленькие ирландки, под мелким дождем пробирающиеся по воскресеньям в свою деревенскую церковь, понесут все эти имена в своем требнике, отпечатанные рядом с именем Спасителя.

Каждый из них по очереди подходил к Антиопе, низко ей кланялся. Кое-кто из них уже раньше знал ее, все целовали у нее руку.

Графиня Маркевич взглянула на одного из них, державшегося немного поодаль, тонкого юношу с бледным лицом, застенчивого и гордого, с пылающими глазами.

— Господин де Валера, — сказала она, — подойдите, представьтесь графине Кендалль.

В это мгновение дверь с шумом растворилась, ударилась о стену. На пороге стоял какой-то человек.

— Ну, известно ли здесь, что без десяти час? — сказал он, — и в голосе его был какой-то радостный экстаз.

— Джэмс Коннолли! — прошептал г. Ральф.

Я знал его историю. Это он, социалистический вожь, глава Либэрти Холла — Дублинской Биржи Труда, еще раньше ирландских националистов организовал — и был этим горд, — «первую гражданскую вооруженную силу на юге Бойны». Он стоял на пороге, скрестив руки, и все его лицо горело верою.

— Хорошенько в него взгляните, господин Жерар, — шептал голос г. Ральфа, ставший каким-то свистящим. — Нигде еще, кроме Германии, не встретите такого зверя о пяти ногах — рабочего-патриота.

Он еще прибавил:

— Мы назначили его главнокомандующим наших войск. И никому из нас не придется в этом раскаиваться.

— Джэмс, подойдите, — сказала Констанс Маркевич.

Она обратилась к нам:

— Он хвастался, что будет звать графиню Кендалль не иначе, как гражданкой, согласно доброй ларкинист-

ской традиции. Ну же, Джэмс, подойдите и сдержите ваше слово!

Не без смущения подошел Джэмс Коннолли к Антиопе. Она пошла ему навстречу, первая протянула руку, и жест этот вызвал в присутствовавших улыбку, смешанную со слезами.

— Без двух минут час, — сказал Пирс.

— Господа, к вашим телефонам, — скомандовал Коннолли. — Откройте окна.

В открытые окна, выходящие на набережную Лиффэй, проник серый свет. Там, в той стороне, где был Дворец, собирались серые тучи.

— Теперь сигнал, — сказал Коннолли.

Он взял стоявшую в углу винтовку, сам ее зарядил. Потом подвел Антиопу к окну, передал ей ружье.

Часы в комнате пробили один час — тот час, в который семь пятилетий назад, 24-го апреля 1881 г., явилась на свет маленькая девочка, предсказанная за шесть веков пророчеством.

— Часы спешат на одну минуту, — сказал Клэрк.

Как раз напротив дома, на баллюстраде набережной, сидел, свесив ноги, маленький жалкий английский солдатик. Глаза его блуждали, он не видел дула карабина, направленного в него неумолимым главнокомандующим революционных сил.

Антиопа покорно исполняла, что ей говорили.

Вдруг она вздрогнула. На вершине мачты на набережной она увидела красный с белым флаг, флаг Соединенного Королевства.

Она подняла ружье выше. Раздался выстрел. Пуля пробила полотнище флага.

Со всех сторон загремели выстрелы. Бой начался.

Глава IX

ИПР НА НАБЕРЕЖНОЙ ЛИФФЭЙ

— Не могу ли я достать пластинок для моего фотографического аппарата? — спросил барон Идзуми. — У меня вышел весь запас.

Г. Ральф насмешливо ответил:

— Должно быть, магазины в этот час закрыты.

И он быстро повел нас дальше.

— Куда вы нас ведете? — спросил профессор Генриксен, с трудом поспевавший за ним.

— Туда, куда мне приказано.

Я молчал. Я не задавал никаких вопросов. Но, насколько позволяла темная ночь, силился запомнить дорогу, чтобы, в случае нужды, самому проделать ее в обратном направлении.

На востоке и юге города беспрерывно трещали ружья и митральезы. Мы направлялись на северо-запад.

Небо над нами становилось от пожаров оранжевым. От этого в глубине улиц становилось только еще темнее.

Профессор Генриксен все ворчал.

— Нас должны бы предупредить. Я в своем докладе не премину...

— Прошу вас, замолчите, — сухо сказал г. Ральф.

Мы прошли еще около двухсот метров, затем остановились возле дома — темного, тихого, как и все другие дома

на этой улице. Г. Ральф засветил свой электрический фонарик и пробормотал:

— Да, здесь.

И постучал в дверь.

— Где мы находимся? — спросил полковник Гарвей, — кажется, в районе Чэрч-Стрит?

— Да, поблизости, господин полковник, — если говорить точно, то возле № 172 по Норс-Кинг-Стрит, — ответил г. Ральф, всегда относившийся к американскому делегату с особым почтением.

В доме задвигались. Под дверью засветилась желтая полоса.

Г. Ральф постучал еще раз.

— Господин Хью! Эй, господин Хью!

— Сейчас отопру, господа, сейчас.

Послышался лязг железных засовов. Дверь приотворилась. Мы, следом за г. Ральфом, вошли все четверо в маленький магазин.

— Добрый вечер, господин Хью. Я привел к вам вот этих господ согласно повелению республиканского правительства. Не трудитесь задвигать засовы. Я сейчас же должен опять уйти.

Г. Хью почесывал голову. Трудно сказать, был ли он польщен нашим прибытием, или думал, что эта честь ставит его в затруднительное положение. Было ему лет шестьдесят, такое доброе, славное лицо.

— Надеюсь, вы были предупреждены? — спросил г. Ральф.

— Да, предупрежден, — сказал Хью, — но...

— Но что?

— Мы маленькие торговцы. И потом, мы всего какую-нибудь неделю как переехали сюда. Боюсь, этим господам будет тут неудобно...

— И я боюсь того же, — сказал профессор Генриксен, брезгливо обводя глазами лавку.

— Эти господа не требовательны, — строго сказал г. Ральф.

Он повернулся к профессору Генриксену спиной и сказал нам:

— Господин полковник, господа, вы находитесь здесь согласно инструкциям, данным г. Пирсом, председателем временного правительства. Г. Пирс считает бесполезным подвергать вас неизбежным случайностям борьбы, и помещает по соседству с Главной Квартирой. Норс-Кинг-Стрит в данный момент находится вне зоны сражения. И потому к г. Майкель Хью, собственнику этого дома, была обращена просьба оказать вам гостеприимство. Республиканское правительство, господа, заинтересовано в том, чтобы вы все время были в безопасности. Оно поручило мне просить вас не выходить из этого дома, пока оно не удостоверится, что это возможно. Завтра утром, в восемь часов я приду за вами и провожу вас к месту сражения, где вы сумеете вполне исполнить свою роль свидетелей. А пока воспользуйтесь этой ночью, чтобы отдохнуть. Может быть, следующие ночи будут более тревожны... Господин Хью!

— Слушаю.

— Надеюсь, вы приготовили для этих господ обед?

— Да, жена накрывает на стол.

— Хорошо. Должен прибавить, господин Хью, что эти господа не принадлежат к шин-фейнерам. Они даже не ирландцы. Их присутствие здесь не может причинить вам никаких неприятностей. Наоборот.

— Наоборот?

— Совершенно верно, г. Хью, — наоборот. Присутствие этих господ было бы для вас и для вашей семьи гарантией, в случае если бы, — что абсолютно невероятно, заметьте это, г. Хью, абсолютно невероятно, — если бы дела приняли не тот оборот, какой нам желателен. Больше мне

нечего вам сказать. Итак, господа, до свидания. До завтра, в восемь утра.

Он пролез через полуотворенную дверь и исчез.

Мы прошли следом за г. Хью в заднюю часть лавки, разукрашенную всякими трогательными безделушками. Г-жа Хью кончала накрывать на стол.

Это была женщина лет пятидесяти, скромная и ласковая.

— Ах, господа, господа, — заговорила она, увидав нас, — вы должны нас извинить. Муж должен был вас предупредить. Мы сделаем все, что можем. Обед сейчас будет готов. Может быть, вы хотите пока взглянуть на ваши комнаты? Ваши чемоданы уже там, ждут вас. Майкель, проводи господ в их комнаты. А ты Дэни, останься со мной, пособи немножко.

Дэни, высокий белокурый юноша, грелся у камина. Он с любопытством и не очень-то дружелюбно поглядывал на нас. Повидимому, наш приход расстроил его привычки.

Г-жа Хью представила его нам.

— Дэни, Дэни Хью, племянник мужа, господа, солдат Ирландской Гвардии, он в отпуску, и отпуск проводит у нас. Он оттуда. Его полк стоит у Ипра; ведь так Дэни?

— Да, — пробурчал сердито Дэни.

— Ну, Дэни, будь пологобнее: Вы не обижайтесь на него, господа. Сами понимаете: юноша ушел от сражения — и попал в новое сражение, а думал, что немножко отдохнет, развлечется.

Дэни сердито засмеялся.

— Вот это-то — сражение? Бедная тетушка!

— Э, дитя мое, нам, мне и твоему дяде, и такого за глаза хватит, — сказала г-жа Хью, прислушиваясь к канонаде.

— Во всяком случае, это сражение не мешает мне сейчас же пойти, — сказал он с презрительной гримаской.

— Нет, ты не сделаешь этого, Дэни.

— А вот увидите, тетушка.

— Да ты только подумай, деточка моя, что бы ты ни сделал, на улице у тебя непременно выйдут неприятности. Выйдешь в штатском, заберут тебя английские солдаты, в форме — заберут шин-фэйнеры.

Дэни засмеялся.

— Вот так и пойду, — сказал он, указывая на свою одежду.

На нем были окопные сапоги, короткие штаны и обмотки, но вместо куртки — штатский пиджак.

Часы с кукушкой зазвонили.

— Восемь! — сказала г-жа Хью. — Ради бога, простите, господа, тысячу раз, извините. Будьте любезны, пожалуйста к столу.

Начало обеда прошло в полном молчании. Было видно, что г. Хью не очень-то любит слушать, как стреляют. Лица профессора Генриксена и Дэни были угрюмы.

— Довольны вы, господа, своими комнатами? — спросила добрейшая г-жа Хью, которой всегда хотелось, чтобы все вокруг нее были счастливы.

— Очень довольны, сударыня.

— Вы очень любезны. Еще раз: вам надо извинить нас, господа, но вы же, конечно, понимаете, все это так сразу: наш переезд сюда, отпуск Дэни, эта история... Когда я, в час дня, услышала первые выстрелы, я так заволновалась... Теперь немножко пришла в себя. А все-таки, господа, какая история!

— Разбойники! — пробормотал г. Хью.

— Попались бы они мне! — сказал Дэни.

— О ком вы говорите? — спросил полковник Гарвей.

— Да о ком же еще, позвольте вас спросить, — сказал Дэни, — конечно, об этих проклятых шин-фэйнерах. Если уж такая им охота забавляться ружьями, пусть идут туда, в сторону Пассценделе или Поперинге... Там возьмут...

— Хоть бы расстреляли их всех! — сказал г. Хью.

Профессор Генриксен хихикнул своим обычным злым смехом.

— Говоря совершенно беспристрастно, — сказал он, — шин-фэйнеры, кажется мне, в Дублине куда менее популярны, чем хотели нас уверить в Замке Кендалль. Как вы полагаете, полковник?

Полковник Гарвей сделал неопределенный жест.

— Хоть бы их всех расстреляли, — повторил г. Хью, — чтоб ни один не ушел.

Добрейшая г-жа Хью всплеснула руками.

— Что ты, Майкель! Ты, такой добрый человек! Как хватает у тебя духу говорить такие вещи!

— Уж не станешь ли ты их защищать? — оборвал ее г. Хью.

— Дело вовсе не в том, чтобы их защищать, Майкель. Я согласна с тобой, ведут они себя, как сумасшедшие, и завтра по их милости много порядочных людей разорится. Но от этого еще далеко до того, чтобы желать им смерти, Майкель. В этих юношах — наша кровь, нельзя этого забывать, и они-то уверены, что поступают хорошо, с этим тоже нельзя не считаться. Не можешь же ты отрицать, все они — мальчики очень порядочные и с добрым сердцем. Ну, назвать хоть вот этого одного только: сына Барнетта, ведь он — тоже из них. А ты же знаешь, что не найти юноши более скромного, порядочного, честного, работающего.

— Э! — не сдавался г. Хью, — вот они-то и делают больше всего беспорядка, если им случится попасть в переделку.

— Вы настроены враждебно к шин-фэйнерам, — сказал я кротко, — а между тем, у вас висит, на почетном месте эта картина.

И я указал пальцем на висевший над камином раскрашенный, с позолотой, экземпляр пророчества Донегала.

Г. Хью немного запутался в своих объяснениях.

— Эта картина? Совершенно верно. Но, в конце концов, все это — дела давно минувшие. Я вовсе не хочу сказать, что я люблю англичан. Но нужно жить в соответствии со своим временем. Я купец, у меня есть обязательства. Если мой магазин простоит месяц закрытым, ведь не эти же милостивые государи шин-фейнеры внесут за меня налог за мой патент, ведь верно?

Голос его вдруг замер, — казалось, гул канонады приближается.

— Во всяком случае, не они помешают мне отправиться сейчас к О'Догерти, — сказал Дэни.

— Он совсем сошел с ума, — сказала г-жа Хью. — Уверю вас, господа, этот мальчик сошел с ума. Что ж, ты, Майкель, не слышишь, что ли? Ведь, кажется, он тебе племянник. Итти к О'Догерти! О'Догерти, господа, это его друзья, они пригласили его, когда он приехал, притти к ним запросто есть пуддинг в пасхальный понедельник, т. е. сегодня, в девять часов. Но ведь не могли же они предвидеть, что случится. Или ты думаешь, что О'Догерти ждут тебя в такое время! Да еще если бы они жили где-нибудь тут, вблизи. Но вы только подумайте, господа, их дом — там, на Гановерской улице, около доков, на самом краю города. Слышишь ты, дитя мое? Я говорю вовсе не для того, чтобы перечить тебе. Если бы Анни О'Догерти была здесь, она бы первая одобрила меня.

Дэни опустил к тарелке свое покрасневшее, упрямое лицо. Было ясно видно, что его решение бесповоротно.

Раздались два осторожных стука в потолок, мы подняли головы.

— Господи, про бедного г. Дэвиса я и забыла совсем! — вспомнила г-жа Хью. — Дэни, покажи, что не сердись на меня. Отнеси г. Дэвису чай, я не могу оставить гостей.

Дэни очень охотно повиновался.

— Г. Дэвис, — объяснила г-жа Хью, — это жилец у нас. Отличный старик, слепой. Я взялась заботиться о нем. Бедняжка не требователен. Он живет в комнате как раз над нами. Когда ему что-нибудь нужно, он стучит в пол палкой. Ну вот, теперь стучат в наружную дверь. Пойди погляди, Майкель.

— Ты полагаешь, что... — начал было г. Хью без особого энтузиазма.

— Да пойди погляди, говорю я тебе. Нельзя же заставлять стоять там на улице. К тому же, я как будто узнала голос госпожи Уальш.

Вошла г-жа Уальш. Вся ее внешность выражала величайший ужас.

— Что случилось? — спросила г-жа Хью.

— У нас только что был офицер шин-фейнеров, — ответила та. — Он дал нам совет, или приказание — это одно и то же, — уйти из нашей квартиры. Сражение развивается в сторону Чэрч-Стрит. А когда я попросила его указать нам улицу поспокойнее, он сказал: «В данный момент — Норс-Кинг-Стрит». И я сейчас же подумала о вас. Хотела прислать к вам мужа. Но на него точно столбняк нашел. Г. Уальш не мог тронуться с места. Удивительно, как действуют на некоторых выстрелы. Тогда я накинула на плечи пальто и пришла сюда. Милая Ноэми, вы не покинете нас в таком положении, правда?

Г. Хью слегка кашлянул.

— Конечно, — сказала г-жа Хью, конечно. Я сейчас вам скажу, дорогая моя Марта. У нас уже живут вот эти четыре господина, да еще старик Дэвис, да еще Дэни. Ну, конечно, я знаю, Дэни — молодой человек, он...

Кашель г. Хью стал сильнее.

— Мы будем спать в сарае, — сказала г-жа Уальш умоляющим голосом.

— Ну, в сарае, уж, конечно, нет, не можете вы спать в сарае. Ну, да вот что, перебирайтесь сюда, а там уж как-нибудь устроимся. Да постарайтесь захватить с собою как-нибудь одеял, подушек.

Г. Хью отчаянно кашлял. Профессор Генриксен, по обыкновению, зло хихикнул.

— Это не дом,—сказал он,—а каравансарай какой-то.

Г-жа Хью метнула на обоих глазами.

— А кому будет здесь неудобно, тем всегда хватит места на Чэрч-Стрит.

* * *

К себе в комнату я пришел немного позже девяти. В доме все звуки постепенно затихали, а там, на улицах, смешанные звуки боя становились все сильнее.

Около половины десятого случилось то, чего я ждал. Ступеньки лестницы тихонько заскрипели под чьими-то легкими шагами. Я широко распахнул свою дверь.

На ярко освещенной площадке стоял Дэни, очень перекофуженный, с башмаками в руках.

Я взял его под руку и ввел к себе в комнату.

— Нехорошо,—сказал я, улыбаясь,—не исполнять слова, данного вашей бедной тетушке.

— Я не давал слова...

Я жестом руки остановил его.

— По пути к О'Догерти вы, может быть, будете не очень далеко от Бэйчелорз-Уок?

— Да, не очень,—и он поглядел на меня недоверчивыми глазами.

— Хорошо. Ну так вот что, Дэни, я закрою глаза на ваше бегство, но при одном условии,—вы отсрочите на несколько минут удовольствие быть подле прелестной мисс О'Догерти и согласитесь сделать со мною маленький крюк, проводите меня до дома Кэрри, кажется так. Дом этот,

если не обманывает память, находится на углу Бэйчелорз-Уок и улицы О'Коннеля.

Он колебался.

— Ну, да, в конце концов, ваше дело,—сказал он.— Идемте. Только не шуметь. Тетка в лавке, ждет семейство Уальшей.

Пять минут спустя, перепрыгнув через низенькую стену во внутреннем дворе, мы большими шагами спускались к Кэпель-Стрит. Скоро дошли до моста Граттан. Бешено трещали ружья. В черной бурлящей воде реки отражались желтые и красные языки огня, пожирившего дома на набережной.

Оба мы машинально остановились. На секунду облокотились о перила моста.

Пламя освещало наши лица. На лице моего спутника вдруг выразились изумление и ужас, и я почувствовал, как он схватил меня за руку.

— Ипр! — прошептал он хриплым голосом,—это Ипр на Лиффэй.

Совсем близко от нас ударилась пуля и вернула нас к действительности. Мы пошли дальше.

— Если не ошибаюсь, господин профессор Жерар.

Я узнал г. Клэрка, одного из вождей движения, которому я был представлен несколько часов назад в этой самой комнате в доме Келли.

Он мирно курил сигару.

— Каково положение? — спросил я.

— Хорошо, хорошо. Мы всюду выигрываем территорию. Сэинт-Стивенс-Грин, Суд, Магистрат перешли в наши руки. Я только что имел великое удовольствие захватить двадцать пять пленных. Но у вас, наверно, есть какие-нибудь вопросы ко мне? Могу я, с своей стороны, вас спросить, зачем вы здесь?

— Мне стало скучно в комнате, предоставленной мне любезностью временного правительства. Я приехал в Ирландию за тем, чтобы видеть во всех подробностях развертывающиеся сейчас события. Спать не время.

Он улыбнулся.

— И я так думаю.

— Могу я вас спросить, где графиня Кендалль?

— Не сумел бы вам сказать совсем точно. Но вам стоит лишь отправиться на почтамт, на Сакквиль-Стрит. Там находится Главная Квартира. Графиня Антиопа, на верное, подле Пирса и Коннолли.

В вестибюле я встретил Дэни.

— Дэни, — сказал я ему, — я отправляюсь на почтамт. Но я не смею заставлять вас делать еще крюк. Вы только укажите мне...

К большому моему удивлению, Дэни отказался покинуть меня. Он точно забыл про пуддинг, а вместе и про Анни О'Догерти. Объяснение такого факта не замедлило последовать.

— Странные бывают в жизни штуки! Знаете вы, кого я только что встретил в вестибюле дома Келли, пока вы там наверху разговаривали с командиром?

— Кого, Дэни?

— Юджина и Эдуарда О'Догерти, родных братьев Анни. Сами понимаете, какой уж там пуддинг на Ганноверской улице. Вы избавили меня от напрасного путешествия, — тем, что просили проводить вас до дома Келли.

— Очень рад, Дэни. Но что же делали братья Анни в доме Келли?

— Что делали? Я чуть не упал, так это меня огорчило. Делали то, что делают все другие. Они только что вышли из боя и опять пошли. Они принадлежат к шинфейнерам, а я и не знал ничего. В конце концов, это их

дело, и должен прибавить, в некотором смысле они правы. Но онихватили немножко через край — предложили мне взять ружье и итти драться вместе с ними. Сами понимаете, плохая это шуточка для солдата в отпуску. Пойдите-ка!..

Мы вошли в переулок, параллельный Сакквиль-Стрит; здесь было совершенно темно, тихо — и эта тишина так странно противоречила яростной борьбе, кипевшей в соседних артериях.

— Поглядите, — шепнул мне на ухо солдат.

Я взглянул и увидел две тени, присевшие на корточках у железной ставни магазина. Было слышно, как поскрипывает какой-то стальной инструмент.

— Ну, нет, ну нет! — заревел Дэни.

Он сделал прыжок и схватил грабителей. Он колотил их друг о дружку и все приговаривал:

— Нет, это не выйдет! Нет, это не выйдет!

Я подоспел к нему на помощь. Но эти двое старались вывернуться. Они боролись молча, отчаянно. Бешеные крики Дэни наполняли улицу. Кто взялся бы предсказать, как кончится эта неожиданная схватка.

Кончилась она нашей победой, благодаря тому, что подоспел патруль инсургентов.

Они сразу угадали, в какую сторону направить удары своих прикладов. Они не жалели их для наших бедных противников, а Дэни торжественно рассказывал, как все это случилось.

— Захвачены на месте грабежа, — сказал начальник патруля. — Два свидетеля. Хорошо! Но, господа, вы должны итти с нами, как свидетели.

— Куда?

— В почтамт.

— Идем.

В накуренной комнате Главной Квартирѣ нам пришлось повторить рассказ о сцене грабежа. Оба мы, Дэни и я, под писали наши показания.

Я не мог удержаться от чувства восхищения перед этими революционерами; они располагали всего двумя тысячами человек, чтобы завладеть городом с двумястами тысяч населения, и все-таки находили способы для того, чтобы в разгаре борьбы исполнять обязанности правительства, уверенного в своем существовании.

Двух грабителей вывели шесть волонтеров. Почти тотчас же раздался залп.

Я вздрогнул. Буквы моей подписи в конце листа прыгали у меня перед глазами.

— Неужели уже? ... — пробормотал я.

Офицер, допрашивавший обоих растрелянных, утвердительно кивнул головой.

— Мы обязаны быть совершенно беспощадными, — сказал он очень кротким голосом. — В наших руках честь Революции. Но, простите, милостивый государь, вы, кажется, выразили желание, чтобы вас проводили к графине Кендалль?

Пока он отдавал приказание солдату, я искал глазами Дэни, чтобы поблагодарить его и проститься. Но я не мог его найти. Так как было уже более одиннадцати, я решил, что он, наверное, пошел домой спать, и больше о нем уже не вспоминал.

— Ваша честь! Ваша честь!

В коридоре, по которому вел меня, с фонарем в руках, солдат, данный мне в проводники, я увидал какой-то приподнявшийся беловатый силуэт.

Там, на матрасе, лежал человек. Когда на его лицо упал свет от фонаря, я узнал его.

— Уильям!

— Счастлив, что вижу вас, ваша честь, очень счастлив.

Он протянул мне руку, я взял ее.

— Уильям! У вас лихорадка.

— Да, ваша честь, и еще пуля в груди.

Я опустился на колени. Я весь пылал желанием спросить о ней, но, конечно, не мог сейчас же этого сделать. Нужно было сначала расспросить бедняжку о его ране.

Но он предупредил мое желание.

— Она будет довольна мною? — прошептал он, — правда?

— Кто, Уильям?

— Ее сиятельство.

— Да, Уильям, она будет вами довольна, когда узнает.

— Скоро узнает, ваша честь. Эта вот дверь — к ней в комнату. Она только что ушла с главнокомандующим Коннолли и г. Ральфом, чтобы посмотреть на бой и поговорить с ранеными. А потом и меня ранили, и я добился, чтобы меня положили вот тут, у ее двери. Она скоро вернется. Она увидит меня, она будет мною довольна.

Я сделал знак провожавшему меня солдату.

— Оставьте меня с ним.

Огонек фонаря становился все незаметнее среди движущихся теней коридора. Тьма проглотила меня и Уильяма.

Я сел на землю, прислонившись головой к стене. Я чувствовал, как понемногу начинаю засыпать. В первый раз я проснулся: голова моя лежала на подушке раненого, рядом с его головой. Я приподнялся, опять заснул, опять проснулся. Уильям бредил. Я слышал, как он бессвязно бормочет какие-то страшные слова.

— Хороший день, ваша честь, два туза и дама. Не высовывайте так язык, ваше преподобие! О, ла-ла-ла! Они оставили дверцу открытой. Теперь нельзя, нельзя запереть дверцу... О, ла-ла-ла!

И все-таки спишь, спишь, так велика усталость. Когда я проснулся в третий раз, на стенах коридора дрожали

отсветы бледной зари. Антиопа была тут. Она опустилась на одно колено. Лицо ее почти касалось моего. Она глядела на меня.

— Войдемте со мною в мою комнату! — сказала она.

Это была большая комната, заставленная полками с зелеными папками; письменный стол, наскоро принесенные походная кровать, зеркало, таз, ведро. Постель была не смята.

— Вы не ложились! — сказал я с упреком.

— Ах, у меня еще вся жизнь, чтобы отдыхать, — сказала она, и в голосе ее была смертельная усталость.

Она села, сняла свою фетровую шляпу. Я увидел ее прекрасные волосы. Они отливали золотом, точно на солнце.

— Но вы, — спросила она, — как вы оказались там, рядом с трупом Уильяма?

— Уильям умер?

— Да, — сказала она и опустила голову.

— Я пришел, потому что, кто знает... — пробормотал я, — потому что я хотел еще раз увидеть вас, потому что...

— Потому что?

Одновременно веки наши опустились...

...О, так как никогда не оставался я один с Антиопой, да будет мне позволено попробовать навеки закрепить эту мимолетную секунду счастья.

Почему вдруг прекратилась канонада среди пылающего города? Но вот, опять она начинается, эта ужасная канонада... Проходит секунда... Прошла... И уже никогда, никогда ей не вернуться.

Постучали в дверь. Вошел г. Ральф. Увидав нас, он сам весь побледнел.

Я заметил, что лоб его был в крови.

— Ральф, вы ранены! — вскрикнула графиня Кендалль.

— Пустяки, ваше сиятельство, — сказал он, — и по голосу его было слышно, как он старался овладеть своим волнением.

Он прибавил:

— Уильям умер, ваше сиятельство.

— Я уже знаю, — сказала Антиопа.

— И Джэмс умер.

Она опустила голову.

— И Давид.

Еще ниже опустилась голова графини Кендалль.

— Я пришел, — сказал с усилием г. Ральф, — чтобы сообщить вашему сиятельству, что члены временного правительства собрались внизу для доклада. Г.г. Гарвей и барон Издзуми также там. Констатирую, — прибавил он и пристально поглядел на меня, — что г. профессор Жерар опередил их.

— Пойдемте, — сказала Антиопа.

Мы пошли за нею.

Никогда не забуду я этой залы. Она была совсем пустая, но на стенах, выкрашенных голубым по белому, оставались расписания часов выемки почты, часов отправления разных курьеров.

Пирс сидел на табуретке в центре комнаты перед маленьким деревянным столиком. Он лихорадочно писал. В углу отчаянно звенел телефон, напоминая звон колокольчика на вокзале в каком-нибудь предместье. Кто-то подошел к телефону, снял трубку, звонок затих.

— Садитесь, господа, — сказал Пирс.

На всех не хватило стульев. Тогда встали все, в том числе и Пирс, и графиня Маркевич, и графиня Кендалль.

У одного окна я заметил полковника Гарвея и барона Издзуми. Я подошел к ним, вмешался в их разговор; они говорили шопотом.

За окном — дождь, порывы ветра, быстро убегающие в багровое небо дымы, и этот треск ружейных выстрелов, безостановочный, непрерывный.

— Мы сейчас с фабрики Болан, — сказал полковник Гарвей. — Мы имели возможность говорить с пленными солдатами. Они с единодушным одобрением говорят об отношении к ним инсургентов. По моему, Англии более чем трудно отказать этим людям в признании их воюющей стороной.

Я с своей стороны рассказал про ночную сцену, про казнь грабителей.

— Тише, — сказал барон Идзуми, — слушайте.

Пирс сделал движение рукой, все замолкли.

— Я должен сообщить вам, господа, подробности о положении. Лучше всего я исполню это, если прочитаю вам наше первое сообщение, которое сейчас будет выпущено официальным органом Республики, «Ирландскими Военными Новостями».

«Дублин, вторник, 25-го апреля, 9 ч. 30 мин. утра. — Республиканские силы удерживают все свои позиции; британские силы нигде не прорвали наших линий. Напряженный, упорный бой длился около двадцати четырех часов. Потери неприятеля значительно больше потерь республиканцев. Республиканские войска сражаются всюду с чрезвычайной храбростью. Население Дублина настроено определенно благоприятно к Республике, наших офицеров и солдат встречают всюду на улицах приветственными кликами. Весь центр города в руках Республики, зная которой развевается над центральным почтамтом. Большая часть путей, связывающих Дублин с провинцией, перерезана, но те сведения, которые к нам проникают, говорят, что страна поднимается».

Пирс прочитал, положил на стол лист бумаги, и поглядел на нас. Никто не произнес ни слова. Было слыш-

ком очевидно, — восстание шатается, обречено на поражение.

Тяжелое молчание нарушил настойчивый выкрик: «Да здравствует Республика!»

Это прокричал Джэмс Коннолли. Он подошел к Пирсу. Они обнялись.

Никогда еще резкий контраст между ними не бросался мне в глаза так ярко, как в эту минуту. Такому, как Коннолли, всегда всегда нужна надежда на победу. Его простая, плебейская натура нуждается в этом возбуждающем средстве. Усилие должно быть для него непременно связано с непосредственными и ощутимыми результатами.

Если этих результатов нет, он сам их себе выдумает. Такой, как Пирс, напротив, душа поэтическая, он может бороться, зная, что будет побежден. Его царство — не от мира сего. Его глаза видят дальше, чем непосредственное поражение. Он согласен не быть в числе тех, которые увидят, как прорастет посеянное им зерно.

— Господа, если вам угодно, мы встретимся здесь сегодня вечером в пять. А пока — каждый к своему посту.

Я обернулся. Антиопы уже не было. Я не смел поспешить за нею. Я вышел с бароном Идзуми и полковником Гарвеем.

По северным улицам города мы направились к Норс-Кинг-Стрит. Шли молча. То и дело встречались нам волонтеры, спешившие в южную часть города, иногда обгоняли мы подвизившихся оттуда раненых, измученных, молчаливых.

— А профессор Генриксен? — спросил я, чтобы сказать что-нибудь.

Полковник Гарвей досадливо махнул рукой.

— Он отказался идти с нами. Его поведение беспримерно. Сенатор Баркгильедро не приехал, где д-р Грютли — я не знаю... Отсутствие трех наших коллег весьма осложняет,

господа, наши обязанности. Не подлежит сомнению, мы, не отказываясь от самого полного беспристрастия, должны на-прячь все наши силы, чтобы втроем выполнить ту задачу, которая первоначально возлагалась на шестерых. Что вы думаете, господа, о ходе событий?

— Думаю,—сказал барон Идзуми,—что эти юноши—храбрейшие из храбрых. Но я удивляюсь, что они до сих пор еще держатся.

— И я того же мнения,—сказал полковник Гарвей.

— Я, кроме того, думаю,—сказал японец,—что даже, в случае поражения—они достигнут своей цели. Я не вижу впредь возможности для британского солдата ходить с высоко поднятой головой по тем улицам, по которым мы сейчас идем. Таково, господа, заключение, которым я намерен закончить свой доклад.

— События стремительно развиваются,—сказал полковник Гарвей.—Мы не должны больше расставаться, господа. Сегодня утром, господин Жерар, мы искали вас, но не могли найти. Разрешите вам сказать, что в наших общих интересах быть вместе. В нашем распоряжении будут лишь три соединенных наших голоса, когда понадобится говорить с победителем, встать между побежденными и обычными в таких случаях ужасами; я живейшим образом желаю, чтобы нам не пришлось этого увидеть, но мало на это надеюсь. Вы согласны, господа?

* * *

В домике на Норс-Кинг-Стрит ждало нас живописное и раздирающее душу зрелище. На две мили вокруг знали доброе сердце г-жи Хью—и использовали его до конца. У Уальшей явились подражатели. В данный момент в домике находилось до двадцати беглецов, выгнанных из южных кварталов пожаром или страхом перед пулями. Женщины причитали, дети кричали. Бедная г-жа Хью перебегала в

этом Ноевом ковчеге от одних к другим, она старалась всюду поспеть, но у ней не хватало сил справиться со всеми.

Увидав нас, она бросила своих случайных гостей и побежала ко мне.

— Ах, сударь, сударь, вы принесли нам какие-нибудь новости о нем?

— О ком?

— О Дэни, господин, о Дэни!

— Я могу лишь сказать,—начал я,—не желая обманывать несчастную женщину,—что вчера вечером он вышел со мной, и что...

— Я знаю, я знаю. Он сам мне рассказал, сегодня ночью, в два часа, когда вернулся.

— Значит, вы видели его?

— Видела. Он был точно сумасшедший. На нем были еще его форменные панталоны, вы знаете. Потом он надел на себя все штатское. И опять ушел, ничего мне не сказав.

— Ах, госпожа Хью, очень боюсь, не присоединился ли он к своим друзьям О'Догерти.

— Т. е. как это?

— Да, госпожа Хью, к своим друзьям О'Догерти, в революционной армии.

Она вскрикнула.

— Сыновья О'Догерти... И они тоже? Шин-фейнеры? Она отворила маленькую дверь на двор.

— Майкель, слышишь, Майкель, что он говорит. Сыновья О'Догерти—шин-фейнеры. И Дэни с ними.

Она бегала по комнате. Кончиком фартука стала машинально тереть медный подсвечник.

— Но их расстреляют, их расстреляют. Слышишь, Майкель, ты ведь вчера вечером сам желал, чтобы их расстреляли.

Со двора донесся стон. Старик Майкель рыдал.

— Господь да хранит вас, — сказал торжественно полковник Гарвей.

Два робких, коротких стука в потолок. Г-жа Хью бросила свой подсвечник.

— Теперь г. Дэвис! Я и забыла про него. Дэни носил ему чай. Где он теперь? Ах, милый, милый мой мальчик...

Она дрожащими руками ставила на поднос чашку слепого.

Не обращая внимания на всю эту суматоху, барон Идзуми уселся на низенький стул у камина, достал свою записную книжку, перо и стал писать.

Вдруг стены дома задрожали. Визг ребятишек на секунду затих, чтобы тотчас же возобновиться, — и он стал еще пронзительнее.

Барон Идзуми перестал писать.

— Тяжелая британская артиллерия, — сказал он.

Второй выстрел, казалось — еще сильнее первого. Все крики затихли. Был лишь слышен отчаянный лай собаки в соседнем доме.

— Конец, — проговорил полковник Гарвей.

* * *

— Чем могу служить, господин профессор Жерар?

Уже в третий раз за эти три дня сталкивался я с г. Ральфом во время моих поисков Антиопы в пылающем городе. И в третий раз встречал он меня все той же фразой.

— Я хочу говорить с графиней Кендалль, — сказал я резко, — и предупреждаю вас, вам не удастся помешать мне. Он иронически поглядел на меня.

— Вы будете удовлетворены, — сказал он. — Но я все-таки позволю себе заметить вам, что обычно следует держать данное слово. Вы дали полковнику Гарвею слово не отделяться от них. Если бы вы сдержали это слово, вы уже были бы подле ее сиятельства.

— Как это?

— Так, как я имею честь вам сказать. Два часа назад мною был отправлен солдат в номер 172 Норс-Кинг-Стрит. Он привел полковника Гарвея и барона Идзуми, и даже профессора Генриксена — его пришлось слегка подталкивать. Если вас он не застал с теми господами, не его в том вина. Тогда у меня явилась мысль, что вы, наверное, разыскиваете ее сиятельство в том месте, где видели прошлый вторник. Повидимому, догадка моя была справедлива. Но сегодня у нас суббота, господин профессор, и за эти три дня много произошло маленьких перемен. Так, Главной Квартире пришлось переменить помещение. Разрешите проводить вас туда, где она теперь устроена.

— Скорее, — сказал я.

— В самом деле, нужно скорее, господин профессор. Потому что, если мы будем зевать на улицах, мы рискуем опоздать.

Никогда еще, казалось мне, борьба не достигала такого напряжения, как в эти минуты, когда она уже так близко подходила к своему концу. Концу? Уже четыре дня, как полковник Гарвей произнес это слово. Потому было вполне естественно ждать его, этот конец, на следующий день. И все-таки еще сто часов держались инсургенты. Напрасно обрушивала на них мать-Англия тонны расплавленного металла... Против гаубиц, против митральез, против чудовищных пушек Хэльга, изрыгавших огонь в черную Лиффэй, против наемных солдат всей империи, один против двадцати, против Басе-Гольмер и Пти-Мильдрэд... — держались они, маленькие лавочники, маленькие учителя, вся эта толпа людей с бледными лицами, так презираемая грубыми пожирателями ростбифа. Теперь революция умирала, она умерла.

— Сюда, господин профессор, сюда. Эй! Лягте на землю. Хорошо. Вставайте. Скорей, еще скорей!

О, этот бешеный бег по рушащимся улицам, вдоль этих баррикад, с которых еще стреляют, все еще стреляют согнувшиеся призраки. Стены разваливаются, пылают небеса:

— Сюда, господин профессор, сюда! Вот в эту дверь. Скорей...

Через заваленный хрипевшими ранеными коридор добрались мы до двери в освещенную комнату. Остановились у ее порога. Крик радости приветствовал наше появление. Антиопа стояла передо мной. Она схватила мою руку. Вот сейчас заговорит...

В последний раз встал между нами суровый голос г. Ральфа.

— Ваше сиятельство! — только и сказал он.

И жестом указал нам на залу.

То, что предстало моим глазам, заставило меня задрожать, и на несколько мгновений покинула меня мысль об Антиопе. Когда мы бежали по окровавленным, обращенным в развалины улицам, мне казалось, что я прикасаюсь к самой вершине трагического ужаса. Я ошибался. Лишь теперь была она передо мной, эта вершина.

Я увидел Джэмса Коннолли, я увидел Пирса. Коннолли, раненый, лежал в кресле. Пирс стоял рядом с ним и держал перед ним лист бумаги. В руке у него была ручка, он старался вложить ее в руку Коннолли. Раненый отталкивал. Пирс настаивал. Мак-Донаг облокотился о подоконник и плакал. И другие, которых я не знал, плакали.

В одном углу стояла графиня Маркевич, бледная, безмолвная, со скрещенными на груди руками.

— Нужно, Джэмс, нужно! — повторял Пирс дрожащим голосом.

Наконец, Коннолли уступил, подписал. И с полным муки проклятием далеко отшвырнул перо.

Пирс покорно поднял ручку. Подошел к Мак-Донагу, тот тоже подписал.

Тогда и он поставил свою подпись под подписями своих товарищей.

— Теперь, трубы, — сказал он срывающимся голосом.

И, не в силах сдерживаться, упал на стол, обхватил голову руками, заплакал, как дитя.

Была немая минута, мы слышали лишь рыдания Пирса. Потом вдруг на площади, под окнами, зазвучала труба и покрыла треск выстрелов. Холодно и зловеще звучала она в страшном надвигающемся вечере. Потом зазвучала еще одна, потом — десять. Шин-фейнер признавался в своем поражении. Гром артиллерии стал, как будто, еще сильнее, но вокруг площади ружейная трескотня, как будто, стала ослабевать.

Я почувствовал, что кто-то положил мне на плечо руку. Рядом со мной был полковник Гарвей.

— Приготовьте ваши документы, удостоверяющие вашу личность, — прошептал он. — Приближается минута, когда мы, может быть, им будем обязаны жизнью.

И прибавил:

— Теперь начинается наша роль.

Должен признаться, он был прекрасен в своем спокойствии, так же, как и барон Идзуми. Напротив, профессор Генриксен, рухнувший на скамейку, был похож на какую-то отвратительную кучу тряпья.

Под окнами — выстрелы сменились гнетущей тишиной. И вдруг ружья опять затрещали во всю, где-то там, поблизости.

— Прекратите огонь, прекратите огонь, — повторял Пирс, словно могли там, на улице, расслышать его слабый голос.

Мак Донаг, стоя у окна, делал отчаянные знаки. Что там такое происходило, отчего на лице его отражались такое восхищение и ужас? Я инстинктивно подбежал к окну, г. Ральф опередил меня. Оба мы глухо вскрикнули.

На маленькой площади подходила к концу необычайная схватка. С одной стороны английские солдаты, сбегавшиеся отовсюду, с другой — лишь один человек.

Это был какой-то однорукий гигант. Он стоял в под'езде дома и из мешка, висевшего у него на шее, он вытаскивал бомбы. Здоровой рукой он вкладывал ее в стиснутый между коленями прибор и затем с невероятною силою и меткостью бросал ее в неприятеля. Британцы отвечали ружейными выстрелами. Это было какое-то чудо, что они еще не убили его... Менее чем в двадцать секунд он на наших глазах бросил четыре бомбы, и ни одна не пропала даром.

Наконец, когда он наклонился, чтобы взять пятую, пуля попала в него. Я видел, как громадное тело скатилось по ступеням лестницы. На секунду мелькнуло передо мною лицо этого безумца...

Было бы противно всем законам вероятности, если бы г. Теранс не прибавил от себя хотя бы одного аккорда в этот грозный, затихающий концерт.

Глава X

ДОРОГА ГИГАНТОВ

Весна наступила как-то сразу. Еще даже накануне никто не мог и думать, что она совсем близка — здесь, в грустном саду с оголенными деревьями, вдоль которых мне разрешили гулять четверть часа в день, — в саду с мокрыми, черными дорожками, на которых улитки виднелись красноватыми пятнами. И вот теперь — весна пришла. Небо было голубое, как голубиная шея, когда ветерок шевелит ее нежные, черные перышки. Молодое солнце улыбалось. Со своей постели слышал я молодые птичьи голоса. Было часов десять утра.

Ко мне с достоинством подходила сиделка, в очках, в холщевом халате — воротничек у халата накрахмален, манжеты — украшены маленькими красными крестами и застегнуты английскими булавками. Ей нечего было торопиться, дела было у нее мало, потому что из двенадцати кроватей в этой длинной зале с белыми занавесками занята были лишь моя.

— Был доктор, — сказала она. — Вы спали. Он нашел, что не стоит вас будить. Это доказывает, что, по его мнению, вы хорошо поправляетесь.

— Можно мне сегодня выйти?

— Конечно, не в Дублин. Но вы можете встать в одиннадцать и пройтись по саду. Завтракать будете за столом.

Думаю, что числа 10-го мая вы сможете оставить госпиталь.

— Ах, — воскликнул я, — еще четыре дня!

— Знаете, — сказала она с некоторой досадой, — можно подумать, что за вами был плохой уход. Когда вас привели сюда, мы думали, что продержим вас не двенадцать дней, а целый месяц.

— Я не жалуясь, — пробормотал я.

Она сделала жест, который говорил: еще бы этого не доставало... Она поправила одеяло, похлопала по подушке и вышла, отдав какие-то приказания служащему. Он, высокий, бородатый парень, сидя на подоконнике, мыл стекла.

Это окно было как раз против моей кровати. Спина человека, который мыл стекла, заслоняла мне вид в сад. Кажется, он никогда не кончит! У меня было такое впечатление, что вот уже четверть часа трет он все тот же четырехугольник.

— Сколько вы получаете в день? — спросил я.

— Десять шиллингов, господин, и еще харчи.

— Положим пятнадцать шиллингов, — сказал я. — И за сколько часов работы?

— В среднем, десять.

— Значит, по моему, мытье одного стекла обходится администрации в шиллинг и шесть пенсов.

— Очень может быть. Но администрация заинтересована в том, чтобы работа была хорошо сделана. Дольше простоят чистым.

С этими словами служащий степенно стал собирать свои инструменты: губку, шерстяную тряпку, чашку. Я с большим изумлением увидел, что он подошел к моей кровати и чрезвычайно развязно уселся в ногах.

— Никогда бы я не подумал, — сказал он, — что борода может за неделю так изменить человека. Не узнаете меня, господин профессор?

Я привскочил.

— Вы! Вы здесь!

Г. Ральф поднес палец к губам.

— Ш-ш! Как вы сами можете понять, это — только на время, господин профессор. Ш-ш! Будем говорить тише, прошу вас об этом, как о личном мне одолжении. У меня такое впечатление, что моя голова не нравится мисс Гэрти, вашей достойнейшей сиделке. И я предпочитаю, чтобы она попрежнему не знала, что за эту голову назначена плата.

Г. Ральф стал на колени. Он методически мыл теперь белые доски пола, совсем рядом со мной.

— В нашем распоряжении очень мало времени, — сказал он. — Постараемся привести в порядок вопросы, которые нужно нам сделать друг другу. Как вы себя чувствуете, господин профессор?

— Теперь, кажется, хорошо.

— Тем лучше, вы очень нас встревожили.

— А вы, сколько времени вы здесь? Никто не знал, что с вами случилось.

— О, только этому я обязан тем, что еще продолжаю жить. Вас принесли в этот госпиталь 29-го вечером. Я поступил сюда почти в то же время, что и вы, только вошел с черного хода, конечно. Я уже имел честь вам сказать, что это — на время. Двойная выгода: я экономлю свои скромные капиталы и остаюсь в распоряжении своих друзей.

И он с странной усмешкой сказал мне:

— Вы ничего об них не спрашиваете?

— Я имел до последней среды, — сказал я с усилием, — сведения через барона Идзуми и полковника Гарвея.

— Кстати, может быть, эти господа не сказали, что вы им обязаны жизнью. Я считаю справедливым сообщить вам это.

— Они так же скромны, как и добры, — прошептал я.

— И очень храбры, господин профессор. Я могу вам рассказать, как все это произошло. Когда злополучный снаряд попал в дом, почти в ту самую комнату, где только что была подписана капитуляция, — все встали почти совершенно невредимые, кроме вас, господин профессор. Вас отшвырнуло к стене, затылок у вас, повидимому, слабый, и вы лежали без чувств. Вы, конечно, сами понимаете, не такой это был момент, чтобы заняться вами. Те, мужчины и женщины, господин профессор, которые бы особенно хотели сделать это, сами были тут же арестованы нашими добрыми британскими друзьями.

— Я знаю, в этот момент вмешались г.г. Идзуми и Гарвей.

— Со своими документами в руках, господин профессор, они подняли чертовский шум; в то самое время, когда профессора Генриксена солдаты подняли на ноги прикладами, они не только не тронули вас, но, ошеломленные ругательствами американца и японца, очень любезно перенесли вас в более спокойное место; полковник гремел впереди вас, барон Идзуми бушевал позади... Я дальше не видел, так как предпочел уклониться от объяснений, которые были вправе от меня потребовать верные войска его величества Георга V.

— Барон Идзуми и полковник Гарвей покинули Дублин два дня назад, — сказал я. — Я знаю, что перед отъездом они сделали все необходимое у генерала Максуэля, чтобы я, как только поправлюсь, мог вернуться во Францию. Я всегда буду у них в долгу.

Г. Ральф старательно тер пол. Он повторил свой вопрос:

— А другие? Об них вы меня не спрашиваете?

— Пирс?

— Расстрелян, господин профессор, в эту среду,

— Клэрк?

— Расстрелян, тоже в среду.

— Мак-Донаг?

— Расстрелян, все в ту же среду.

— Коннолли?

— Приговорен к смертной казни. Но они гуманны. Они отложили расстрел до того времени, когда он будет в состоянии стоять.

— Мак-Бранд?

— Расстрелян, так же как Планкетт, Эдуард Дэйли, Уильям Пирс, О'Ганраган, один — вчера, остальные — третьего дня.

— Граф д'Антрим? — спросил я, понизив голос.

— Его сиятельство, — сказал г. Ральф голосом как будто спокойным, под которым крылось страшнейшее волнение, — его сиятельство был арестован 26-го апреля и немедленно заключен в тюрьму, в Трале. Но, вы понимаете, для старика такие потрясения... Прибавьте, что в это время года камеры довольно холодные. Графа д'Антрима нашли мертвым в его камере в воскресенье, 30-го апреля, когда тюремщик пришел спросить, не желает ли он присутствовать на мессе.

Оба мы замолчали. Г. Ральф выжимал с губки коричневые капли воды в чашку.

— Еще кого нет ли, господин профессор, о чьей участи вы хотели бы получить сведения?

— Графиня, — проговорил я дрожащим голосом, — графиня Маркевич?

Г. Ральф собрал свои принадлежности и стал уже уходить.

— Графиня Маркевич... Она ждет в тюрьме, когда военный суд произнесет свой приговор. Не долго ждать.

Он с усмешкой прибавил:

— Теперь, конечно, все, неправда ли? Право, как будто больше не о ком... До свидания, господин профессор.

Я с мучительным стоном приподнялся на постели.

— Ральф, постойте, ради бога, постойте!

Он опять подошел ко мне. Лицо его было бледно, на нем блуждала улыбка.

— Прекратите, прекратите, — сказал я, — эту отвратительную комедию. Не видите вы, что ли, что нет у меня сил?

— В самом деле, господин профессор?

— Довольно, Ральф, довольно! Скажите мне, скажите! В эту минуту слышались тихие шаги.

К нам шла мисс Герти, сухая и торжественная, скрестив руки на плоской груди.

Г. Ральф уронил губку.

Когда он наклонился, чтобы ее поднять, я расслышал его свистящий шопт:

— Она также ждет в тюрьме своего приговора. Она тверда. Будем, как она.

И он умолк.

Мисс Герти стояла между нами.

— Что вы тут делаете? — сказала она подозрительно. — Разве вам неизвестно, что правилами воспрещается служителям разговаривать с больными?

Г. Ральф с сокрушенным видом прижал чашку к груди.

— Известно, мисс Герти. Но господин позвал меня.

— Да? — обратилась она ко мне. — Правда? Что же вам было угодно?

— Господин хотел узнать, — проговорил он, смиренно опуская глаза к своей губке, — хотел узнать, к кому обратиться, чтобы достать библию. И я позволил себе, мисс Герти, сказать им, что вы почтете за большое удовольствие доставить ему библию.

Глаза ее выразили и удивление, и чувство удовлетворенности.

— За удовольствие? Нет, — сказала она величественно, — скажите, что я почту это за долг.

* * *

— ...Межу тем, все Маданитяне и Амаликитяне, и жители востока собрались вместе, перешли реку и стали станом на долине Израильской. И дух господень объял Гедеона; он вострубил в трубу, и созвано было племя Авиезерово итти за ним. И послал послов по всему колену Манасиину, и оно тоже вызвалось итти за ним...

Г. Ральф однозвучным голосом читал мне священное писание, так как я заявил, что у меня плохие глаза, и сам я читать не могу. Уже три дня нес он эту службу при мне. Мисс Герти охотно согласилась сбавить ему работу по уборке комнаты, чтобы забота о моей душе шла рядом с заботой о моем теле. Достоинейшая сиделка, страдавшая изрядною глухотою, обычно присутствовала при наших душеполезных занятиях. На этот раз она вязала и отрывала глаза от работы лишь за тем, чтобы поправить на носу очки или окинуть нас удовлетворенным взглядом.

— ...Маданитяне же и Амаликитяне и все жители востока расположились на долине в таком множестве, как саранча...

— Ничего нового? — спросил я шопотом.

— ...Верблюдам их не было числа, много было их, как песку на берегу моря... — продолжал невозмутимо г. Ральф. И тем же тоном, не выдавая, что прервал чтение, сказал:

— Да, есть новости.

— Какие?

— ...Когда же пришел Гедеон, то некий человек рассказывал другому сон и говорил так: снилось мне... Вы выходите из госпиталя завтра утром, в четверг, 11-го мая. Все это было предусмотрено... будто бы круглый ячменный хлеб катился по стану маданитян.

— А... она?

— ...это не иное что, как меч Гедеона, сына Иоасова, Израильянина... Она?.. Военный суд еще не вынес приговора... Завтра или в субботу.

— Я не хочу уезжать из Дублина, пока не узнаю...

— Вы говорите: не хочу. Но о вашем желании и не спросят. Решено, что вы оставите Дублин завтра вечером... Когда я и находящиеся со мной затрубим в трубы, трубите и вы в трубы ваши вокруг всего стана и кричите: меч господа и Гедеона... Сношения морем между Дублином и Англией еще не восстановлены. Завтра вечером вы поедете поездом на Бельфаст. Не качайте головой, это только привлекло бы внимание мисс Герти; она глухая, но не совсем уж идиотка. ...обратил господь меч одного на другого во всем стане и бежали полчища до Беошиты, до предела Авелмехолы близ Табафы... Право, весьма интересная история.

— О, значит я не могу ничем быть ей полезным! — сказал я.

— Вы будете читать газеты, — сухо ответил г. Ральф. — И вы не забудете, что я тут. ...И поймали двух князей Маданитских: Орива и Зива, и убили Орива в Цур-Ориве, а Зива — в Иекев-Зиве и преследовали Маданитян... Не могли ли бы вы, господин профессор, оказать одну услугу и мне, вашему покорному слуге?

— Вам?

— Да, мне. Вы завтра вечером, повторяю, оставите Дублин. В Бельфаст приедете около полуночи. Пароход в Ливерпуль отходит лишь в воскресенье, 14-го мая. Таким образом, в вашем распоряжении вся суббота. Даю вам слово, Бельфаст — не очень уж веселый город. Когда приходите вы часик вокруг памятника — фонтана Томпсона...

— Ну?

— ...Виноградная гроздь Еффраима не драгоценнее ли всего урожая Авиезерова... Прошу вас, господин профессор, сесть в поезд на станции Мидланд. Через два часа вы будете в Колмайне и Портраше. Оттуда электрический трамвай доставит вас к замку Дэнмор. Вы, конечно, знаете, господин профессор, что их сиятельства жили в Дэнморе до переезда в Кендалль.

— Знаю, Ральф.

...Когда предаст господь Зевея и Сальмана в руки мои, растерзаю тело ваше терновником пустыни... Вы подойдете к главной двери замка и там увидите вделанный в стену железный звонок. Вы дернете два раза, и не беспокойтесь, что не услышите звонка, он довольно далеко, внутри здания. Вы подождете, пока вам отпрут. Отопрет старуха. Моя мать, господин профессор.

— Я поеду, Ральф.

— Благодарю, господин профессор. Моя мать никогда не выезжала из Дэнмора, сейчас она там, должно быть, единственный сторож. Очень боюсь, что и там в последние дни были какие-нибудь истории со стороны полиции. Наверное сделали обыск, может быть — произведен разгром... Гедеон, пошел к живущим в шатрах на восток от Нов и Иокбеги... Но все-таки, не думаю, чтобы они потревожили мою мать, ей семьдесят два года, господин профессор.

— Что должен я ей сказать, Ральф?

— То, что случилось: что я жив и что при первой возможности приеду ее поцеловать. Вы объясните ей, что в данную минуту это невозможно и что тут еще есть у меня дела. Вы постараетесь успокоить бедную старушку. Заранее благодарю вас. ...и возвратился Гедеон, сын Иоаса, с войны от возвышенности Хереса. И захватил юношу из жителей Сокхофа... Вы будете в Дэнморе около одиннадцати. Поезд в Бельфаст отходит лишь в шесть. Моя мать даст вам позавтракать. И может быть вы попросите

ее разрешить вам посетить замок, кладбище, где покоятся графы Кендалль, оттуда, и в тихую погоду, и в бурю, великолепный вид на море. ... *Иефер не извлек меча своего, и встал и убил Зевея и Салмана и взял пряжки, бывшие на шеях верблюдов их...*

Сиделка встала и, перегнувшись через плечо Ральфа, тоже стала читать:

— Вы дочитали только до сих пор? — спросила она.

— Да, мисс Герти. Это потому, что г. профессор Жерар время от времени перебивает каким-нибудь подходящим объяснением чтение божественного текста.

* * *

На следующий день утром, около десяти часов, я, с библией в одной руке, со своим маленьким багажем в другой, переступил через порог госпиталя, напутствуемый пожеланиями мисс Герти. Повидать Ральфа мне не удалось.

В полдень я все уладил с британским правительством. Мне вручили, с несколькими не весьма ласковыми словами, мой паспорт на Бельфа́ст, где я должен его снова визировать у военных властей, так как военное положение еще продолжалось.

Я наскоро позавтракал в только что открывшемся снова плохеньком трактире. Я был там один. Неловко прислуживала мне девушка и вся дрожала.

По разрушенным улицам, которых я не узнавал, попробовал я добраться до тех мест, где провел с Антиопой несколько часов, но не мог этих мест разыскать. Всюду были только развалины, и охранявшая их, со штыками или пушкой, стража, еще издали делала знаки, чтобы я не подходил.

Тогда я вышел из тех кварталов, где борьба развертывалась с особою яростью, и направился к Норс-Кинг-Стрит.

— Госпожа Хью!

— Ах, это вы!

Я пришел узнать что-нибудь об этих несчастных людях, которые сделали для нас все, что только могли. Госпожа Хью была вся в черном. Я безмолвно стоял перед нею.

— Садитесь, сударь, пожалуйста. Я рада, что вижу вас здоровым после всех этих ужасов.

Она обратилась за эти двенадцать дней в старуху, совсем в старуху, с жалкими, дрожащими руками и надорванным голосом.

Наконец я нашел в себе силу заговорить.

— Дэни?

Г-жа Хью махнула рукою.

— Слава небесам, они не захватили его, он бродит где-нибудь по дорогам в глубине страны. Ведь нечего было и думать о том, чтобы он вернулся к себе в полк во Фландрии; на его счет я более или менее спокойна, потому что, сами понимаете, после того, что произошло, вся Ирландия на их стороне. Где бы он ни был, его спрячут, об нем позаботятся. Ему же удалось за неделю два раза дать мне о себе знать. Не об нем думаю я, сударь, — я думаю об умерших.

— Об умерших, госпожа Хью?

— Да, о моем муже, они убили его.

— Г. Хью убит!

— Да, ведь вы видели его! Такого человека, который за всю свою жизнь не сделал никому никакого зла... И г. Уальша они тоже убили.

Она стояла передо мной, без слез, сложив на новом, черном фартуке бескровные руки.

— Это случилось в субботу, вскоре после того, как ушли ваши друзья.

Она говорила все это одното́нным голосом, почти спокойно, как говорят слишком уставшие от слез люди.

— Солдаты вошли в наружную дверь и в дверь в вестибюле. Они бросились к нам с криком: «Руки вверх!»

Бегали по всему дому, обыскивали лавку, кухню и комнаты наверху. Мы им сказали, что нет у нас никаких дел с шинфейнерами. Солдаты стали обыскивать мужчин. У мужа были некоторые наши драгоценные вещи, я отдала их ему для верности. Солдаты забрали их, засунули себе в карманы, и больше я этих вещей уже не видела. Затем они приказали нам, женщинам и детям, спуститься в подвал, а мужа увели наверх. Г. Уальша отвели в комнату в первом этаже, откуда мы только что ушли. Прошло немного времени, и я услышала, как кто-то наверху говорит: «Зачем вы это делаете? Ничего мы вам не сделали». Потом слышался какой-то глухой шум, мы вздрогнули; как будто солдаты сдвинули с места или опрокинули какую-то тяжелую мебель, вроде шкафа. Мне и в голову не пришло, что это упал один из двух мужчин. Всю ночь над нашими головами ходили солдаты, приходили, уходили. В вестибюль принесли раненого солдата, я ухаживала за ним и сделала для него все, что могла.

— А потом, госпожа Хью?

— Днем я отнесла чашку чаю слепому старику, знаете, который у нас живет. Когда я поднималась по лестнице, один солдат крикнул: «Нельзя вам туда». Я начинала нервничать, беспокоиться. Проходя мимо залы, я заглянула в замочную скважину. Какой ужас! У камина лежал мертвый человек. Я спросила солдата: «Кто это?» Он ответил: «Мятежник из одного дома». Я не была еще уверена. Вся дрожа, сошла я вниз и спросила г-жу Уальш, какого цвета носки были на ее муже, так как я хорошо разглядела ноги лежавшего там наверху человека. Она заметила, что я в смертельном испуге, и сама тоже заволновалась. Я на некоторое время ее успокоила. Но я стала подозревать, в чем дело, и несколько раз спрашивала солдат: «Где мой муж?» Они ответили: «Его взяли в плен и отвели в казармы». Я настаивала, чтобы мне сказали точ-

нее, и какой-то из солдат сказал мне, что нужно обратиться к офицеру. Наконец, часов в десять вечера, пришел офицер. После долгих ожиданий, он разрешил мне подняться наверх и поглядеть. Предварительно он попросил дать ему чашку с водой и тряпку и сам поднялся туда. Наверное, он хотел смыть с трупов кровь, потому что одежда на них, когда мы пришли, была вся мокрая. Окончив свое дело, офицер спустился вниз и со свечей в руке проводил меня в комнату наверху. Там увидела я труп моего мужа.

— Напишите все это, госпожа Хью, не пропустите ни одной подробности. И может быть, смерть несчастного г. Хью не останется совсем бесполезной для его родины¹⁾.

Часов в семь вечера, на мрачном вокзале на Амьенской улице, кишевшей темными солдатами, со мной случился обморок. Я вдруг решил остаться, чего бы это мне ни стоило, в том городе, где решалась судьба Антиопы. Уже захлопывались одна за другой двери в отходящем поезде. Я сидел, весь разбитый, дрожа в лихорадке, на скамейке платформы. Предо мною выросли две тени. Без долгих объяснений мне предложили занять место в отделении вагона, и эти люди повели, почти поволокли меня к нему. Один из них сел вместе со мной. Когда проживешь такие часы, уже ничто не страшно в жизни.

* * *

Я дернул старый, ржавый звонок, о котором говорил мне г. Ральф. Сердце у меня билось. Прошли две минуты, показались они бесконечностью. Тяжело отворилась громадная дверь.

¹⁾ Г-жа Хью последовала данному ей совету. В ее показании перед следственной комиссией — буквально те же выражения, что в вышеприведенном рассказе. (См. „Дублинские убийства“. Показание г-жи Хью, вдовы Майкеля Хью, № 172, Норе-Кинг-Стрит).

— Госпожа Макгрегор, не правда ли?

Предо мною была маленькая, маленькая старушка. Глаза ее вопросительно смотрели на меня, и был в них какой-то скорбный испуг. Бледно-голубые глаза, почти такого же цвета, как небо над нами, по которому величественно плыли большие белые облака.

— Я от вашего сына Ральфа. Он жив. И на свободе.

Она прижала к сердцу свои ручки в черных шерстяных митенках.

— От Ральфа? Ах, сударь, войдите, войдите.

Дверь с глухим шумом затворилась за нами.

— Входите, входите!

Мы прошли двор, окруженный гигантскими серыми стенами. У пышного, но уже обветшавшего подъезда, с травой между разошедшимися, истоптанными плитами, была конура, около нее дремала цепная собака. Она тоже была очень стара. Когда я проходил мимо, она как будто даже и не заметила этого.

Замок Кендалль имел, по сравнению с Дэнморским, вид почти игривый.

В комнате со сводами, с облупившейся, старинной, наивной живописью по стенам, я сел у яркого огня, который поблескивал между железными полосами в камине.

— Присядьте, сударыня, прошу вас.

Но она ни за что не соглашалась и продолжала стоять, такая маленькая, вся черная. И было непостижимо, как такой колосс, как г. Ральф, мог получить жизнь от этой крошечной женщины.

Она слушала, что я ей рассказывал, передавая всякие подробности, иногда вскрикивала, но старалась сдерживать эти возгласы. Я старался ничего не забыть, понимая, что робкая маленькая женщина никогда не отважилась бы задать мне какой-нибудь вопрос.

Когда я сообщил ей, что граф д'Антрим умер, что графиня Кендалль арестована, она точно еще больше сморщилась. Она не плакала. Только правая рука украдкой делала крестное знамение.

— А здесь? — спросил я, чтобы прервать последовавшее за моим рассказом молчание.

Она сделала какое-то неопределенное движение рукой.

— Приезжали какие-то господа из Бельфаста, с солдатами и полицией. Целый день обыскивали замок. Увезли большой чемодан с бумагами. А так ничего не тронули.

— Вы здесь одна?

— Да, господин.

— Ральф сказал мне, — заговорил я снова, помолчав немного, — Ральф мне сказал, что вы будете так любезны и покажете замок. Когда-то я знал графиню Антиопу, еще совсем девочкой. Она часто рассказывала мне о Дэнморе. Я был бы очень рад...

— О, все, что вам угодно, сударь.

На поясе у нее висела толстая связка ключей. Она взяла ее.

— Ральф сказал мне еще, — прибавил я с улыбкой, — что с моей стороны не будет неделикатностью попросить у вас разрешения разделить с вами завтрак.

Она всплеснула руками.

— О, сударь, прошу вас, простите. Я — несчастная старуха, события отняли у меня и последний ум. Сама я уж ничего не соображаю, нужно все мне сказать.

И за весь этот день впервые засветился огонек в ее глазах.

— О, Ральф — он обо всем подумает, — сказала она, — он всегда обо всем думал.

Она протянула мне свою связку ключей. Я скромно отстранил их.

— О, а эти господа из Бельфаста брали у меня ключи, — сказала она с обезоруживающею наивностью. — Полагаю, что у друга моего сына не меньше прав, чем у английских полицейских.

Целый час бродил я по замку. Гулко раздавались мои шаги по пустынным лестницам и коридорам. Поднявшись во второй этаж, я растворил окно. Облокотился. На не-обозримом пространстве стлалось море, весеннее море, бледно-лиловое, и по его поверхности проступали более темными красками течения.

Я опять закрыл окно. Я открывал одну дверь за другой. Сердце мое было полно глубокого волнения. Все такие же комнаты, формою похожие на церковные залы, торжественные, как часовни, отделанные строгим дубом. По стенам — портреты. Длинный ряд джентельменов, ведущих на протяжении веков трагическую борьбу с саксами. Кое-где зеркала, в которых уже издали видел я свое все приближающееся отражение, еще увеличивали фантастические размеры этих зал. И двух лет не прошло, как было покинуто это жилище, а казалось, что уже века оно необитаемо.

Я толкнул еще одну дверь и задрожал. Не было сомнений, что я вошел в комнату Антиопы.

Я подошел прямо к маленькому кронштейну из розового дерева. Несколько фотографий в стареньких рамках. Портреты Антиопы, когда она была ребенком. На одной фотографии она была в коротенькой юбочке, в блузке с матросским воротником. Я вынул фотографию из рамки. На обороте я прочитал имя фотографа, его адрес — Э-ле-Бэн, Гранд Авеню — и дата — 1894.

Я положил маленький портрет себе в бумажник и тихо вышел на цыпочках.

На лестнице слышались легкие шаги. Это была старушка, наверное она, не мог, конечно, быть никто другой.

Но какая тревога охватила меня! Она прошла лишь тогда, когда я увидел на площадке старушку, и она засеменила ко мне.

— Ваш завтрак готов.

Я был вынужден, несмотря на все мои возражения, один сесть за стол в громадной столовой, где она накрыла мне завтрак. Хрустальная с серебром чаша, наполненная светлым вином, бросала на скатерть свою розовую, переливчатую тень. Я быстро поел, стараясь не греметь посудой.

— А теперь, не угодно ли вам пойти со мной, — сказала старушка.

Я пошел. Мы спустились в парадный двор. Она отперла входную дверь, посторонившись, чтобы пропустить меня вперед. Тут только я заметил, что у нее в руках букет цветов.

— Вы разрешите мне проводить вас туда.

Мы пошли по скалистой дорожке, вившейся вдоль основания Дэнморского замка. По другую ее сторону была стена футов шесть в высоту, посредине ее — железная решетка с крестом.

Мать Ральфа толкнула решетку, та со скрипом отворилась. В ответ на этот скрип раздалась какие-то хриплые крики. Вокруг нас закружились чайки.

Мы были на площадке, высеченной в скале. С трех сторон — громадные, голубые и белые просторы неба и моря; за нами высился суровый и величественный силуэт замка.

На этой площадке стояли в два ряда, словно какая-то гигантская игра в домино, приблизительно двадцать каменных столов.

— Могилы графов Кендалль, — сказала старушка.

Она пошла проходом, который образовали тяжелые серые четырехугольники. На всех этих камнях были вырезаны надписи. По мере того, как мы подвигались вперед, как уходили вместе с моей спутницей из дали времен, надписи

становились все более разборчивыми. Старушка подошла к последнему камню, на котором лежал увядший букет цветов. Она сняла этот букет, вместо него положила свежие цветы, которые принесла. Она опустилась на колени и молилась.

Круги чаек вокруг нас все суживались. Некоторые из них успокоились и опустились на камни.

Я стоял позади коленопреклоненной матери Ральфа, глаза мои блуждали по небу, по океану. Потом они остановились на могильном камне, который был перед нами.

Камень был разделен посредине черной полосой. На левой стороне я прочитал:

Генри Бакстер, граф Кендалль.

22 ноября 1878 — 6 июня 1914.

По правую сторону от черной полосы не было ничего.

Скоро старушка поднялась.

— До отхода поезда у вас еще два часа. Вместо того, чтобы идти опять в замок, а там уж почти нечего больше осматривать, может быть вам было бы приятно спуститься по узенькой тропинке к морю. Ее сиятельство графиня Антиопа с тех пор, как стала ходить, каждый день делала эту прогулку. И если бы мой сын был здесь, он непременно посоветовал бы вам воспользоваться остающимся еще временем и пойти посмотреть Дорогу Гигантов.

— Прошу извинения, — прибавила она, — что сама не провожаю вас, но я не имею права оставлять надолго замок. Впрочем, вы не можете заблудиться. Вот эта тропинка ведет прямо к Дороге Гигантов. Не больше десяти минут ходу.

И дорога Гигантов узрит победу Фин-Мак-Куля и бегство утеснителя.

Фин-Мак-Куль, гигант, первый граф в стране д'Антрим, в стране пещер, был вызван на странный бой своим англий-

ским соперником, гигантом Баллендонером. Фин-Мак-Куль не побоялся Баллендонера; не только не побоялся, но даже, чтобы дать Баллендонеру возможность притти к нему, довел свою любезность и свою снисходительность до того, что соединил Шотландию и Ирландию дорогою, собственноручно им построенною. Так может Баллендонер притти не замочив ног. Баллендонер пришел, и Фин-Мак-Куль победил его. Можно было надеяться, что Баллендонер честно примет свое поражение. Он не был честен. Началась эпоха войн между потомствами этих двух людей, и каких войн! В течение веков и веков потомство Фин-Мак-Куля подвергалось адским нападениям, и, казалось, будет уничтожено. Ужели же напрасно пролилась кровь мучеников Пасхи? Баллендонер трубит о своей победе. Но в то же время протягивает руку примирения. А раз делает он, добрый вестник, этот жест, значит — побежден он, совсем побежден. Неужели вы, сыны Фин-Мак-Куля, принимая эту руку, сами поможете Баллендонеру занять вашу землю, за которую цепляется он с отчаянною энергией?

Ирландцы, открывается для вас новая битва, в которой вся расточаемая вами кровь и храбрость не дают еще победы. Вы, бесстрашно, с улыбкою стоявшие перед виселицею и митральезами, бойтесь, больше всего бойтесь тихого маклера, сегодня протягивающего вам ту самую руку, которой еще вчера старался вас задушить. Сила не могла вас сломить. Тогда — вперед, лицемерные билли и двусмысленные проекты «решения ирландского вопроса!» Ирландцы, помните про барышнические договоры, которых «доводы продиктованы силою, статьи оплачены подкупом, и подписи сделаны трусостью».

Честнее всего у вашего врага — его пуля. Да, в тысячу раз лучше Стронгбоу, чем Николас Брэкспир, Кромвель-солдафон, чем Кромвель-апостол, Корнуоллис, чем Кастлри. Тем, кто ведет переговоры со вторыми, грозят куда более

отвратительные козни, чем тем, кто борется с первыми. Из этих переговоров люди всегда выходили одураченными и часто — опозоренными.

Да, Дорога Гигантов увидит разгром поработителей, но при условии, что скорее базальтовые плиты, когда-то облегчившие приход несущих войну Баллендонеров, навсегда погрузятся в морские волны, чем послужат мостом для Баллендонеров, несущих ложный мир. На смену пахнущему водкой маршалу приходит медоточивый посредник. Всмотритесь в него, узнайте его, с его благородными седыми волосами, с его розовым лицом патриарха, под зонтиком из серого альпага, в его честном квакерском сюртуке. Что на чашках весов, колеблющихся в его жирной руке? О, почти ничего: семь веков мук и тревог. О, вы увидите, кроткие мои ягнята, как оплатят вам кровь Пирса, кровь Мак Брайда, кровь Кларка, кровь Мак-Донага... Проходите, фигляр! Между двумя чашками чаю, двумя стихами библии, двумя партиями в гольф заключают такое милое соглашение: «Подпишите, друзья мои, подпишите! Неужели же исчезло из этого мира доверие?...» Так, готово. И вдруг, добренький человечек выпрямляется во весь свой рост, отшвыривает всю свою вкрадчивость, как привязную бороду:

Дом принадлежит мне. Уходите из него вы.

Когда я поднимался назад по тропинке, сумерки осыпали величественные базальты Дороги Гигантов своею лиловою пылью. Шумные воды прилива подбегали к гигантским колоннам, покрывали те из них, что лежали, поверженные, на земле. Вдали убегало в беспредельность великое серое море, то море, сквозь туманы которого воины Цезаря увидели остров, названный ими Туле, и поверили, после всех мук, с гордостью, что достигли они последнего края земли.

Как часовой, делающий свои сто шагов, двигался по темной воде взад и вперед контр-миноносец. По мере того, как

густел мрак, — красные огни смешивались с густыми черными клубами, изрыгавшимися его трубами.

* * *

Ожидая в одной из Колрэйнских таверн поезда, который отвез бы меня в Бельфаст, я прочитал в вечерней газете последние новости. Джеймс Коннолли и Шан-Мак Диармада были в это утро казнены в Дублине. Кроме того, газета сообщала список повстанцев, приговоренных военным судом к бессрочным каторжным работам.

В этом списке я нашел имена г. де Валера и двух графинь — Маркевич и Кендалль.

Э П И Л О Г

— Господин Жерар! Уже! А мы вас ждали только завтра утром.

Так встретил меня, на пороге Дома Печати, молодой Лабульбэн.

Он был прав: как это делают получившие отпуск, когда у них не совсем спокойно на душе, я вернулся на день раньше.

— А здесь что нового? — спросил я не без некоторого смущения.

— О, ровно ничего. Все так же потихоньку, полегоньку, сами знаете. Ах да, должен вам сказать, прибыл ваш сундук. Уже три дня. Я был немножко удивлен, вы меня не предупредили. Но, конечно, я не отказался принять. Велел отнести его в гараж, на улицу Монтеня. Можете получить, когда хотите. Он никому там не мешает.

— Благодарю вас. Это все?

— Что ж еще? Право, как будто ничего.

Он немного понизил голос.

— Знаете, серьезно поговаривают о третьей зимней кампании?

У себя в канцелярии я нашел три или четыре письма, ждавшие меня уже около месяца. В письмах не было ничего важного.

Я заглянул в газету. Рассеянно пробежал статью, под заглавием: «Начнем теперь же готовиться к послевоенному периоду». Рядом были сообщения о событиях в Ирландии. Я прочитал подзаголовок: «Немецкие офицеры среди мятежников».

— Господи, неужто же и все остальное так известно? Я схватил шляпу и вышел.

Около двух часов пополудни я был в сквере Лагард, у дома профессора Жерара.

Я поднялся по лестнице, позвонил.

— Сейчас погляжу, дома ли, — сказала горничная, взяв мою карточку.

Ах, если бы не было его дома! Нет, не лучше ли сразу положить всему конец.

Горничная вернулась.

— Будьте любезны войти.

В кабинете профессора было темно. Думаю, при свете я не мог бы говорить.

Рассказ мой длился минут десять. Несомненно, я бес- сознательно в последние дни подготовил, что скажу, когда наступит минута, — по крайней мере, я без особого труда находил нужные слова. Только в горле немного пересохло.

Кончил я даже несколько развязно.

— Может быть, г. профессор, вы никогда бы не узнали обо всей этой истории, если бы я сам не пришел к вам об- винить себя, но тогда моему поведению действительно не было бы извинений. Я видел и слышал то, что не должно зате- ряться. Память у меня хорошая, я сделал некоторые за- метки. Я всецело в вашем распоряжении.

Пока я говорил, он крутил свой лорнет между большим и указательным пальцами правой руки. Ни разу не пере- бил он меня: было очевидно, он беспощадно осуждал мое по- ведение. Но я чувствовал, что удивление в нем еще сильнее его суровости.

Я остановился, чтобы дать ему возможность сказать что-нибудь, все равно — что.

Но он продолжал молчать.

Я начинал терять уверенность.

— Что же касается причин, — сказал я, — толкнувших меня на такое приключение...

— Излишне. Может быть, я эти причины знаю.

С этими словами он выдвинул ящик стола, стал рыться в бумагах.

— Вот два письма, адресованные вам.

— Письма, адресованные мне?...

— Ну, да! — сказал он, и в глазах его мелькнула легкая ирония. — Весьма естественно, что часть вашей корреспонденции получила в Collège de France. Прошу извинения, что распечатал эти два письма. Но, согласитесь, не мог же я знать...

Он встал с кресла.

— Простите, но мне пора идти.

Я также встал. Он проводил меня до входной двери.

— До свидания. Вы каждый день можете застать меня в этот же час. Не заставляйте слишком долго ждать вашего следующего посещения. Вероятно, мне понадобятся те сведения, которые вы любезно собрали вместо меня.

Было четыре часа. Дети выходили из школ, толкались. Тихо поднялся я по улице Клод Бернара. Потом спустился улицей Гей-Люссака. Письма были у меня в руке. Я искал местечка, где бы присесть и прочитать их. Клонился к вечеру прелестный майский день, теплый, голубой, уже полный летних испарений.

На углу улицы Суффло и бульвара Сэн-Мишеля я сел на террасе ресторана Пантеона. Я развернул первое письмо.

Изящная карточка из бристоля, в левом углу — золотая коронка. Я прочитал следующие фразы, наверное очень смутившие профессора Жерара.

Челси, 14 мая 1916.

С истинным удовольствием узнала я, дорогой друг, что вы вышли целым и невредимым из того дела, в которое несколько неблагоразумно впутались. Пожалуй, вы были мной не вполне корректны, но это не важно! Я была бы очень рада повидать вас. Через две недели я буду в Париже, чтобы посмотреть летние моды. Будьте милым, придите позавтракать по дружески у Ритца с вашей

Флорой Арбэкль.

P. S. Реджинальд просит вас напомнить о нем и поручает мне сказать вам, что он был бы счастлив получить пропуск на одну из ваших лекций в Collège de France.

Я положил письмо в карман. Развернул другое и вздрогнул: я узнал почерк Антиопы.

Жалкий листок плохой бумаги в клетку. В левом углу, там, где на бристоле лэди Флоры была золотая коронка, — номер, вероятно — номер камеры.

Портландская тюрьма, 15 мая 1916.

Я только что узнала, что вы теперь в безопасности, что вы спасены. Дружественное мне лицо берется доставить вам это письмо. Надеюсь, оно дойдет до вас.

Вам, может быть, известно, что военный суд приговорил меня к вечным каторжным работам. Я не жалуюсь. Я сильна. Но чтобы быть совсем сильной, я должна выполнить один долг по отношению к вам, который добровольно приняла на себя.

Вспомните: три недели назад, в тот день, когда мы возвращались с прогулки по берегу моря, я умоляла вас не осудить меня, что бы вы ни узнали обо мне. Я хочу сама сказать вам все это.

Вы были обмануты. Та девочка, которую знали вы когда-то во Франции, — не я. Я не графиня Кендалль. Графиня

Антиопа умерла 6-го июня 1914 г., при той катастрофе, которая стоила жизни и ее мужу, в которой и я чуть не погибла. Графиня Антиопа покоится на Дэнморском кладбище, и я знаю, что вы, не подозревая того, молились у ее могилы.

Я — только бедная девушка, принужденная, после той катастрофы, занять место своей госпожи. Мы уехали из Дэнмора, где нас знали. Мы приехали в Кендалль.

Было необходимо обеспечить пророчеству Донегаля его исполнение. Может быть, многое, что раньше казалось вам таким странным, теперь станет ясным. Я повиновалась тому, чего от меня потребовали. И это было легко до вашего приезда в Кендалль. С той минуты часто казалось мне, что я сойду с ума.

Пишу я это письмо, конечно, затем, чтобы сказать всю правду: мне казалось, что я начинаю вас любить. Но в то же время я чувствовала, что вы никогда никого не любили, кроме графини Кендалль. Я видела, вы искали во мне воспоминания о ней. Я много страдала. Все кончилось. Я отсюда не выйду, а если когда-нибудь и выйду, то лишь за тем, чтобы стать женою Ральфа Макгрегора, с которым я помолвлена с 1914 г., когда произошла Дэнморская катастрофа. Вы знаете, он добр и храбр. Он любит меня и, надеюсь, я еще опять полюблю его.

Эдит Стюарт.

Медленно сложил я это письмо. Точно в тумане проходили передо мною гуляющие: работницы, студенты, солдаты в отпуску.

— Франсуа Жерар!

Я машинально повернул голову туда, откуда раздался этот возглас. Я узнал Клотильду, молоденькую женщину, с которой я около 1913 г. довольно часто бродил ночами по барам.

— Гарсон, перенесите мой стакан на стол этого господина.

Она без церемоний уселась рядом со мной. Одетая она была плохо — ярко и дешево. По своему она тоже пострадала.

— Как я довольна, что встретила вас! Право, с этой войной никогда нельзя быть уверенным... Ну, конечно, жаловаться не приходится, когда солдаты в окопах. Но все-таки, у всех много горя.

Она понизила голос и спросила:

— Кажется, японцы подходят. Слыхали вы об этом?

— Клотильда, столько болтают всякого!

— Сюрвилль убит, — слыхали вы?

— Нет.

Я едва отвечал ей. Она, не смущаясь этим, продолжала рассказывать мне о наших товарищах 1914 г., о тех, кого поглотила земля полей битв — о Рибейре, о Сюрвилле, Мутон-Массэ, де Виньерте, а перед нами деревья Люксембургского парка вбирали в свои большие зеленые и красные ветви свет умирающего солнца.

Перевел с французского

Н. М. Ефрос

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
Пролог	7
Глава I. До чего доводит мингрельский язык . .	15
„ II. Господин Теранс	38
„ III. По пути в Керри	55
„ IV. Кендалль	79
„ V. Кендалль (продолжение)	102
„ VI. Комната Кропоткина	127
„ VII. Еще восемь дней	153
„ VIII. Ужинают у Дориана Грея	177
„ IX. Ипр на набережной Лиффэй	208
„ X. Дорога гигантов	233
Эпилог	254
